

Проф. В. Бузескуль.

ИСТОРІЯ

Харьковскаго Университета

ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1884 Г.

(съ 1884 до 1905 г.).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., домъ № 19.

1905.

Отдѣльные оттиски изъ ~~К~~раткой исторіи Харьковского университета.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОДЪ:

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1884 Г.

(съ 1884 г. до 1905 г.)¹⁾.

Четвертую эпоху въ жизни Харьковскаго университета за истекшее столѣтіе составляютъ послѣднія 20 лѣтъ, 1884—1904 г.г., *время дѣйствія устава 1884 г.* Эпоха эта, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько періодовъ: 1) съ 1884 г. по 1888 г.—время неуклоннаго проведенія новаго устава и мѣръ, дополняющихъ и развивающихъ его основныя начала; 2) съ 1888 до 1899 г.—время болѣе мягкаго примѣненія устава и связанныхъ съ нимъ правилъ, нѣкотораго даже измѣненія въ нихъ, въ смыслѣ возвращенія къ прежнему, и наконецъ 3), съ 1899 до 1905 г.—периодъ массовыхъ студенческихъ безпорядковъ, такъ называемыхъ *забастовокъ*, время полнаго крушенія устава 1884 г. и признанія его несостоятельности и необходимости коренной реформы.

Но мы будемъ и здѣсь держаться по возможности того порядка изложенія, который принятъ въ первыхъ частяхъ настоящаго очерка.

¹⁾ Въ основу положены, во 1-хъ, документальныя матеріалы, извлеченныя проф. Д. П. Багалъемъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія и любезно представленныя имъ въ мое распоряженіе, за что приношу искреннюю благодарность глубокоуважаемому товарищу; во-2-хъ, циркуляры, правила и друг. распоряженія (печатныя); въ 3-хъ, отчеты (частью рукописныя, частью печатныя), протоколы и проч. документы изъ университетскаго архива; въ-4-хъ, доклады комиссій и мнѣнія совѣта по разнымъ вопросамъ (большеею частью печатныя) и, наконецъ, личныя воспоминанія. Въ настоящій отдѣлъ вошелъ почти цѣликомъ, въ предѣланномъ видѣ, «Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета въ царствованіе императора Александра III», составленный мною въ 1900 г., по порученію тогдашняго ректора Г. П. Лагермарка, и напечатанный въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ на правахъ рукописи.

В. Бузескутъ.

1-я глава.

Уставъ 1884 г. и строй университета.

Уставъ 1884 г., какъ извѣстно, готовился задолго до его введенія, еще съ 70-хъ годовъ. Какъ шла эта подготовка, здѣсь не мѣсто излагать подробно: это относится къ общей исторіи русскихъ университетовъ и министерства народнаго просвѣщенія; подробности можно найти и въ историческомъ обзорѣ дѣятельности послѣдняго, составленномъ С. В. Рождественскимъ¹⁾. Достаточно сказать, что поводомъ къ пересмотру университетскаго устава 1863 г. послужили студенческіе безпорядки и обсужденіе мѣръ къ ихъ предотвращенію; а цѣлю реформы было усиленіе правительственнаго вліянія на управленіе университетами, контроля надъ преподаваніемъ въ нихъ, и утвержденіе порядка и дисциплины среди учащихся²⁾. Совѣтъ Харьковскаго университета, въ отвѣтъ на запросъ министерства (въ 1872 г.) о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ 1863 г., высказался, подобно другимъ университетамъ, за сохраненіе началъ автономіи и основъ этого устава. Въ такомъ же смыслѣ высказывался въ коммисіи, образованной въ 1875 г. для разработки проекта новаго устава, и тогдашній ректоръ Харьковскаго университета А. С. Пистра. Отставка гр. Д. А. Толстого задержала намѣченную коренную реформу русскихъ университетовъ. Но съ назначеніемъ И. Д. Делянова министромъ она была произведена. Извѣстно, что въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ новаго устава встрѣтилъ возраженія по всѣмъ основнымъ пунктамъ: большинство членовъ высказалось противъ него. Тѣмъ не менѣе, въ августѣ 1884 г. онъ былъ Высочайше утвержденъ и тотчасъ же приведенъ въ дѣйствіе³⁾.

Уставъ 1884 г. существеннымъ образомъ измѣнилъ прежній строй университетовъ съ его автономіей и выборнымъ началомъ. Никогда еще у насъ не проводилось въ такой степени начало подчиненія универси-

1) Сиб. 1902 (изданіе министерства нар. просв.). Ср. оффиціозную книгу, изданную на нѣм. яз.: *Die Reform der russischen Universitäten nach dem Gesetz vom 23 August 1884*. Leipz. 1886 (безъ имени автора), и представляющую апологію устава, но такъ какъ въ ней приводятся мнѣнія и выводы и его противниковъ, то читатель имѣетъ возможность составить себѣ самостоятельное воззрѣніе.

2) С. В. Рождественскій, Истор. обзоръ дѣятельности министерства народ. просв., стр. 48^{1/2}.

3) С. В. Рождественскій, стр. 614—615.

теговъ правительственному, или, точнѣе, министерскому, вліянію и контролю¹⁾. Университеты поставлены были, можно сказать, въ полную зависимость отъ министерства. Последнее устанавливало все, даже мельчайшія, подробности ихъ новаго строя, назначало, повышало и удаляло профессоровъ, избирало ректоровъ, назначало испытательныя комиссіи. Оно разсматривало и утверждало обзорныя преподаванія и распредѣленіе лекцій; доходило до того, что требовалось его разрѣшеніе на перенесеніе лекцій съ одного дня или часа на другой...

По уставу попечитель округа является начальникомъ университета; онъ заботится о его «благосостояніи», наблюдаетъ за ходомъ преподаванія, за исполненіемъ правилъ, «пресѣкаетъ» всякое уклоненіе отъ нихъ, «возбуждаетъ дѣла объ отвѣтственности виновныхъ и ходатайствуетъ о вознагражденіи достойныхъ»; онъ—высшій руководитель во всехъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ можетъ принимать мѣры, даже превышающія его власть. Большая часть дѣлъ или разрѣшается имъ, или восходитъ съ его заключеніемъ на разрѣшеніе министра. Назначеніе и движеніе по службѣ профессоровъ и преподавателей совершалось въ большинствѣ случаевъ по представленію или заключенію попечителя.

Ректоръ избирался не профессорскою коллегіею, а министромъ; ему ввѣрялось непосредственное заведываніе всеми частями управленія университетомъ: въ чрезвычайныхъ и не терпящихъ отлагательства случаяхъ ему предоставлялось принимать все необходимыя мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть. Отъ профессорской корпораціи онъ былъ совершенно независимъ. Даже и деканы были по уставу 1884 г. не выборные, а по назначенію.

Профессорская коллегія была совершенно устранена отъ всякаго вліянія на управленіе университетомъ. Значеніе совѣта понизилось, сфера его компетенціи сужена; функціи правленія, напротивъ, расширены, въ особенности на практикѣ.

Инспекторъ поставленъ совершенно независимо отъ профессорской коллегіи. Онъ подчиненъ попечителю и ректору. Онъ полноправный членъ правленія по всемъ вопросамъ, въ томъ числѣ и научно-учебнымъ. Не будучи членомъ ученой коллегіи, онъ, вмѣстѣ съ деканами, представителями факультетовъ, рѣшаетъ научные вопросы, при чемъ зависимость его отъ ректора ослабляется прямымъ подчиненіемъ попечителю округа²⁾. Вліяніе инспекціи вообще чрезвычайно расширено.

1) Ср. С. В. Рождественскій, стр. 615 сл.

2) См. «Отвѣтъ» совѣта на вопросы, предложенные министерствомъ въ 1901 г., стр. 115.

Далѣ, уставъ 1884 года упразднилъ доцентуру, для «обобщаго поощренія профессоровъ и учащихся» ввелъ неизвѣстную до того русскимъ университетамъ систему гонорара, дѣленіе на семестры и проч. Онъ отдѣлилъ окончательные экзамены отъ дѣла преподаванія и создалъ особыя испытательныя коммисіи, въ *теоріи* не имѣвшія ничего общаго съ университетомъ, и т. д.

Въ теченіе слѣдующаго 1885 г. были изданы рядъ циркуляровъ и правилъ, коими дополнялся уставъ или развивались подробнѣе положенныя въ основу его начала и разъяснялись нѣкоторые его параграфы.

Главнѣйшія цѣли, какія имѣлъ въ виду уставъ, и средства для ихъ достиженія, все это ясно обнаруживается въ любопытныхъ *„Сображеніяхъ о приведеніи въ дѣйствіе постановленій новаго устава“*¹⁾. Цѣли таковы: 1) *„Усиленіе научнаго труда въ университетахъ“*. А въ числѣ средствъ тутъ является гонораръ, ибо «каждый трудящійся въ правѣ надѣяться, что все возможное будетъ сдѣлано, дабы съ увеличеніемъ его труда увеличивалось и его вознагражденіе. Удовлетвореніе этой справедливой надежды и имѣется въ виду при установленіи системы гонорара» и разныхъ дополнительныхъ вознагражденій. «Кромѣ того, преподаватели, кои окажутъ особенно усердное содѣйствіе видамъ правительства относительно поднятія учебнаго дѣла въ университетахъ, въ правѣ рассчитывать на особое вниманіе къ ихъ заслугѣ со стороны начальства»... 2) *„Улучшеніе въ государственномъ и политическомъ отношеніи. Посвященный дѣлу науки и обученія, университетъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и государственное учрежденіе“*, а это налагаетъ на профессоровъ, какъ *„чиновниковъ государства“*, и на студентовъ, какъ готовящихся нести государственную службу, особыя обязанности. Правда, *„Сображенія“* признаютъ, что «ни профессора, ни студенты не призваны заниматься политикою». Но — говорится далѣ — университетъ, какъ учрежденіе государственное, «не можетъ не имѣть и политической цѣли. Университетское воспитаніе—преподаваніе и нравственное руководство—должно быть на службѣ государственныхъ интересовъ и правительственной власти, должно быть патріотическимъ... Дѣятельность университета должна быть обязательно и убѣжденно патріотическою во всемъ, гдѣ университетъ касается государства». Поднятіе учебныхъ занятій, «привлекая умы въ область чистаго знанія, должно противо-дѣйствовать вторженію ненаучныхъ стремленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы профессора въ политическомъ отношеніи сознавали себя органами правительства, обязанными слѣдовать его видамъ, никакъ

1) Архивъ мин. нар. пр., № 162723/3000.

не противоѣствуя имъ ни явно, ни скрытно. Это не поддается предписаніямъ, но постановленіе университета, согласно новому уставу, подѣ болѣе непосредственное, чѣмъ прежде, дѣйствіе правительственной власти можетъ дать въ этомъ отношеніи, при разумномъ и доброжелательномъ примѣненіи, благопріятныя послѣдствія». 3° *„Усиленіе правительственной заботы относительно пополненія личнаго состава университетовъ достойными кандидатами и вызова талантовъ“*. По словамъ «Соображеній», «новыя постановленія направлены къ тому, чтобы выборы въ профессоры не были предоставлены случайностямъ и пристрастіямъ, столь верѣдимымъ при самопополненіи, а были дѣломъ внимательнаго и подробнаго обсужденія съ рѣшающимъ голосомъ центральной власти и на ея отвѣтственности». Поэтому и преподаваніе приватъ-доцентовъ должно быть «предметомъ внимательнаго и доброжелательнаго наблюденія, дабы достоинства и недостатки не оставались неизвѣстными, а не серьезное отношеніе къ дѣлу или вредное направленіе... были немедленно пресѣкаемы»... 4° *„Усиленіе правительственнаго вліянія въ дѣлѣ управленія университетовъ“*. Тутъ имѣется въ виду дагѣ правительственной власти, по отношенію къ университетамъ, возможность дѣйствовать «прямымъ начальническимъ путемъ». «И это должно быть понимаемо», поясняютъ «Соображенія», «не только какъ увеличеніе полномочій, но *буквой закона и никакъ не малыхъ*, но главнымъ образомъ, какъ увеличеніе обязанностей и отвѣтственности органовъ правительственной власти». Однако сначала имѣлось въ виду въ новомъ уставѣ сохранить «выборный характеръ внутренняго управленія, завѣщанный вѣковымъ преданіемъ»: «это, когда новый порядокъ, съ Божіей помощью, установится, не представляетъ никакихъ затрудненій». Но на время переходной эпохи выборный характеръ «представлялъ бы значительныя затрудненія», и назначеніе ректора признано необходимымъ, дабы въ дѣйствіяхъ его и попечителя были согласіе и солидарность.

Изъ приведенныхъ «соображеній», какъ и изъ другихъ дальнѣйшихъ фактовъ, ясно, что при составленіи устава 1884 года не имѣлись въ виду интересы только одной чистой, независимой науки: большая часть поставленныхъ цѣлей имѣла очень мало общаго съ этими интересами, даже рѣзко расходилась съ ними, и уставъ вызванъ былъ иными видами и соображеніями. Мы нѣсколько остановились на его характеристикѣ, чтобы намъ яснѣе были тѣ условія и та атмосфера, среди которыхъ Харьковскому университету, какъ и другимъ, приходилось жить съ 1884 года. Это объяснитъ намъ многое въ его послѣдующей исторіи.

Посмотримъ теперь, какъ въ Харьковскомъ университетѣ приво-
дился въ дѣйствіе новый уставъ.

Прежде всего надо было рѣшить вопросъ объ университетскихъ
властяхъ—ректорѣ и деканахъ, прежде выборныхъ, теперь назначаемыхъ.
Ректоромъ Харьковскаго университета назначенъ бывшій по избранію
совѣта проректоромъ *И. П. Щелковъ*, а деканами факультетовъ въ
1884 г. оставлены были тѣ же лица, которыя уже состояли въ этой
должности по избранію, а именно: по историко-филологическому фа-
культету—*В. К. Надлеръ*, по физико-математическому—*П. О. Лева-
новскій*, юридическому—*А. Н. Стояновъ* и медицинскому—*П. К. За-
рубинъ*¹⁾. И что характерно, ходатайствуя объ утвержденіи этихъ
лицъ въ должности декановъ, тогдашній попечитель генер.-лейт. *М. С.*
Максимовскій «долгомъ считалъ довести до свѣдѣнія» министра, «что
лучшаго выбора во всякомъ случаѣ онъ сдѣлать бы не могъ, и если
бы означенные профессора не состояли уже въ должности, то онъ, по
крайнему своему убѣжденію, показать бы именно на нихъ, считая ихъ,
среди другихъ профессоровъ наиболѣе соответствующими важной
должности декановъ». Затѣмъ слѣдовала характеристика ихъ, не исклю-
чая и ихъ направленія, «во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнаго».

Другой важный и чрезвычайно щекотливый вопросъ, требовавшій
рѣшенія, это—о судьбѣ штатныхъ *доцентовъ*.

Уставъ 1884 г. упразднилъ штатную доцентуру, предоставлявшуюся
обыкновенно магистрамъ, а доцентовъ въ Харьковскомъ университетѣ
въ моментъ введенія новаго устава было 22 (на историко-филологиче-
скомъ фак.—7, физико-математическомъ—4, юридическомъ—2, медицин-
скомъ—9). Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго
Совѣта требовалось распределить ихъ на три категоріи: однихъ, наиболѣе
достоинныхъ, кои «пріобрѣли извѣстность своими учеными трудами и
даромъ преподаванія», возвести прямо въ званіе экстраординарнаго
профессора, хотя бы они и не имѣли степени доктора; другихъ, сред-
нихъ, назначить «временно исполняющими обязанности профессора»,
а третьихъ, наконецъ, оставить за штатомъ, въ положеніи приватъ-
доцентовъ. Понятно, что при этомъ распределеніи или, такъ сказать,

¹⁾ *В. К. Надлеръ* состоялъ деканомъ до 1891 г., когда перешелъ въ Одессу;
П. О. Левановскій—по 1887 г.; *А. Н. Стояновъ*—по 1886 г.; *П. К. Зарубинъ*—по
1889 г. Ихъ преемники: на историко-филологическомъ фак.—*А. С. Лебедевъ*
(1891—1901), *В. П. Бузескутъ* (съ 1901 г.); на физико-математическомъ—*П. Т. Сте-
пановъ* (1887—1891), *А. С. Брѣо* (1891—1905); на юридическомъ—*М. М. Алексѣенко*
(1886—1891), *Л. Н. Загурскій* (1891—1905); на медицинскомъ—*П. П. Ковалевскій*
(1889—1894), *А. Я. Брѣвъ* (1894—6), *П. К. Кудинскій* (1897—1901), *М. А. Поповъ*
(1901, нѣсколько мѣсяцевъ), *М. М. Толмиковскій* (съ 1901 г.).

сортировкѣ, и притомъ производимой безъ участія факультетовъ и совѣта, открывалось широкое поле усмотрѣнію и различнымъ постороннимъ вліяніямъ.

Попечитель М. С. Максимовскій представилъ¹⁾ на благоусмотрѣніе министра распредѣленіе доцентовъ на категоріи, исполненное «послѣ тщательнаго обсужденія правъ и личныхъ качествъ каждаго лица съ ректоромъ и деканами» соответствующихъ факультетовъ. Проектировалось 8 доцентовъ отнести къ первой категоріи, 8—къ второй, остальныхъ 6—къ третьей. При этомъ попечитель далъ подробную характеристику каждаго доцента, какъ преподавателя и ученаго, въ общемъ довольно вѣрную и безпристрастную, съ указаніемъ достоинствъ и недостатковъ. Большое вниманіе обращалось, конечно, на благонадежность и «образъ мыслей». Объ одномъ изъ доцентовъ, занявшемъ впослѣдствіи высокій постъ въ университетѣ (по назначенію), говорилось, напр., что «въ началѣ своей дѣятельности онъ былъ склоненъ, какъ и многіе молодые ученые, къ громкимъ фразамъ либеральнаго отгѣнка», но что теперь въ этомъ отношеніи его упрекнуть нельзя, и вообще попечитель находилъ возможнымъ возвести его въ званіе экстраординарнаго профессора.

Въ министерствѣ труды доцентовъ иногда давались на заключеніе разнымъ лицамъ и разсматривались, между прочимъ, въ отношеніи направленія и образа мыслей авторовъ. Объ упомянутомъ доцентѣ, которому попечитель ставилъ въ упрекъ (въ прошломъ) «громкія фразы либеральнаго отгѣнка», предсѣдатель ученаго комитета А. П. Георгіевскій, имѣвшій огромное вліяніе при проведеніи устава, замѣчалъ, что на основаніи нѣкоторыхъ страницъ работъ этого доцента онъ пришелъ къ убѣжденію, что тотъ «долженъ быть рѣшительный конституціоналистъ» и «еще болѣе—, что какъ онъ, такъ и едва ли не всѣ наши юристы, стоятъ рѣшительно не на почвѣ нашего общественнаго и государственнаго строя и законодательства». Въ трудахъ другого доцента, о которыхъ данъ былъ рецензентомъ благопріятный отзывъ, А. П. Георгіевскій усматривалъ «отрицательную точку зрѣнія по отношенію къ истинамъ откровенной религіи» и поэтому полагалъ, «что впредь до болѣе очевидныхъ доказательствъ направленія его образа мыслей было бы осгороженіе не возводить его въ экстраординарные профессора» (какъ проектировалъ попечитель). Это вызвало со стороны министра любопытную замѣтку (сдѣланную карандашомъ), что авторъ по большей части излагаетъ мысли другихъ мыслителей, а не свои собственные, и

¹⁾ Отъ 4 октября 1884 г., № 8301 (архивъ мин. нар. просв., ¹⁶⁸⁷⁹/₄₃₆₈).

что «кто составляет *историю* науки, не может не выписывать чужихъ мнѣній, какъ бы иногда негѣны они ни были». Въ концѣ концовъ, послѣ долгой переписки, оба эти доцента возведены были въ званіе экстраординарнаго профессора, согласно представленію попечителя. Одинъ изъ наиболѣе достойныхъ доцентовъ, принадлежавшій къ числу лучшихъ силъ Харьковскаго университета, министерствомъ былъ отнесенъ къ третьей категоріи, т. е. оставленъ за штатомъ, «такъ какъ, по *частнымъ свѣдѣніямъ*, отличаясь будто бы «холоманствомъ», не смотря на то, что попечитель аттестовалъ его по направленію «въполнѣ благонадежнымъ» и предполагалъ отнести ко второй категоріи, какъ начинающаго преподавателя, о которомъ трудно высказать опредѣленное мнѣніе: самое обвиненіе въ холоманствѣ основывалось, какъ оказалось¹⁾, на свѣдѣніяхъ о докладахъ, читанныхъ на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ и *принадлежавшихъ другому лицу*.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ тщательно изслѣдовались тогда направленіе и образъ мыслей университетскихъ преподавателей; главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія оцѣнивался преподаватель. Нѣкоторыхъ доцентовъ понижали или повышали по категоріямъ (сравнительно съ предположеніемъ попечителя) между прочимъ съ тѣмъ, чтобы они конкуррировали другъ съ другомъ «на совершенно равныхъ правахъ и условіяхъ», а затѣмъ преимущество предполагалось отдать «тѣмъ изъ нихъ, кто на дѣлѣ заявилъ бы себя достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ». При распредѣленіи доцентовъ медицинскаго факультета въ министерствѣ большое вліяніе оказывали отзывы проф. Харьковскаго университета Я. С. Кремянскаго, «почти прямо противоположные предположенію попечителя». Эти отзывы прилагались къ своимъ заключеніямъ предсѣдатель ученаго комитета и на нихъ ссылался въ своихъ предположеніяхъ.

Въ результатѣ часть доцентовъ (приблизительно треть) была распредѣлена согласно проекту попечителя; другіе изъ первой категоріи перенесены во вторую и даже третью, и наоборотъ.

Новый порядокъ вещей, зависимость отъ министерства всюду давали себя чувствовать. Какъ это вліяло на нѣкоторыхъ членовъ профессорской коллегіи, показывають частыя поѣздки въ Петербургъ, въ министерство, отъ котораго теперь зависѣли назначенія и повышенія. Бывали случаи обращенія съ просьбой о повышеніи со стороны лицъ, которыя считали себя обойденными при прежней выборной системѣ и проч. Такъ, одинъ давно уже ожидавшій ординатуры профессоръ, «ра-

¹⁾ Письмо ректора директору департамента отъ 1 марта 1885 г. (архивъ мин. нар. пр., № 166982/4360).

дуясь всею душою введенію новаго университетскаго устава» и принося искреннѣйшее поздравленіе министру «съ побѣдою истиннаго просвѣщенія и всеобщаго блага», напоминая о своемъ тягостномъ положеніи, и въ виду того, что «въ настоящее время повинненіе зависитъ уже не отъ произвола выборовъ, а отъ представленія г. попечителя или усмотрѣнія самого министра», просили оказать ему справедливость. «Тяжело подумать», писалъ онъ, «чтобы вынуждены были оставлять университетскую службу или ѣздывать на ней именно тѣ лица, которые извѣстны вѣрными слугами наукъ, просвѣщенію, отечеству и правительству, и въ ту именно пору, когда дѣла университетовъ пріобрѣли оборотъ къ лучшему съ новымъ уставомъ». По поводу этого письма предѣлатель ученаго комитета высказался, что «было бы дѣломъ справедливости» теперь же возвести просителя въ ординарные профессора «во вниманіе къ его продолжительной службѣ, къ его ученымъ трудамъ и къ его несомнѣнно доброму правительственному и патриотическому направленію»¹⁾. Подобные факты, какъ они ни характерны, не слѣдуетъ, впрочемъ, обобщать: они все же составляли исключеніе.

Вліяніе министерства простиралось и на такую сферу, которая по уставу оставлена была въ вѣдѣніи университета.

Вотъ одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ, который недавно описалъ проф. Н. О. Сумцовъ²⁾. Какъ разъ въ годъ введенія устава, въ самый разгаръ университетской ломки, Н. О. Сумцовъ представилъ докторскую диссертацию изъ исторіи юго-западной литературы половины XVII ст. Диссертация была факультетомъ одобрена: назначенъ былъ диспутъ; вдругъ университетское начальство объявило ему, что не можетъ дать аудиторію изъ опасенія студенческихъ волненій. Дѣло въ томъ, что по особымъ внушеніямъ изъ Харькова со стороны проф. Б-ва³⁾ министръ передалъ изслѣдованіе Н. О. Сумцова на разсмотрѣніе К. Н. Бестужева-Рюмина и А. О. Бычкова. Ни тотъ, ни другой не нашли въ диссертации «ничего противозаконнаго»⁴⁾, тѣмъ не менѣе диспутъ не состоялся. Не только А. П. Кирпичниковъ, но и Л. Н. Майковъ, и А. О. Бычковъ совѣтовали диссертацию не брать назадъ, а жаловаться. «Дорогія тѣни!» говоритъ по этому поводу Н. О. Сум-

¹⁾ Арх. мин. нар. просв., 16979/4368 (1881 г.).

²⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ о проф. А. И. Кирпичниковѣ, Харьк. 1904 (изъ XIV т. «Сборника Харьк. истор.-филол. общества»), стр. 15—16.

³⁾ Того самаго, который обращался къ министру съ просьбой оказать ему справедливость и дать ординатуру. Сообщенія этого профессора пользовались некоторое время довѣріемъ въ министерствѣ и оказывали вліяніе.

⁴⁾ Автора обвиняли въ украинофильствѣ.

цовъ, «вамъ я обязанъ тѣмъ, что, при всѣхъ препонахъ, достигъ кафедръ и уцѣлѣлъ при университетской ломкѣ того времени. Едѣ ужъ тамъ было жаловаться и настаивать! Все тогда сжималось, и мнѣ нужно было сжаться»...

Вообще, то было тяжелое время. Одинъ изъ популярнѣйшихъ среди молодежи профессоровъ, прекрасный лекторъ и хороший знатокъ исторіи русскаго права, П. П. Дитягинъ, долженъ былъ оставить университетъ (1887). Его обвиняли ¹⁾ между прочимъ въ томъ, что онъ будто бы оказываетъ содѣйствіе прогнуправительственнымъ стремленіямъ учащейся молодежи, находится въ перепискѣ съ нѣкоторыми неблагонадежными лицами и, держась особнякомъ отъ прочихъ своихъ сослуживцевъ, старается приобрести популярность среди студентовъ, участвуетъ въ ихъ собраніяхъ и общахъ, собираетъ у себя молодежь и оказываетъ вредное вліяніе на нее. Еще по распоряженію барона А. П. Николая надъ П. П. Дитягиннымъ былъ учрежденъ, со стороны учебнаго начальства, тщательный надзоръ, а въ 1887 г. ему предложено было подать въ отставку.

Не легко было и положеніе ректора. Въ 1885 г. возникло цѣлое дѣло ²⁾ о демонстраціи, устроенной будто бы профессорами на актѣ 17 января: въ вступительныхъ словахъ прочитаннаго отчета за 1884 г., въ которыхъ указывалось особенное значеніе истекшаго года, какъ стоящаго на рубежѣ двухъ эпохъ—одной, выразителемъ коей былъ уставъ 1863 г., и «той, которая открывается съ введеніемъ новаго устава», усмотрѣны были «сопоставленія и порицанія» этого устава, о чемъ и сообщено телеграммой въ Петербургъ, и ректору пришлось представлять свои объясненія, прилагать подлинный текстъ вступленія, ссылаться на присутствовавшихъ на актѣ преосвященнаго, командующаго войсками, и. д. начальника губерніи и проч. Это обстоятельство послужило поводомъ къ измѣненію самаго порядка составленія отчетовъ: съ 1876 по 1884 г. включительно ихъ составляла коммисія изъ профессоровъ и читались они однимъ изъ ея членовъ. Теперь отчеты стали составляться секретаремъ совѣта, подъ наблюденіемъ самого ректора, который и читалъ ихъ на актѣ.

Примѣненіе устава, естественно, вызывало, особенно на первыхъ порахъ, разнаго рода затрудненія; возникали недоразумѣнія; требовались разъясненія, и ректоръ неразъ входилъ съ представленіемъ на этотъ счетъ, а это вызывало со стороны вліятельныхъ въ министерствѣ лицъ

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв., 172572/4601 (1887 г.).

²⁾ Архивъ мин. нар. просв., 162726/3011.

подозрѣніе, будто бы онъ «старается приискивать всевозможныя затрудненія для осуществленія новаго университетскаго устава».

При той власти, которою уставъ 1884 г. обладалъ попечителя, для университетской жизни далеко не безразлично было, кто занималъ эту должность, особенно когда еще вводился новый порядокъ и происходила ломка университетскаго строя.

Въ моментъ изданія устава 1884 года попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа былъ, какъ мы видѣли, генер.-лейт. *М. С. Максимовскій*; при немъ проведенны были первыя мѣры, связанныя съ новымъ порядкомъ. Но черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ его замѣнилъ¹⁾ т. е. *Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ*, прибывшій въ Харьковъ въ началѣ 1885 года. Артиллеристъ по образованію, *Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ* служилъ сначала то въ военной службѣ, то по министерству государственныхъ имуществъ. Въ 1863 году онъ посѣтилъ Вильну и Варшаву и оттуда посылалъ корреспонденціи Каткову, обратившія на себя вниманіе. Цѣлыхъ 20 лѣтъ онъ провелъ заграницею на службѣ въ Царствѣ Польскомъ, сначала какъ сотрудникъ *П. А. Милотина*, кн. Черкаскаго и Самарина по крестьянскому дѣлу, а потомъ занималъ должность начальника Радомской учебной дирекціи и въ теченіе 13 лѣтъ былъ помощникомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа (*Апухтина*). Эта служба на окраинѣ, среди борьбы національныхъ и религіозныхъ элементовъ, должна была наложить извѣстный отпечатокъ на воззрѣнія *Н. П. Воронцова-Вельяминова*, и первое время онъ относился положительно къ Харьковскому университету, усматривая и тутъ сепаратизмъ. Это обнаружилось, между прочимъ, и въ отношеніи его къ студенческой демонстраціи противъ одного молодого преподавателя, вслѣдствіе чуждой лекціи котораго встрѣчена была свистками и шиканіемъ части аудиторіи. Объ этомъ, въ сущности неважномъ, инцидентѣ попечитель сообщилъ телеграммой въ Петербургъ, какъ о «дерзкомъ нарушеніи приличія и порядка нѣсколькими студентами»; профессорамъ, несочувственно относившимся къ упомянутому преподавателю, поставилъ въ вину ихъ отсутствіе на лекціи, а въ самой демонстраціи усмотрѣлъ вліяніе

¹⁾ По поводу оставленія *М. С. Максимовскимъ* должности попечителя въ вступленіи къ отчету за 1884 годъ было сказано, что онъ относился къ университету и профессорской коллегіи «сочувственно» и «оставилъ свой постъ, сопровождаемый искренними сожалѣніями значительнаго большинства университетской коллегіи». Впрочемъ, эти фразы, при обсужденіи отчета въ совѣтѣ, вызвали продолжительныя пренія и встрѣтили сильную оппозицію со стороны меньшинства (правда, по численности незначительнаго). См. протоколъ засѣданія 15 января 1885 года и отдѣльное мнѣніе нѣсколькихъ профессоровъ.

«вредоносных» исторических теорій, «сложившихся въ головахъ нашихъ украиннофиловъ»¹⁾.

Впослѣдствіи мало-по-малу отношеніе П. П. Воронцова-Вельяминова къ университету и его дѣятелямъ измѣнилось къ лучшему. Онъ былъ попечителемъ въ Харьковѣ сравнительно долго—около 12 лѣтъ. Въ 1886 г. его замѣнилъ *П. П. Хрущовъ* (1836—9 г.), магистръ русской словесности и одно время доцентъ университета св. Владимира. Преемникомъ П. П. Хрущова былъ *В. К. ф. Дирей* (1899—1901 г.), въ серединѣ 80-хъ г.г. занимавшій кафедру судебной медицины въ Харьковскомъ университетѣ, затѣмъ служившій при медицинскомъ департаментѣ, бывшій профессоромъ въ клиническомъ институтѣ Великой Княгини Елены Павловны и директоромъ женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ; а съ 1901 года попечителемъ Харьковскаго учебного округа состоитъ *М. М. Далебенко*, питомецъ Харьковскаго университета, бывшій профессоръ финансового права, деканъ юридическаго факультета и ректоръ этого университета въ продолженіе почти 9 лѣтъ (1891—1899 г.), а затѣмъ попечитель Казанскаго учебного округа.

Къ 1887 г. новые порядки были окончательно введены въ Харьковскомъ университетѣ, и въ отчетѣ за 1886 г. констатируется тотъ фактъ, что въ этомъ году уставъ 1884 года былъ уже въ полномъ дѣйствиіи и жизнь университета, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, регулировалась уже правилами и положеніями, основанными на названномъ уставѣ. Объ этихъ правилахъ и положеніяхъ, равно какъ и о тѣхъ сторонахъ устава, которыя касаются преподаванія и студентовъ, мы будемъ говорить далѣе. Здѣсь же отмѣтимъ, что съ 1888 года, какъ было упомянуто, подъ вліяніемъ опыта, обнаруживается нѣкоторый поворотъ: уставъ примѣняется уже не съ такою строгостію и послѣдовательностію; нѣкоторыя нововведенія отмѣняются; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пришлось даже вернуться къ прежнему.

Дѣло въ томъ, что многія нововведенія оказывались непримѣнимыми къ дѣйствительности. А главное—уставъ 1884 г. вызванъ былъ прежде всего стремленіемъ сдѣлать невозможными на будущее время студенческіе безпорядки. Обѣзжая университеты въ 1887 г., предсѣдатель ученаго комитета А. П. Георгіевскій выражалъ твердую увѣренность, что теперь безпорядки немыслимы; но оказалось, что этой цѣли уставъ не достигъ. Какъ извѣстно, безпорядки происходили и послѣ его введенія, и какъ разъ въ 1887 году, когда А. П. Георгіевскій возвращался изъ своей поѣздки, они приняли широкіе размѣры, охвативъ многіе университеты,

1) Донесеніе отъ 16 февр. 1885 г. (архивъ мин. нар. просв., 166981/4360).

въ томъ числѣ и Харьковскій¹⁾. Это должно было сильно подорвать вѣру въ цѣлительность устава и вообще въ цѣлесообразность новыхъ порядковъ.

Нѣкоторое вліяніе на переѣзду въ отношеніи къ университетамъ имѣли и другія обстоятельства, напр. посѣщеніе университетскихъ городовъ и въ томъ числѣ Харькова тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія П. Д. Деяновымъ осенью 1888 года. Въ Харьковѣ министръ пробылъ недѣлю (18—25 сент.), при чемъ значительную часть времени посвятилъ университету. Онъ осмотрѣлъ его помѣщенія и учрежденія, посѣтилъ нѣкоторыя лекціи и имѣлъ рядъ совѣщаній съ профессорами и приватъ-доцентами каждаго изъ факультетовъ въ отдѣльности. При этомъ подверглись обсужденію и разъясненію сомнѣнія и недоразумѣнія, встрѣчавшіяся при примѣненіи новаго устава и правилъ, высказывались мнѣнія о ихъ недостаткахъ и проч.

Большее вліяніе имѣло другое событіе, о которомъ далѣе мы еще будемъ говорить. Это—посѣщеніе университетскихъ клиникъ и церкви Императоромъ Александромъ III 19 октября 1888 года, послѣ спасенія Государя, Государыни и Царской семьи при крушеніи Императорскаго поѣзда близъ Борокъ (17 октября). Дѣятельное участіе Харьковского университета въ дѣлѣ оказанія помощи раненымъ при этой катастрофѣ, пріемъ, оказанный Государю и Государынѣ въ Харьковѣ, а также въ Москвѣ и Петербургѣ, учащюся молодежью,—все это не могло не повліять на отношеніе правительства къ университетамъ вообще и въ частности къ Харьковскому, и съ 1888 года это отношеніе становится болѣе довѣрчивымъ и болѣе внимательнымъ къ ихъ нуждамъ.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности совѣта Харьковскаго университета за разсматриваемый періодъ.

Во главѣ университета, въ качествѣ ректора, а слѣдовательно, и предсѣдателя совѣта, въ первые годы послѣ обнародованія устава стоялъ, какъ мы видѣли, *И. П. Щелковъ*. Отношеніе къ нему профессорской коллегіи видно изъ того, что вскорѣ послѣ перехода его въ Варшаву (въ концѣ 1890 года) совѣтъ Харьковскаго университета избралъ его въ почетные члены. На мѣсто *И. П. Щелкова* назначенъ былъ деканъ юридическаго факультета *М. М. Алексѣенко* (нынѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа), ректорство котораго продолжалось болѣе 9 лѣтъ, до назначенія его (въ 1899 г.) попечителемъ

¹⁾ О нихъ—далѣе, въ III гл.

въ Казань; преемникомъ его былъ *Г. И. Лагермаркъ*, профессоръ химіи, занимавшій должность ректора около 2 лѣтъ; послѣ него назначенъ профессоръ государственнаго права *Н. О. Куллевскій* (по 1905 г.).

Уставомъ 1884 г. сфера компетенціи и дѣятельность совѣта была крайне сѣужена. Въ первое время послѣ обнародованія устава совѣтъ, по крайней мѣрѣ, принималъ участіе въ обсужденіи проектовъ нѣкоторыхъ правилъ и мѣръ, связанныхъ съ новымъ порядкомъ, хотя съ его представленіями и мнѣніями министерство рѣдко соглашалось.

Такъ, въ 1885 г. совѣтомъ Харьковскаго университета подробно были рассмотрѣны предложенныя на его обсужденіе правила, касающіяся студентовъ, и инструкція для инспекціи, выработанная министерствомъ. Совѣтъ представилъ цѣлый рядъ возраженій по поводу ихъ¹⁾; представилъ свои замѣчанія на инструкцію и ректору, указывая главнымъ образомъ на неопредѣленное, такъ сказать, двойственное положеніе инспектора, какъ подчиненнаго и попечителя, и ректору. Харьковскимъ университетомъ выработаны были и учебные планы²⁾, но министр не призналъ возможнымъ утвердить ихъ. Но съ 1886 г., когда новый порядокъ вполнѣ уже установился, дѣятельность совѣта долгое время—до самаго конца 90-хъ годовъ—обыкновенно ограничивалась дѣлами объ исключеніи разныхъ лицъ изъ податнаго состоянія, утвержденіями въ степеняхъ и вообще такъ называемыми «текущими дѣлами», принимаемыми къ свѣдѣнію или исполненію. Въ отчетахъ о дѣятельности университета за эти годы такія дѣла, какъ рассмотрѣніе обзорныхъ преподаваній, смѣты специальныхъ средствъ, ходатайство того или другого факультета о временномъ порученіи преподаванія по вакантной кафедрѣ, о вознагражденіи приватъ-доцентовъ и т. под., именуются «важнѣйшими»; да и тутъ обыкновенно все ограничивалось заслушиваніемъ и направленіемъ далѣе, въ высшую инстанцію. Нѣкоторое ис-

1) Протоколъ засѣд. совѣта 14 марта и 4 апрѣля 1885 года.

2) Рассмотрѣніе ихъ въ совѣтѣ сопровождалось долгими преніями, въ особенности касательно учебнаго плана по медицинскому факультету. Тогда выдѣлилось нѣсколько лицъ изъ профессорской среды, которыя нѣкоторое время пользовались особымъ довѣріемъ въ министерствѣ. Въ особенности это нужно сказать объ одномъ профессорѣ-медикѣ, который въ факультетѣ и въ совѣтѣ постоянно вступалъ въ долгія пререканія, позволяя себѣ рѣзкости и оскорбленія по отношенію къ членамъ и председателю. Въ одномъ изъ засѣданій совѣта дѣло дошло до того, что многіе поднялись съ мѣстъ и заявили, что, въ виду явнаго неуваженія къ совѣту и председателю со стороны этого профессора, они считают невозможнымъ оставаться далѣе въ залѣ засѣданія; нѣкоторые предлагали изыскать мѣры для устраненія нарушенія порядка и чтобы гарантировать совѣтъ отъ оскорбленій, и т. д. (Протоколъ засѣд. сов. 4 апр. 1885 г.).

ключеніе составилъ вопросъ объ избраніи мѣста для постройки клиникъ, вызвавшій продолжительныя и оживленныя пренія въ совѣтѣ (1894 г.). Съ конца 90-хъ годовъ дѣятельность совѣта значительно расширяется.

Къ этому времени и само министерство явно пришло къ убѣжденію въ несостоятельности, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ сторонъ устава, — прежде всего системы гонорара.

Гонорарная система была установлена для общаго поощренія профессоромъ и учащихся и выветъ какъ средство устранить «все тѣ нестроенія, которыми страдаю, при прежнихъ порядкахъ, учебное дѣло въ нашихъ университетахъ и которыхъ никакія административныя мѣры не могли устранить»¹⁾. Гонораръ, по словамъ его защитниковъ²⁾, есть справедливое воздаііе каждому. Предполагалось, что «при равныхъ условіяхъ тотъ преподаватель, очевидно, будетъ имѣть болѣе слушателей, кто лучше преподаетъ»; что гонораръ побудитъ профессоромъ не только увеличивать количество, но и улучшать качество своего преподаванія, «строго сообразуясь съ дѣйствительными потребностями и съ удобствами своихъ слушателей, обучая ихъ прежде всего тому, что требуетъ отъ нихъ правительство на экзаменахъ». Гонораръ долженъ былъ побудить и студентовъ относиться внимательнѣе къ лекціямъ, «такъ какъ они именно за нихъ и заплатили деньги»: онъ сразу установитъ нравственныя и доброжелательныя отношенія между профессорами и студентами и поведетъ къ столь желательному сближенію между ними на почвѣ науки; «эти же деньги поведутъ къ тому, что при системѣ гонорара каждый преподаватель будетъ лично заинтересованъ тѣмъ, чтобы въ его аудиторіи не было лицъ, не пріобрѣвшихъ права на слушаніе лекцій».

Надежды эти и соображенія, какъ извѣстно, не оправдались. Уже графъ П. Д. Деляновъ въ 1897 г., усматривая существенныя неудобства въ гонорарной системѣ, заключавшіяся, съ одной стороны, въ обремененіи студентовъ значительною платою и, съ другой, — въ неравномѣрномъ распредѣленіи этой платы между преподавателями, призналъ необходимымъ «предварительно какого-либо дальнѣйшаго направленія сего дѣла» (въ законодательномъ порядкѣ) «имѣть относительно дѣйствующей нынѣ системы гонорара мнѣіе совѣтовъ университетовъ, управляемыхъ уставомъ 1884 г.». Въслѣдствіе этого совѣтъ Харьковскаго университета, для предварительной разработки вопроса, избралъ комиссію изъ профессоромъ А. К. Андреева, Д. П. Багалъя, Н. О. Кулевскаго, П. Н. Миклашевскаго, П. П. Осипова, А. В. Репрева, П. П. Скворцова и Н. О. Сумцова. Комиссія сочла необходимымъ прежде всего ознакомиться съ

1) Мнѣіе 16 членовъ Государственнаго Совѣта въ пользу гонорара.

2) См. указанное мнѣіе 16 членовъ.

фактическимъ положеніемъ, созданнымъ гонорарною системою, и предложила совѣту высказавъ мнѣніе о гонорарѣ, основывающееся на со-
бранныхъ и надлежащимъ образомъ проверенныхъ фактахъ дѣйстви-
тельной жизни. Она представила обстоятельный докладъ, занимающій
въ печати 31 стр., который былъ принятъ совѣтомъ единогласно и
который ясно свидѣтельствуетъ, каково было влияние гонорарной си-
стемы. По заключенію коммисіи, гонораръ явился большимъ обремене-
ніемъ для студентовъ и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что про-
хождение университетскаго курса наиболѣе облегчено, съ одной стороны,
очень богатымъ молодымъ людемъ, а съ другой — совѣтъ неимущимъ
(которые могутъ быть освобождены отъ платы); главною тяжестью плата
легла на семьи средняго или малаго достатка; положеніе такихъ семей
особенно тяжело, если приходится воспитывать нѣсколькихъ сыновей;
подобныя семьи, «воистину, бѣдныя семьи, хотя онѣ и не могутъ пред-
ставить свидѣтельства о бѣдности» (стр. 15). Явившись обременитель-
нымъ для студентовъ, гонораръ крайне неравномѣрно распредѣлялся
между профессорами, при чемъ это распредѣленіе находилось въ зависи-
мости не отъ степени талантиности, учености или труда профессора,
а отъ количества студентовъ въ университетѣ, отъ распредѣленія ихъ
по факультетамъ и по курсамъ и отъ числа освобожденныхъ отъ
платы, т. е. отъ того, гдѣ и какой предметъ преподаетъ профессоръ.
Такимъ образомъ, система гонорара имѣла своимъ послѣдствіемъ образо-
ваніе «выгодныхъ» и «невыгодныхъ» университетовъ, факультетовъ,
кафедръ, курсовъ (младшіе курсы оказывались вообще «выгоднѣе» стар-
шихъ, такъ какъ они обыкновенно многоподнѣе). Харьковскій универ-
ситетъ принадлежалъ къ числу «невыгодныхъ»: средний размѣръ про-
фессорскаго гонорара въ немъ¹⁾ не превышалъ 282 рублей 69 коп.
въ полугодіе, а средний размѣръ гонорара привагъ-доцента = 41 р. 69 к.
Изъ общаго числа профессоровъ Харьковского университета только
18,1% получали гонораръ, близкій къ общей университетской средней
(289 руб.); 48,6% получали гонораръ ниже этой средней и 33,3% —
гонораръ выше средней. 20% всего числа профессоровъ получало
совершенно ничтожный гонораръ. Всѣ профессора историко-филологи-
ческаго факультета получали гонораръ отъ 2 р. и не болѣе 100 р. въ
полугодіе. Наибольшій гонораръ приходился на долю профессоровъ меди-
цинскаго и юридическаго факультетовъ и тѣхъ профессоровъ физико-
математическаго факультета, которые читали лекціи также и на меди-
цинскомъ; среди нихъ и «образовалась группа наиболѣе обеспеченныхъ

¹⁾ Подсчетъ коммисіею дѣлался за десятилѣтіе, съ 1887 г. по 1897 г.

гонораромъ и притомъ... въ такъ же неравномѣрно-большой степени, какъ въ неравномѣрно-малой степени обезпечиваются предшествоующія группы» (стр. 13). Но еще важнѣе нравственная сторона системы гонорара, на которую указываетъ упомянутый докладъ. По его словамъ, система эта развила «не конкуренцію, а зависѣть между университетскими преподавателями», «заставляла ихъ искать иногда дешевой популярности между студентами, имѣла своимъ послѣдствіемъ пониженіе экзаменаціонныхъ требованій» и главное—«поставила учащихся въ совершенно ненормальныя отношенія къ учащимся» (стр. 21).

При преемникѣ гр. Н. Д. Делянова, Н. П. Боголюбовъ (1898—1901), приступлено было вообще къ разработкѣ предположеній касательно преобразованія учебной системы. Это направленіе коснулось и университетовъ, но въ слабой степени. До тѣхъ поръ, при дѣйствіи устава 1884 года, назначеніе профессоровъ происходило обыкновенно помимо совѣта и прямого участія факультета. Недостатки такого порядка сознаны были самимъ министерствомъ, которое съ 1899 года стало предпочитать систему конкурсовъ. Такимъ образомъ, совѣту Харьковскаго университета съ тѣхъ поръ приходится неразъ производить выборы на вакантныя кафедры, преимущественно по медицинскому факультету; особенно часты были выборы съ 1902 года, когда министерство распорядилось объявить конкурсы по всѣмъ вакантнымъ кафедрамъ, при чемъ тутъ разумѣлись и тѣ кафедры, на которыхъ были профессора, прослужившіе 30 лѣтъ и, слѣдовательно, состоявшіе уже внѣ шага. При выборахъ по медицинскому факультету случались коллизіи: совѣтъ иногда забаллотировывалъ факультетскаго кандидата и избиралъ лицо, получившее въ факультетѣ меньшее число голосовъ. Въ такихъ случаяхъ министерство обыкновенно утверждало не совѣтскаго, а факультетскаго кандидата.

При Н. П. Боголюбовѣ же, въ томъ же 1899 г., совѣтъ Харьковскаго университета обсуждалъ мѣры, касающіяся развитія практическихъ занятій со студентами, установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ и проч.

Болѣе рѣшительные шаги на пути къ преобразованію университетскаго строя предприняты были въ министерство генер.-адъют. П. С. Ванновскаго (1901—1902). Строй этотъ самимъ правительствомъ признанъ ненормальнымъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя П. С. Ванновскаго, при назначеніи его министромъ, отъ 24 марта 1901 года Государь Императоръ призналъ «благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію». Министръ въ своемъ приказѣ (отъ 6 апр.) приглашалъ всѣхъ служащихъ по ввѣренному ему

министерству къ совместной дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы. Совѣтъ Харьковскаго университета поспѣшилъ откликнуться на этотъ призывъ и для составленія мотивированнаго отвѣта по вопросамъ, касающимся устройства университетовъ, избралъ комиссію изъ 12 профессоровъ, по 3 отъ каждаго факультета (Д. П. Багалъй, В. П. Бузескуль, Л. Л. Гириманъ, В. Ф. Левинскій, А. М. Ляпуновъ, П. Н. Миклашевскій, Н. А. Соколовъ, В. А. Стекловъ, П. Т. Степановъ, П. П. Скворцовъ, Г. О. Шульцъ, К. Н. Ярошъ)¹⁾. Между тѣмъ министръ обратился въ университеты съ цѣлымъ рядомъ (18) вопросовъ, касающихся желательнаго измѣненія дѣйствующаго устава. Тогда совѣтъ поручилъ (7 мая) той же комиссіи, дополнивъ ее еще 4 членами (Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, М. А. Тихомандрицкій, Н. Ф. Толочиновъ, В. А. Уляницкій, при чемъ взаимѣнъ выбывшаго К. Н. Яроша избранъ былъ М. А. Остроумовъ), выработать проектъ мотивированнаго отвѣта и на эти вопросы. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. Л. Л. Гиримана и при секретаряхъ Д. П. Багалъй, П. Н. Миклашевскомъ и Д. Н. Овсяннико-Куликовскомъ, съ 8 мая по 2 іюня имѣла 13 засѣданій, на которыхъ выработаны были основныя положенія и отвѣты. Въ теченіе дѣлныхъ канікулъ составленъ былъ и самый докладъ (редакціоннымъ комитетомъ изъ профессоровъ Д. П. Багалъя, В. П. Бузескула, П. Н. Миклашевскаго и Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, при чемъ окончательная редакція и заботы по печатанію поручены были Д. П. Багалъю). Обсужденію его совѣтъ посвятилъ въ сентябрѣ 15 экстренныхъ засѣданій и внесъ въ него нѣкоторыя поправки, измѣненія и дополненія.

Въ окончательной редакціи «Отвѣтъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета на вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи устава 1884 года», напечатанный на правахъ рукописи (Харьк. 1901), представляетъ собою цѣлую книгу въ 140 стр. Въ началѣ ея предпосылается общая часть, въ которой высказывается взглядъ совѣта «на основную причину недостатковъ современнаго университетскаго строя и на тогъ основной принципъ, на которомъ его слѣдуетъ построить». Мы считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя выдержки, чтобы характеризовать дѣйствіе устава 1884 г. и воззрѣнія профессорской коллегіи.

«Настоящій, чисто бюрократическій строй университетовъ является ненормальнымъ», говорится здѣсь. «Университетскіе безпорядки, принявшіе въ послѣдніе годы столь печальныя формы и сдѣлавшіеся какъ бы

¹⁾ См. печатный «Репортъ» претсѣдателя комиссіи Л. Л. Гиршмана, представленный въ совѣтъ.

хроническимъ явленіемъ, представляются только однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, но далеко не единственнымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія нашихъ университетовъ. Мы, профессора, непосредственно руководящіе образованіемъ студентовъ, знаемъ и многія другія болѣзненныя явленія, но намъ не только нельзя было врачевать ихъ, но трудно было даже указывать на нихъ. Главнымъ зломъ мы, по внутреннему самосознанію, признаемъ духъ равнодушія, который явился необходимымъ результатомъ *недовѣрія* министерства къ университетамъ и, какъ естественнаго послѣдствія его, суровой и излишней регламентаціи. Уставъ 1884 года, позаимствовавшій механически многія черты строя нѣмецкихъ университетовъ, но не усвоившій ихъ основы и сущности—академической свободы, не находился въ соотвѣтствіи ни съ началами русской жизни, ни съ потребностями времени. Не имѣя у насъ той исторической основы, какая у него была на Западѣ, онъ совершенно не привился къ намъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, очень скоро сдѣлался причиною застою и регресса. Вѣсело живой дѣятельности, при немъ развился формализмъ и излишняя централизація: университеты превратились въ канцеляріи; дѣятельность совѣтовъ была до такой степени стѣснена, что они своею властью не могли рѣшить, напр., вопроса о перенесеніи профессорскихъ лекцій съ однихъ часовъ на другіе; лишенныя права самопополненія, эти ученые коллеги сдѣлались поневолѣ равнодушными къ тому, что составляетъ живую душу университета; разобщенные другъ съ другомъ и со своими слушателями, лишенные довѣрія и связаннаго съ нимъ самоуправленія, профессора потеряли свой нравственный престижъ въ глазахъ молодежи и не могли уже оказывать того благотворнаго вліянія, какое, при коллегиальномъ строѣ академической жизни, обыкновенно имѣютъ наставники на своихъ питомцевъ; студенты, на которыхъ установленъ былъ взглядъ, какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета, представляли дезорганизованную массу, въ которой хозяевами положенія сдѣлались крайніе элементы;—болѣе благоразумная и умѣренная часть студенчества, дорожившая университетомъ и его наукой, должна была оставаться въ сторонѣ, не имѣя никакихъ законныхъ формъ для проявленія своихъ чисто студенческихъ, академическихъ интересовъ. Спрашивается: развѣ мыслимо было живое общеніе профессоромъ со студентами и сердечное попеченіе первыхъ о вторыхъ, когда между ними воздвигнута была столь высокая стѣна? II только коллегиальное начало съ автономіей могутъ разрушить эту вредную, искусственную преграду, поднять научный уровень университетовъ и нравственный авторитетъ профессоромъ, оздоровить, наконецъ, въ значительной степени и учащуюся среду. Говоримъ

«въ значительной степени», потому что никакой уставъ самъ по себѣ не можетъ гарантировать полного отсутствія безпорядковъ. Университеты не имѣютъ возможности совершенно оградить своихъ питомцевъ отъ вѣншихъ общественныхъ и политическихъ вліяній. Нужно однако стремиться, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы учащаяся молодежь, во время прохожденія университетскаго курса, не оставалась безъ добраго нравственнаго воздѣйствія своихъ наставниковъ. Но для нравственнаго престижа этихъ послѣднихъ необходимо поднять значеніе университетовъ, какъ научныхъ центровъ, а это немисливо безъ свободы научнаго изслѣдованія. Эта послѣдняя составляетъ живую душу, источникъ силы, крѣпости и естественнаго роста нѣмецкихъ университетовъ, залогъ культуры народа и государства.... Наука же безъ свободнаго изслѣдованія невозможна, а при свободѣ изслѣдованія непременно будутъ разныя мнѣнія и взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Довѣріе къ университетамъ прежде всего должно выразиться въ замѣнѣ бюрократическаго надзора свободой научнаго изслѣдованія и преподаванія.... Необходимость самоуправленія вытекаетъ изъ того, что университеты, въ противоположность другимъ государственнымъ учрежденіямъ, являются учрежденіями *sui generis*; ихъ дѣятельность посвящена наукѣ и преподаванію ея, а потому целесообразно управлять ими *могутъ* только тѣ же люди науки.... Между тѣмъ въ основу устава 1884 г. былъ положенъ ложный взглядъ, что университеты суть такіе же административныя мѣста или учрежденія, какъ и всѣ другія, и что профессора суть не что иное, какъ чиновники вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.... Какъ системѣ чиновниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойственно определенное іерархическое подчиненіе, обуславливающее успѣхъ управленія и обеспечивающее населеніе отъ произвола отдѣльных лицъ, такъ совершенно непримѣнимо это іерархическое подчиненіе къ области науки и къ служителямъ ея—профессорамъ и ученымъ; для самой возможности существованія и развитія ученаго мышленія и творчества необходимо широкое право свободнаго изслѣдованія. Ученая мысль никоимъ образомъ не можетъ, безъ ущерба для дѣла, быть связанной вѣннѣми чужой воли, быть насильственно направляемой ею въ ту или другую сторону. Всегда и всюду только при условіи свободы изслѣдованія, она давала плодотворные результаты, снискавшіе ей авторитетъ и уваженіе не только учащихся, но и широкихъ круговъ общества. Если всякій чиновникъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, долженъ для пользы дѣла въ большой мѣрѣ поступиться своею индивидуальностью, исполняя разумно и сознательно вѣннѣ воли, надъ нимъ стоящей, то возможно широкое развитіе индивидуальности въ профессорѣ

и ученое есть вѣрный залогъ движенія впередъ науки. А только эта послѣдняя и создаетъ тотъ нравственный авторитетъ профессора, въ силу котораго онъ приобретаетъ вліяніе надъ своими слушателями, не только благодаря сообщенію имъ результатовъ своихъ ученыхъ работъ, но и *своею личностью*. Оттого и университеты не могутъ быть разсматриваемы какъ «административныя мѣста». Это учрежденія совершенно особаго рода, такъ какъ существуютъ они не только для выполненія тѣхъ или иныхъ житейскихъ практическихъ задачъ, но и для культивированія науки, для приобщенія къ сокровищницѣ ея молодыхъ поколѣній, приходящихъ въ университеты для обогащенія себя знаніями для пользы всеобщей.... Въ уставѣ объ учрежденіи академій Петръ Великій говоритъ: «науки принужденія и насилія терпѣть не могутъ», а относительно академій прибавляетъ: «чтобы сіе знаніе непремѣнно и полезно было, то имѣетъ оное только подъ вѣдѣніемъ Императора, яко протектора своего, бытъ и само себя править». Согласно съ этими словами Великаго Петра, совѣтъ считаетъ необходимымъ положить въ основаніе устава принципами свободы преподаванія, свободы слушанія и коллегіальнаго самоуправленія. А правильной, узаконенной, основанной на самостоятельности организаціей учащейся въ университетѣ молодежи, — и только этой организаціей, а не полицейскими мѣрами, — можетъ быть дана возможность болѣе спокойной части студентовъ, ищущихъ въ университетѣ глубокихъ знаній и смотрящихъ на университетъ, какъ на святищу, бороться противъ ненормальныхъ и вредныхъ для университета теченій (стр. 2—8).

За «общеею частью» слѣдуютъ отвѣты на предложенные вопросы, съ подробнымъ изложеніемъ мотивовъ. Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, останавливаться здѣсь на мотивахъ, мы приведемъ самые отвѣты, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе вопросы.

1. «Въ основу всей университетской организаціи должно быть положено выборное начало: факультеты и совѣты должны выбирать профессоровъ и преподавателей, которые могутъ быть удаляемы отъ службы не иначе, какъ по постановленію совѣта; совѣты избираютъ ректоровъ на 3 года, факультеты — декановъ на 2 года. Избраніе ректора профессорскою коллегіею 1) вытекаетъ изъ самаго принципа коллегіальнаго самоуправленія, долженствующаго быть основою университетскаго устройства; 2) наиболѣе соответствуетъ нормальнымъ условіямъ университетской жизни; 3) согласуется съ историческою традиціею. Только выборный ректоръ можетъ быть представителемъ живой и сильной коллегіи. Ректоръ же назначенный, въ глазахъ общества, профессоровъ и студентовъ, явится не авторитетнымъ представителемъ науки и ученой

профессорской коллегии, а лицомъ, какъ-бы чуждымъ остальному профессорскому персоналу, естественнымъ результатомъ чего могутъ явиться коллизии между нимъ и остальной коллегиею. Назначенный ректоръ не можетъ имѣть той нравственной опоры въ не избравшей его профессорской коллегіи, которая необходима для надлежащаго вліянія на студентовъ, и вообще онъ будетъ лишень того высокаго нравственнаго престижа, какимъ пользовался бы выборный ректоръ. Такой ректоръ будетъ занимать изолированное положеніе и, слѣдовательно, явится безсильнымъ или же будетъ оказывать такое давленіе на коллегію, которое совершенно несовмѣстимо съ принципомъ университетскаго самоуправленія. — Нынѣшнее «двоевластіе» въ университетахъ — попечителя и ректора—должно быть уничтожено». 2. «Желательно усиленіе власти совѣта, поднятіе научнаго значенія факультетовъ и раздѣленіе функций правленія между новыми учрежденіями, которыя его могутъ замѣнить,— коллегіей декановъ, хозяйственнымъ комитетомъ и университетскимъ судомъ. Факультетамъ, кромѣ функций, дарованныхъ уставомъ 1884 г., должно быть предоставлено болѣе инициативы и простора, особенно въ ученой и учебной сферахъ дѣятельности. Ихъ компетенціи нужно предоставить всѣ вопросы, связанные съ программой, распредѣленіемъ предметовъ, дѣятельностью научныхъ студенческихъ кружковъ, окончательное назначеніе стипендій и пособій и ходатайство объ освобожденіи отъ платы, и печатаніе ученыхъ сочиненій, предназначенныхъ къ изданію на счетъ или отъ имени университета и т. п.». 3. Особая плата въ пользу отдѣльных преподавателей «должна быть вообще отмѣнена и оставлена только для приватъ-доцентовъ, читающихъ частные курсы». По 8-му вопросу совѣтъ высказался за возстановленіе института штатныхъ доцентовъ. 10. «Необходимо устраненіе излишняго формализма и регламентаціи въ дѣлѣ преподаванія и предоставленіе болѣе свободы совѣтамъ и факультетамъ въ распредѣленіи предметовъ и измѣненіи программъ; необходимы улучшеніе средней школы и установленіе связи между нею и университетами, улучшеніе матеріальнаго положенія студентовъ, расширеніе и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учреждений». 11. «Желательно учрежденіе не курсовыхъ, а предметныхъ экзаменовъ въ извѣстной послѣдовательности и порядкѣ, съ возстановленіемъ кандидатской степени. Должна быть допущена свобода слушанія лекцій. По мнѣнію большинства членовъ совѣта, студентъ, желающій получить дипломъ, обязанъ выдержать въ извѣстной послѣдовательности и опредѣленномъ размѣрѣ, устанавливаемыхъ факультетами, рядъ практическихъ и теоретическихъ испытаній. Для слушанія лекцій и практическихъ занятій факультетъ вырабатываетъ къ руководству студентовъ

особые учебные планы, которые однако только рекомендуются для пользы студентов, но слѣдованіе которымъ для нихъ не обязательно. Меньшинство членовъ совѣта высказалось за такую формулу: студенты, желающіе получить дипломъ, обязаны прослушать извѣстное минимальное число предметовъ факультетскаго преподаванія и выполнить относящіеся къ нимъ практическія занятія, исполнивъ это въ той послѣдовательности, которая устанавливается обязательными факультетскими планами. Совѣтъ высказался за допущеніе къ университетскимъ экзаменамъ на ученые степени, начиная съ кандидатской, экстерновъ, съ разрѣшенія факультета и совѣта». По 12-му вопросу совѣтъ высказался за предоставленіе служебныхъ правъ оканчивающимъ университетскій курсъ: университетскій дипломъ долженъ, по мнѣнію совѣта, сохранить свое важное значеніе, какъ гарантія того, что къ прохожденію государственной службы, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстныхъ, опредѣленныхъ въ законѣ должностей, будутъ допускаться только лица, получившія болѣе или менѣе основательное теоретическое научное образованіе. 13. «Государственные экзамены, въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они устроены уставомъ 1884 г., должны быть отмѣнены», и возстановлены вмѣсто нихъ университетскіе экзамены, а, кромѣ того, если то будетъ признано нужнымъ различными вѣдомствами, то пусть будутъ введены для лицъ, получившихъ университетскіе дипломы, еще особые испытанія—*настоящіе государственные экзамены*—для полученія правъ на занятія тѣхъ или иныхъ должностей на государственной службѣ». 14. Для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ единственною мѣрою можетъ служить «возстановленіе довѣрія къ профессорамъ со стороны правительства и поднятіе ихъ значенія въ университетскомъ самоуправленіи; никакія же искусственныя и частныя мѣры не приведутъ къ цѣли. Автономія, способствуя развитію науки въ университетѣ, тѣмъ самымъ подниметъ и нравственное воздѣйствіе профессоръ, ибо вліять на своихъ слушателей профессоръ можетъ только на почвѣ болѣе широкаго и свободнаго научнаго общенія». По 15-му вопросу совѣтъ высказался за допущеніе студенческихъ организацій и собраній для обсужденія студенческихъ дѣлъ. «Не предпрѣшая подробностей организаціи студентовъ и считая необходимымъ предостаивть имъ выработку самой жизни, совѣтъ признаетъ безусловно необходимымъ разрѣшить студенческія организаціи, имѣющія въ виду матеріальную взаимопомощь, научно-литературныя и другія цѣли, не выходящія изъ круга чисто студенческихъ потребностей и интересовъ, такъ напр.: кассы взаимопомощи, столовыя, бібліотеки, научно-литературные кружки, земля-

чества, курсовыя и факультетскія собранія и т. д. Инициатива въ дѣлѣ устройства студенческихъ организацій должна принадлежать самимъ студентамъ. Разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ организацій должно принадлежать совѣту; руководство и участіе въ этихъ организаціяхъ преподавательскаго персонала желательно, по выбору студентовъ и съ согласія совѣта. Курсовые старосты или другія подобныя лица признаются совѣтомъ полезными, какъ посредники между студентами, профессорами и университетскою администраціей». 16. «Университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ долженъ быть возстановленъ». 17. «Совѣтъ высказался за введеніе особаго студенческаго суда, который долженъ быть устроенъ по обычному образцу «товарищескихъ судовъ чести», съ тѣмъ, чтобы недовольные его рѣшеніемъ могли апеллировать къ университетскому суду». 18. «Инспекцію въ ея нынѣшнемъ видѣ необходимо упразднить и учредить должность товарища ректора, избираемаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ, въ помощь ректору по дѣламъ студенческимъ».

Давъ мотивированные отвѣты на всѣ вопросы, предложенные министерствомъ касательно измѣненія устава 1884 года, совѣтъ присоединилъ къ нимъ еще заключенія на пять дополнительныхъ вопросовъ, возбужденныхъ имъ самимъ согласно разрѣшенію г. министра, не стѣснявшаго совѣтовъ какими-либо рамками и ожидавшаго ихъ мнѣнія по всѣмъ вопросамъ, которымъ въ интересахъ дѣла они придаютъ значеніе.

На первомъ планѣ здѣсь стоялъ вопросъ объ улучшеніи и расширеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковскаго университета, — издавна больной вопросъ, на которомъ намъ придется еще остановиться впереди по поводу преподаванія. Изъ остальныхъ вопросовъ обращаетъ на себя вниманіе 5-й — касательно допущенія женщинъ къ прохожденію университетскихъ курсовъ. «Совѣтъ единогласно постановилъ возбудить ходатайство о допущеніи женщинъ на всѣ факультеты на равныхъ со студентами правахъ».

Какъ бы въ дополненіе къ этому, въ концѣ 1901 г. представлены были соображенія факультетовъ по поводу возбужденнаго министерствомъ вопроса о новыхъ штатахъ и новыхъ кафедрахъ и предметахъ.

Всѣ мнѣнія и желанія, высказанныя въ «Отвѣтъ» Харьковскаго университета (да и другихъ), въ то время остались, можно сказать, безъ результата: они не были осуществлены, по крайней мѣрѣ въ томъ духѣ и видѣ, какъ предполагалъ совѣтъ. Правила, въ декабрѣ 1901 г. еще министромъ П. С. Ванновскимъ утверждены были «временныя правила организаціи студенческихъ учреждений», а въ августѣ 1902 г., уже при его

преемникъ *Г. Э. Зенгеръ* (1902—1904), введены были, съ Высочайшаго соизволенія, профессорскій судъ, въѣднію котораго подлежали дѣла о нарушеніи учащими въ зданіи университета порядка, о столкновеніяхъ между ними и преподавателями или должностными лицами и о проступкахъ предосудительнаго характера, и «кураторы» изъ числа преподавателей для руководства студентами извѣстнаго курса, при чемъ куратору предоставлялось устраивать собесѣдованія съ курсомъ. Но эти нововведенія не согласовались съ общимъ университетскимъ строемъ, остававшимся не измѣненнымъ, и въ дѣйствительности не имѣли значенія. Совѣтъ долженъ былъ представить свои предположенія о редакціи текста правилъ относительно студенческихъ учреждений и выработать инструкцію для кураторовъ, что и было исполнено; въ 1902—1904 годахъ совѣтъ избиралъ кураторовъ¹⁾: два раза, въ 1902 и 1903 г., избиралъ судей²⁾. Но институтъ кураторовъ оказался мало жизненнымъ; что же касается профессорскаго суда, то въ теченіе перваго года онъ не функционировалъ за неимѣніемъ къ тому поводовъ. Но въ мартѣ 1904 г. произошли въ университетѣ событія, по поводу которыхъ, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ, суду надлежало высказать свое мнѣніе. «Однако», говоря словами одного изъ профессоровъ-судей³⁾, «при первомъ же представившемся его компетенціи дѣлѣ, профессорскій судъ былъ устраненъ; официально онъ находился въ полномъ невѣдѣніи

1) На 1902²/₃ г. въ кураторы были избраны: по историко-филолог. фак.—проф. П. В. Нетушилъ (одинъ для всего факультета, въ виду его малочисленности); по физико-матем.—проф. А. Г. Зайкевичъ, приватъ-доценты: П. О. Бѣлоусовъ, А. П. Грузинцевъ, Н. Н. Евдокимовъ; по юридич.—проф. П. А. Максимейко, прив.-доценты: А. Н. Фатѣевъ, А. Д. Киселевъ, В. А. Истрижмбскій; по медич.—профессора: А. К. Бѣлоусовъ, Н. К. Кульничій, В. П. Крыловъ, М. Д. Пономаревъ. На 1903⁴/₄ г. по истор.-фил. фак.—проф. Я. А. Денисовъ, по физ.-матем.—профессора: А. Г. Зайкевичъ, А. В. Гуровъ, А. О. Брандтъ, прив.-доц. Н. О. Бѣлоусовъ; по юрид.—профессора: С. П. Никонцовъ, В. Ф. Левитскій, П. П. Мигулинъ, прив.-доц. А. Н. Фатѣевъ; по медич.—профессора: А. К. Бѣлоусовъ, Н. К. Кульничій, А. В. Репревъ, П. П. Скворцовъ, М. Д. Пономаревъ. На 1904¹/₅ г. избраны тѣ же, что и въ предыдущемъ году, за исключеніемъ отказавшагося А. В. Репрева, на мѣсто котораго избранъ проф. П. О. Мельниковъ-Разведенковъ.

2) На 1902²/₃ г. Л. Л. Гиршмана, Н. А. Гредескула, В. Ф. Левитскаго, М. А. Остроумова, В. А. Стеклова (изъ нихъ Л. Л. Гиршманъ—предсѣдатель); кандидатами къ судьямъ—Д. П. Багалѣя, А. Х. Кузнецова, П. П. Мигулина, П. П. Осипова, Г. О. Шульца. На 1903⁴/₄ г. избраны судьями: Л. Л. Гиршманъ, Н. А. Гредескулъ, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, В. А. Стекловъ, М. П. Чубинскій, (предсѣдатель—Л. Л. Гиршманъ); кандидатами къ судьямъ—Я. А. Анфимовъ; Д. П. Багалѣй, В. П. Крыловъ, П. П. Осиповъ, Г. О. Шульцъ.

3) См. протоколы засѣд. совѣта 7 окт. 1904 г.

относительно всего, что въ это время происходило въ университетѣ, и не могъ оказать никакого вліянія на ходъ событій, а между тѣмъ и общество, и студенты, и самъ совѣтъ, поручившій и довѣрившій намъ щекотливныя и отвѣтственныя обязанности университетскихъ судей, смотрѣли на судей и ждали отъ нихъ авторитетнаго разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній. Создалось весьма непріятное и двусмысленное положеніе членовъ суда». Тогда они, каждый въ отдѣльности, подали въ совѣтъ заявленіе съ мотивированнымъ отказомъ отъ званія судей. Въ совѣтъ заявленіе ихъ тогда не было внесено, а въ концѣ концовъ каждый изъ судей получилъ бумагу, въ которой значилось, что г. министръ (генерал-лейт. В. Г. Глазовъ) призналъ, что подавшій заявленіе нарушилъ законы и постановленія, опредѣляющіе не только обязанности члена университетскаго суда, но и профессора¹⁾. Въ октябрѣ 1904 г. въ совѣтъ громаднымъ большинствомъ голосовъ въ судьи были предложены (по запискамъ) тѣ же лица; всѣ они отказались отъ баллотировки, другія также, и выборы не состоялись.

17 января 1905 г. исполнялось 100 лѣтъ со времени основанія Харьковскаго университета. Въ виду этого въ 1902 г. избрана была совѣтомъ коммиссія для редактированія намѣченныхъ юбилейныхъ изданій, по одному профессору отъ факультета (М. Е. Халанскій, П. П. Осиповъ, М. А. Остроумовъ, котораго вскорѣ замѣнилъ М. П. Чубинскій, и П. П. Скворцовъ). Главнымъ редакторомъ избранъ Д. П. Багалій. Кроме того, составлена была коммиссія для разсмотрѣнія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ предстоявшаго юбилейнаго торжества²⁾. Но въ виду тяжелыхъ испытаній, переживаемыхъ Россіей, самое торжество, назначенное на сентябрь 1905 г., отложено на неопредѣленное время.

Если мы ко всему этому прибавимъ избраніе совѣтомъ почетныхъ членовъ³⁾, то исчерпаемъ въ сущности циклъ почти всѣхъ болѣе выдающихся дѣлъ, коими совѣту приходилось заниматься при дѣйствіи устава 1884 г., до 1905 г.

1) См. тотъ же протоколъ.

2) Изъ 12 членовъ, по 3 отъ каждаго факультета (Е. К. Рѣдинъ, Н. О. Сумцовъ, Г. О. Шульцъ; А. П. Грузинцевъ, П. П. Осиповъ, В. А. Стекловъ; А. Д. Киселевъ, С. П. Никоновъ, А. П. Фатѣевъ; Л. Л. Гиришманъ, А. Х. Бузнецовъ, М. М. Ломиковскій).

3) Иностранныхъ ученыхъ въ теченіе 1884—1904 г.г. въ почетные члены избрано лишь нѣсколько лицъ, среди нихъ, напр., Э. Геккель, виконтъ де Вогиозъ, П. В. Ягичъ; громадное большинство—русскихъ: А. О. Ковалевскій, О. П. Буслаевъ, Н. Я. Бунге, К. М. Озофилатовъ, Е. Е. Голубинскій, Н. П. Кондаковъ, О. Е. Коршъ, П. В. Помяловскій, К. А. Тимирязевъ, А. Н. Веселовскій (акад.),

Если сфера дѣятельности совѣта при дѣйствіи устава 1884 г. сѣззилась, то функціи и дѣятельность правленія за разсматриваемый періодъ чрезвычайно расширились, особенно на практикѣ, можно сказать, что руководящее центральное значеніе перешло при дѣйствіи устава 1884 г. отъ совѣта къ правленію¹⁾. Правленіе—хозяйственно-административный органъ, а такъ какъ рѣдко въ какомъ учебномъ дѣлѣ, особенно если это касается учебно-вспомогательныхъ учреждений, нѣтъ стороны матеріальной, то правленіе оказывало вліяніе почти на всю жизнь университета, рѣшая даже дѣла, относящіеся скорѣе къ компетенціи совѣта или факультета. Такъ, напр., оно предпринимало постройку новаго библіотечнаго зданія, а также помѣщенія для поликлиникъ дѣтскихъ, душевныхъ и накожныхъ болѣзней, безъ участія совѣта или (во второмъ случаѣ) факультета; отъ него—по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени—зависѣло назначить или не назначить субсидію на командировку того или другого лица и т. п. По самому уставу, правленію принадлежало разбирательство по студенческимъ дѣламъ и т. д.²⁾.

Въ жизни университета въ этотъ періодъ, особенно въ послѣдніе годы, *инспекція* играла такую видную, вліятельную роль, что ее нельзя обойти молчаніемъ. Времена прежней, такъ сказать, патриархальной инспекціи, представителемъ которой являлся О. Ф. Рогожинъ, этотъ «отецъ студентовъ»³⁾, миновали. «Цѣль, сущность и смыслъ инспекціи, по уставу 1884 года и инструкціи», говорится въ «Отвѣтѣ совѣта» на предложенные въ 1901 году министерствомъ вопросы (стр. 115), «заключаются въ надзоръ за поведеніемъ студентовъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по мѣрѣ возможности, и вѣзъ его. Инспекторъ долженъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ и принимать всѣ зависящія отъ него мѣры къ *предупрежденію и пресѣченію* ихъ нарушенія; онъ и его помощники должны знать въ лицо всѣхъ студентовъ».

В. Я. Цингеръ, А. С. Фаминцынъ, М. С. Воронинъ, В. В. Марковниковъ, В. П. Ламанскій и друг. Среди нихъ видное мѣсто занимаютъ имена бывшихъ харьковскихъ профессоровъ: Н. Н. Бекетова, В. Г. Имшенецкаго, И. О. Леваковского, Н. А. Лавровскаго, П. П. Щелкова, М. И. Сухомлинова. Въ числѣ лицъ, возведенныхъ въ почетные доктора по представленію Харьковского университета за этотъ періодъ, мы встречаемъ: А. О. Коня, П. Д. Хрущева (изъ то время прив.-доц. Харьковского универс.) и К. Д. Хрущева, А. С. Лебедева (проф. Харьк. унив.), Г. В. Левицкаго (бывшаго проф. Харьк. унив.).

¹⁾ «Отвѣтъ», стр. 36.

²⁾ О факультетахъ не говоримъ здѣсь, такъ какъ ихъ исторіи посвящены особые отдѣльные обзоры.

³⁾ См. предыдущій періодъ, стр. 238.

слѣдить за посѣщеніемъ ими лекцій, ознакомиться съ ходомъ занятій и обстановкой стипендіатовъ и освобожденныхъ отъ платы; отъ инспектора» главнымъ образомъ «зависитъ выдача студентамъ стипендій и пособій. Онъ въ одно и то же время и слѣдователь, и прокуроръ, и судья по проступкамъ студентовъ». Онъ, какъ мы видѣли (стр. 245), — по уставу 1884 г. полноправный членъ правленія по всѣмъ вопросамъ. Но «основная функція инспекціи», по выраженію того же «Отвѣта», — «сичѣмъ не ограниченный надзоръ, доходящій до чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ» (стр. 117). Крімъ того, въ министерство Н. П. Боголюбова (циркуляромъ отъ 27 іюня 1899 г.) на инспекцію возложена новая обязанность — «благожелательное попеченіе» о нуждахъ учащихъ, а личный составъ ея еще болѣе усиленъ. Въ первое время послѣ введенія устава инспекторомъ студентовъ былъ назначенъ *В. О. Волпнеръ*, бывший догодѣ помощникомъ инспектора и затѣмъ проректора, — человѣкъ мягкій, но безхарактерный и не пользовавшійся авторитетомъ; онъ вскорѣ долженъ былъ выйти въ отставку; преемникъ его, *А. К. Ресницкій*, пробылъ въ Харьковѣ недолго. Въ 1887 г. назначенъ инспекторомъ *Н. П. Аикришскій* (кандидатъ Московскаго университета, бывший преподаватель русскаго языка и затѣмъ директоръ реального училища), 18 лѣтъ несшій эту обязанность и весьма вліявшій на университетскія дѣла.

2-я глава.

Преподаваніе и преподаватели.

Каково было положеніе преподавателей въ университетѣ при дѣйствіи устава 1884 г., ясно уже изъ предыдущаго. На ходъ университетскихъ дѣлъ и управленія по самому уставу они вліянія не имѣли: они стояли какъ бы въ сторонѣ, словно чужіе. Они стояли вдали и отъ студентовъ. Сближеніе съ учащеюся молодежью для профессора было даже не безопасно, какъ показываетъ примѣръ *Н. П. Дитятина*, которому, между прочимъ, ставились въ вину его близкія отношенія къ студентамъ, то, что онъ съ ними бесѣдуетъ, обѣдаетъ, принимаетъ ихъ у себя на дому. Печальныя послѣдствія такого положенія профессоромъ въ университетѣ сказались ясно къ концу 90-хъ годовъ. Тогда одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію

и распространію студенческихъ безпорядковъ, была признана «разобщенность студентовъ между собой, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ». Тогда сочли необходимымъ снова обратиться къ профессорскому вліянію и авторитету. Приняты были и нѣкоторыя мѣры для установленія желательнаго болѣе тѣснаго общенія между профессорами и студентами, какъ-то: болѣе широкая организація практическихъ занятій, учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, устройство студенческихъ обществъ; но эти мѣры, о которыхъ мы еще будемъ говорить, оказались лишь палліативами, не приводящими къ цѣли... «Такое явленіе, какъ разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ», по словамъ коммисіи, назначенной физико-математическимъ факультетомъ для обсужденія упомянутыхъ мѣръ¹⁾, «служитъ только видѣвшимся проявленіемъ причинъ того разлада, который гнѣздится въ глубинѣ организмовъ нашихъ высшихъ просвѣтительныхъ учреждений». Общая атмосфера, среди которой жилъ преподаватель университета, была тяжелая и не могла особенно способствовать подъему его духа и энергіи. «Профессора», говоритъ та же коммисія, «привыкли работать при самыхъ неблагопріятныхъ для этого условіяхъ. Факультетъ, который является отвѣственнымъ за успешность научно-педагогической дѣятельности, лишенъ возможности оказывать на нее соотвѣтствующее воздѣйствіе: полная регламентація всѣхъ ея подробностей ставитъ преграду проявленію инициативы со стороны факультета. Такимъ путемъ въ живое дѣло высшаго образованія вносится сухой формализмъ, подавляющій энергію и отзывчивость преподавателей и огнимающій у молодыхъ людей интересъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ».

Тѣмъ не менѣе, и среди этихъ неблагопріятныхъ условій, преподаватели Харьковскаго университета въ общемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, исполняли свой долгъ, а научная производительность ихъ развивалась, какъ показываетъ ежегодный длинный списокъ ихъ работъ²⁾, среди которыхъ не мало выдающихся трудовъ. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и ихъ дѣятельности интересующіеся могутъ найти въ «Біографическомъ Словарѣ», который печатается отдѣльными томами, по факультетамъ, и въ которомъ біографіи расположены по каѳедрамъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь же достаточно сказать, что и за разсматриваемый періодъ въ числѣ профессоровъ Харьковскаго университета встрѣчается не мало именъ, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться

¹⁾ См. ея докладъ.

²⁾ См. «Отчеты».

русская наука. Многие из них занимают почетное место между современными учеными; некоторые имена хорошо известны не только в России, но и в Западной Европе. Мы не берем на себя смелости выдвигать из ближайшего состава отдельные имена, какъ наиболее достойныхъ университетскихъ преподавателей и представителей науки. Но мы можемъ назвать изъ тѣхъ, кто уже оставилъ Харьковскій университетъ, напр. химика *Н. Н. Бекетова*, перешедшаго изъ Харькова въ Академію Наукъ, и известнаго далеко за предѣлами нашего края окулиста *Л. Л. Гаримана*. Это дорогое для харьковцевъ имя, а изъ прежнихъ дѣятелей, уже покойныхъ, мы должны вспомнить такія имена, какъ *А. А. Потебня* на историко-филологическомъ факультетѣ, *Л. С. Ценковский*, *В. Г. Шмиденей* (впослѣдствіи академикъ), *Н. О. Тесакоскій* на физико-математическомъ, *Н. П. Димитиивъ*, *К. К. Гамштейнбергеръ*, *Г. М. Цыгановскій* (мало печатавшій, но широко образованный и необыкновенно начитанный въ разныхъ областяхъ знанія ученый) на юридическомъ и клиницисты *В. Г. Лашкевичъ*, *В. Г. Грѣбъ*, *Н. К. Зарубанъ* на медицинскомъ факультетѣ. Начало и расцвѣтъ дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ почти всѣхъ ихъ принадлежитъ скорѣе предшествующему времени. Изъ тѣхъ же профессоровъ, преподавательская дѣятельность которыхъ совпала какъ разъ съ разсматриваемымъ періодомъ и которые оставили Харьковъ, назовемъ, напр., проф. механики, достойнаго преемника *В. Г. Шмиденцаго*, *А. М. Титюнова*, избраннаго въ Академію Наукъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и проф. сравнительнаго языковѣдѣнія *Д. Н. Овсянко-Кудиковскаго*, пріобрѣтшаго широкую извѣстность своими работами по теоріи поэтическаго творчества и критическими этюдами о русскихъ писателяхъ и пользовавшимся большими симпатіями слушателей.

Уставъ 1884 года увеличилъ число *профессоровъ*. По штатамъ 1884 года въ Харьковскомъ университетѣ полагалось ординарныхъ профессоровъ 50 (въѣсто 40, положенныхъ по уставу 1863 года), экстраординарныхъ 23 (въѣсто 18), лекторовъ 4 (какъ и прежде). Въ моментъ введенія устава преподавательскій персоналъ Харьковского университета состоялъ изъ 40 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 22 штатныхъ доцентовъ, нѣсколькихъ приватъ-доцентовъ, 3 лекторовъ. Черезъ 10 лѣтъ, къ концу 1894 года, состояло: ординарныхъ профессоровъ 59 (изъ нихъ 15 вышедшихъ изъ штата), экстраординарныхъ 7, исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора 9, приватъ-доцентовъ 50, лекторовъ 4, а къ концу 1904 г. — ординарныхъ 57 (въ томъ числѣ вышедшихъ изъ штата 22 и сверхштатныхъ 1), 1 исправляющій должность ординарнаго профессора, 11 экстраордина-

нарныхъ (въ томъ числѣ 1 сверхштатный), 16 и. д. экстраординарнаго проф., 56 приватъ-доцентовъ и 3 лектора. Такимъ образомъ, общее число преподавателей въ Харьковскомъ университетѣ къ концу разсматриваемаго періода=144. Но уставъ 1884 г. упразднилъ должность штатнаго доцента, а такихъ штатныхъ доцентовъ по штатамъ 1863 г. полагалось 31, и въ моментъ введенія новаго устава ихъ было въ Харьковскомъ университетѣ, какъ мы только-что видѣли, 22. Для полученія званія профессора требуется высшая ученая степень—доктора. Между тѣмъ русскіе университеты не такъ богаты учеными силами, чтобы можно было замѣстить всѣ кафедры лицами, имѣющими высшую степень. Поэтому преподаваніе по многимъ, даже основнымъ, кафедрамъ (напр. по классической филологіи, русской и всеобщей исторіи—на историко-филологическомъ факультетѣ или по уголовному, гражданскому, финансовому и торговому праву—на юридическомъ) приходилось часто поручать временно исправляющимъ обязанности профессора (бывшимъ доцентамъ) или приватъ-доцентамъ (по 64 ст. устава), въ большинствѣ случаевъ даже не магистрамъ, а магистрантамъ, или же профессорамъ, занимающимъ близкія по спеціальности кафедры, и затѣмъ такія порученія возобновлять изъ года въ годъ, иногда въ теченіе 14-ти лѣтъ, какъ это было, напр., на историко-филологическомъ факультетѣ по нѣкоторымъ отдѣламъ всеобщей исторіи. Трудность замѣщенія кафедръ лицами, имѣющими высшую ученую степень—съ одной стороны, желаніе обезпечить положеніе молодыхъ ученыхъ, уже болѣе или менѣе извѣстныхъ своими трудами или преподавательскою дѣятельностью,—съ другой, по необходимости повели къ отступленіямъ отъ устава, съ Высочайшаго разрѣшенія. Такъ, уже въ 1888 г. въ Харьковскомъ университетѣ одинъ магистръ назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а съ 1889 года слѣдуетъ рядъ назначеній магистровъ въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора: въ 1890 г. число таковыхъ въ Харьковскомъ университетѣ уже достигаетъ 7, а къ концу 1904 г.—16.

Заго уставъ 1884 года стремился дать широкое развитіе институту приватъ-доцентовъ. II, дѣйствительно, съ его введеніемъ число приватъ-доцентовъ быстро возрастаетъ: передъ введеніемъ устава, къ 1 января 1884 года ихъ было 4, къ концу 1884 года—уже 8, въ 1885 году—17, въ 1886 году—28: затѣмъ въ 1887—1892 году число приватъ-доцентовъ немного уменьшилось и потомъ снова увеличилось, дойдя въ 1894 году до 50, а въ 1904 г.—до 56 (изъ нихъ болѣшая часть приходится, конечно, на медицинскій факультетъ). Дальнѣйшему развитію и процвѣтанію этого института препятство-

вали тяжелыя матеріальныя условія, въ которыя поставлены были приватъ-доценты. Вслѣдствіе упраздненія штатной доцентуры молодымъ ученымъ, нерѣдко магистрамъ, приобрьвшимъ даже извѣстность своими научными трудами, приходилось тратить много дѣтъ и силъ, прежде чѣмъ они получали профессуру, а до тѣхъ поръ они находились въ крайне неопредѣленномъ, необезпеченномъ положеніи. Правда, большинство приватъ-доцентовъ въ Харьковскомъ университетѣ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, фактически замѣняли профессоровъ и читали обязательные курсы по порученію министра, съ вознагражденіемъ, равнымъ жалованью прежнихъ штатныхъ доцентовъ.—1200 руб. въ годъ. Но, не говори уже объ ограниченности вознагражденія, подобныя порученія, въ силу устава, давались лишь на годъ и должны были быть возобновляемы, и лица, коимъ поручалось преподаваніе, могли каждый разъ опасаться, что по истеченіи срока не послѣдуетъ вновь порученія. Слѣдовательно, даже и такіе приватъ-доценты не могли быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. «На всякомъ другомъ поприщѣ», читаемъ мы въ запискѣ одного изъ приватъ-доцентовъ Харьковского университета, по поводу пересмотра гонорарной системы, «лицо, работающее въ качествѣ слуги государства, по крайней мѣрѣ, спокойно за то, что имъ уже приобрьтено: онъ знаетъ, что и завтра онъ и его семья будутъ имѣть то же, что сегодня. Только приватъ-доцентъ, читающій обязательный предметъ, т. е. выполняющій обязанность, требующуюся государствомъ, находится въ положеніи вольнонаемнаго, котораго каждый годъ можно безъ всякихъ разговоровъ и поводовъ удалить за ненадобностью... Привилегированные приватъ-доценты, такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ угнетены и нравственно, и умственно и, прежде чѣмъ добиться кафедры и штатнаго мѣста, проходятъ такую школу, которая не можетъ быть признана для нихъ благоговорною»¹⁾. Еще въ худшемъ положеніи находились приватъ-доценты, читавшіе необязательные курсы и не получавшіе, слѣдовательно, опредѣленнаго вознагражденія. Вознагражденіе, которое выдавалось изъ суммъ министерства, ассигнуемыхъ на этотъ предметъ по 112 ст. устава, бывало обыкновенно недостаточно и носило притомъ случайный характеръ: конкуренція съ штатными профессорами, которую имѣлъ въ виду уставъ, предоставляя студентамъ свободу выбора преподавателя, если одинъ и тотъ же предметъ читается нѣсколькими,—въ Харьковскомъ университетѣ мы почти не видимъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ на

¹⁾ «Докладъ комиссіи... о системѣ вознагражденія преподавателей университета» (стр. 29—30).

медицинскомъ факультетѣ); а гонораръ, особенно на факультетахъ малолетнихъ, не могъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ для приватъ-доцента.

Вообще, свобода выбора предмета и преподавателя, при существованіи обязательныхъ учебныхъ плановъ и экзаменныхъ требованій и при соблюденіи извѣстной послѣдовательности преподаванія, въ дѣйствительности почти не имѣла мѣста. Параллельные курсы въ Харьковскомъ университетѣ тоже не развились, отчасти по малочисленности слушателей на нѣкоторыхъ факультетахъ, отчасти вследствие недостаточнаго количества преподавателей, а отчасти и по нежеланію профессоровъ вступать въ личную конкуренцію другъ съ другомъ, которая могла имѣть скорѣе неблагопріятное вліяніе въ моральномъ отношеніи и которую они поэтому не считали полезною и удобною въ дѣлѣ университетскаго преподаванія. Въ теченіе перваго десятилѣтія, съ 1884 по 1894 г., въ Харьковскомъ университетѣ (если оставить въ сторонѣ медицинскій факультетъ, какъ находящійся въ нѣсколько иныхъ условіяхъ) былъ въ сущности только одинъ примѣръ настоящаго параллельнаго курса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (на юридическомъ факультетѣ—по уголовному праву), да и то его вели не приватъ-доценты, а профессора, занимавшіе разныя кафедры.

Замѣщеніе кафедръ уставъ 1884 г. предоставлялъ министру, который при открывшейся вакансіи могъ или замѣщать ее по собственному усмотрѣнію, или предоставить университету избрать кандидата и представить его на утвержденіе. Долгое время послѣ введенія устава по отношенію къ Харьковскому университету преобладалъ первый способъ замѣщенія. Случалось, что министерство прямо присылало въ Харьковъ назначеннаго имъ профессора, безъ предварительнаго запроса и сношенія съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ, не говоря уже о совѣтѣ или факультетѣ. Иногда министерство, прежде чѣмъ назначить, предварительно запрашивало. Чаще же всего въ Харьковскомъ университетѣ практиковался такой способъ: преподаватель начиналъ свою дѣятельность въ качествѣ приватъ-доцента; по пріобрѣтеніи имъ степени магистра или доктора деканъ—иногда по частному соглашенію съ факультетомъ, а иногда и безъ таковаго—дѣлалъ представленіе о назначеніи этого преподавателя профессоромъ (если дѣло шло о магистрѣ, то и. д. экстраординарнаго профессора); представленіе черезъ ректора и попечителя, съ ихъ заключеніями, шло въ министерство¹⁾. Подобные способы устранили борьбу партій въ факультетѣ и совѣтѣ, чѣмъ

¹⁾ Изрѣдка такіа представленія, да и то лишь въ послѣдніе годы, исходили отъ факультета.

сопровождались нерѣдко выборы при дѣйствіи устава 1863 года, но, разумеется, они не исключали вліянія случайности, пристрастія или протекціи; наоборотъ, имѣ открывался широкій просторъ. Къ тому же назначеніе профессоромъ самимъ министромъ, въ связи съ другими обстоятельствами, напр. предварительными замѣчаніями къ экзаменнымъ требованіямъ, напередъ опредѣлявшими направленіе и характеръ обязательныхъ для студентовъ курсовъ, содѣйствовало уналку нравственнаго вліянія и авторитета профессоромъ въ глазахъ молодыхъ людей, видѣвшихъ въ нихъ не независимыхъ и убѣжденныхъ служителей науки, а простыхъ «шпиовниковъ».

Недостатки подобнаго способа замѣщенія кафедръ, какъ уже сказано (стр. 19), были сознаны и министерствомъ, которое въ послѣднее время предпочитало поэтому прибѣгать къ системѣ конкурсовъ, имѣвшей, впрочемъ, свои неудобства. Такимъ образомъ, съ 1899 г. въ Харьковскомъ университетѣ кафедры, преимущественно по медицинскому факультету, начали замѣщаться болѣею частью по конкурсу. Къ конкурсу (по другимъ факультетамъ), съ особаго каждый разъ разрѣшенія, допускались и магистры. Впрочемъ, на ряду съ системой конкурсовъ не была совершенно оставлена и система назначеній (въ Харьковскомъ университетѣ былъ даже случай назначенія на кафедру кандидата, котораго передъ тѣмъ факультетъ не призналъ возможнымъ допустить къ конкурсу, за неимѣніемъ у него трудовъ по данной специальности).

Разсудникомъ профессоромъ служилъ институтъ привагъ-доцентовъ и стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію. Ни тотъ, ни другой не былъ новъ. Но уставъ 1884 г. имѣлъ въ виду развитіе еще болѣе привагъ-доцентуру, а что касается стипендіатовъ, то незадолго до введенія этого устава были изданы правила о лицахъ, оставляемыхъ при университетахъ и командироваемыхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію (21 мая 1884), коими вводилась болѣе точная регламентація и устанавливался опредѣленный порядокъ оставленія при университетахъ или командированія за границу молодыхъ людей. Съ этихъ поръ само уже министерство, на основаніи всѣхъ представленныхъ ему данныхъ, опредѣляло, должно ли оставить рекомендуемаго кандидата и при какомъ университетѣ. Каковы были результаты этой мѣры по отношенію къ Харьковскому университету, показываютъ слѣдующія цифры: за первое десятилѣтіе всѣхъ оставленныхъ при Харьковскомъ университетѣ или командированныхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію на основаніи новыхъ правилъ, съ 1884 по 1894 г., было 33 (по историко-филологическому факуль-

тету—4, физико-математическому—11, юридическому—10, медицинскому—8); изъ нихъ достигли привагъ-доцентуры или профессуры (частью въ Харьковскомъ, частью въ другихъ университетахъ)—24 (по историко-филологическому факультету—3, физико-математическому—8, юридическому—5, медицинскому—8); изъ остальныхъ 1 умеръ, прочіе 8 покинули ученое поприще (по историко-филологическому факультету—1, физико-математическому—2, юридическому—5). Приблизительно половина преподавателей Харьковскаго университета за разсматриваемый періодъ—питомцы этого же университета: большая часть ихъ вышла изъ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, и почти всѣ они прошли чрезъ привагъ-доцентуру.

Въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія составъ преподавателей по кафедрамъ былъ слѣдующій. Богословіе до 1894 г. продолжалъ читать заслуж. проф. В. П. Доброгворскій. Послѣ его смерти кафедра эта перешла къ Т. П. Буткевичу. На историко-филологическомъ факультетѣ по кафедрѣ философіи читали О. А. Зеленогорскій и П. Э. Лейкфельдъ, первый преимущественно исторію философіи и (въ послѣднее время) курсы педагогики, а второй логику, психологію, Платона и Аристотеля. По кафедрѣ классической филологіи въ теченіе всего этого періода состояли Г. О. Шульцъ, Р. П. Шерцъ и Н. В. Нетушинъ, первый—эллинистъ, а два послѣдніе—латинисты (Р. П. Шерцъ, впрочемъ, читалъ и греческихъ авторовъ). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ преподаваніе А. Н. Деревницкій (по греческимъ реаліямъ и исторіи литературы); послѣ перехода его въ Одессу (1893) въ Харьковъ назначенъ прив.-доц. Моск. универ. Я. А. Денисовъ. Кромѣ того, по этой кафедрѣ состоятъ прив.-доц. М. А. Масловъ (лат. яз.), который читаетъ иногда и курсы по педагогикѣ. По сравнительному языковѣднію и санскриту послѣ В. П. Шерця (старшаго) недолго были преподавателями Э. М. Дилленъ (теперь извѣстный англійскій журналистъ) и затѣмъ А. П. Александровъ, перешедшій вскорѣ въ Казань (на каѳ. славянск. филологіи). Въ 1888 г. кафедре занялъ Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Преподаваніе по санскриту въ теченіе послѣднихъ лѣтъ велъ, кромѣ того, прив.-доц. П. Г. Риггертъ. По русскому языку Харьковскій университетъ имѣлъ такого спеціалиста, какъ А. А. Потебня. Послѣ его смерти (1891) предметъ этотъ перешелъ къ М. Е. Халанскому, а исторію русской литературы читали Н. О. Сумцовъ (въ теченіе всего періода) и, кромѣ того, прив.-доц. А. С. Кадлубовскій (въ послѣдніе годы, читалъ курсы спеціальныя). По славянской филологіи преподаваніе велось профессорами М. С. Дриновымъ (въ теченіе всего этого періода) и П. А. Безсоновымъ (умеръ въ 1898 г.) и при нихъ нѣкоторое время—прив.-доцентами Б. М. Ляпу-

новымъ и Н. К. Грунскимъ. Профессоръ всеобщей исторіи М. Н. Петровъ въ 1886 г. вышелъ въ отставку: читавшіеся имъ отдѣлы перешли къ В. П. Бузескуду (греческая и новая исторія) и прив.-доц. В. В. Лапину (Востокъ и Римъ); В. К. Надеръ въ 1891 г. перешелъ въ Одессу и черезъ нѣсколько времени его замѣнилъ А. С. Вязигинъ (по средней исторіи), который съ уходомъ В. В. Лапина (1900) сталъ читать и римскую исторію (исторію Востока недолго читать еще А. Н. Грентъ и въ послѣднее время—В. П. Бузескудъ). По русской исторіи въ теченіе всего разсматриваемаго періода преподавателями были Д. П. Багалъй и П. Н. Будинскій (первый читаетъ исторію до-петровскаго времени, второй—императорскаго періода): кромѣ того, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ были и прив.-доценты—В. И. Савва, Е. П. Трифилевъ, В. Е. Данилевичъ, читавшіе спеціальныя курсы. Церковную исторію все время преподавалъ А. С. Лебедевъ; недавно назначенъ Г. А. Бродовичъ и началъ читать прив.-доц. о. Г. Г. Филевскій. Каѳедру исторіи западно-европ. лит.—послѣ перехода А. П. Кириичникова въ Одессу—занималъ недолгое время Л. З. Колмачевскій; послѣ его смерти преподаваніе перешло къ Л. Ю. Шепелевичу и С. В. Соловьеву. По исторіи и теоріи искусствъ читалъ лекціи нѣкоторое время А. Н. Деревницкій; съ 1893 г. впервые является у насъ спеціальныи преподаватель этого предмета въ лицѣ Н. К. Рѣдина. Лекторами были: по нѣмецк. языку Труартъ, а послѣ него—Г. Ю. Прмеръ; по французскому—преемникъ Мало, С. В. Соловьевъ; англійскій языкъ послѣ Даунса преподавалъ проф. Р. П. Шерцль, пока не былъ избранъ нынѣшній лекторъ Ю. А. Ферберъ, а итальянскій языкъ—проф. П. А. Безсоновъ, затѣмъ лекторъ Лоренцони и, наконецъ, П. Г. Риттеръ.

На физико-математическомъ фак. чистую математику преподавали М. О. Ковальскій (ум. въ 1900 г.), М. А. Тихомандрицкій (съ небольшимъ перерывомъ); затѣмъ В. П. Алексѣевскій, А. П. Пшеборскій, прив.-доц. М. Н. Лагутинскій; въ частности, аналитическую геометрію преподавалъ К. А. Андреевъ (до перехода въ Москву, 1898 г.), послѣ него недолго Л. А. Граве и въ послѣднее время Л. М. Синцовъ, избранный по конкурсу. Каѳедра механики имѣла своими представителями А. М. Ляпунова (до 1902 г., когда онъ избранъ въ Академію Наукъ) и его ученика В. А. Стеклова; по астрономіи профессоромъ былъ Г. В. Левницкій (до перехода въ Юрьевъ въ 1894 г.), послѣ него—Л. О. Сгруге; астрономомъ-наблюдателемъ состоялъ прив.-доц. Н. Н. Евдокимовъ. Физику читалъ А. П. Шимковъ (до перехода его на службу въ министерство земледѣлія, 1899 г.) и, кромѣ того, нѣсколько прив.-доц.: А. К. Погорѣлко (нынѣ городской голова), нѣкоторое время Н. Д. Пиль-

чиковъ, А. П. Грузинцевъ, впоследствии и занявший эту кафедру. Метеорологію долгое время преподавалъ Ю. П. Морозовъ (ум. въ 1900 г.), а послѣ него—недолго—прив.-доц. Косачъ (ум. въ 1903 г.), затѣмъ—Е. А. Роговскій. По химіи Н. Н. Бекетовъ послѣ 1884 г. недолго оставался въ Харьковѣ, такъ какъ избранъ былъ въ академики; неорганическая химія перешла къ П. П. Осипову; органическую преподавалъ Г. П. Лагермаркъ (до оставленія имъ университета въ 1902 г.), а затѣмъ избранъ А. А. Альбицкій. Кромѣ того, химію нѣкоторое время читали А. П. Эльтековъ, прив.-доц. П. Д. Хрущовъ, Д. П. Турбаба и друг. Кафедру технической химіи занималъ Н. Н. Яцуконичъ, а послѣ выхода его въ отставку—В. О. Тимофеевъ, перешедшій въ Кіевскій политехникумъ; въ послѣднее время преподаваніе по этому предмету вели прив.-доц. П. А. Красускій, К. В. Харичковъ, В. А. Дыбскій. По геологіи преемникомъ П. О. Леваковского былъ А. В. Гуровъ; минералогію читали А. С. Бріо (въ теченіе всего періода) и П. П. Пятницкій. Кафедру ботаники послѣ Л. С. Ценковского и А. С. Питры занимали Л. В. Рейнгардъ, читавшій систематику и морфологію, В. П. Паладинъ, по физиологіи растений, бывшій въ Харьковѣ профессоромъ недолго, В. А. Ротергъ (тоже недолго), В. К. Затвеескій и В. М. Арнольдъ (послѣдніе оба избраны по конкурсу); были и прив.-доц. (В. П. Таліевъ, Н. Е. Дорофеевъ, А. А. Потебня). По кафедрѣ зоологіи состоятъ П. Т. Степановъ (въ послѣдніе годы, впрочемъ, лекцій не читавшій), А. О. Брандтъ, А. М. Никольскій, недавно избранный, и прив.-доц. Т. Е. Тимофеевъ; сравнительную анатомію животныхъ преподавалъ В. В. Рейнгардъ, а физиологію одно время В. Я. Данилевскій, потомъ П. Н. Белоусовъ. Агрономію читалъ А. Г. Зайкевичъ, а географію—А. Н. Красновъ; кромѣ того, по антропологіи и этнографіи въ послѣдніе годы читались курсы прив.-доц. А. М. Покровскимъ.

На юридическомъ фак. римское право (преимущественно догму) читалъ Л. Н. Загурскій, а исторію римскаго права—А. Н. Стояновъ, перешедшій на эту кафедру съ кафедры энциклопедіи права, которую онъ было занялъ послѣ упраздненія кафедры исторіи важнѣйшихъ законодательствъ. Въ послѣдніе годы Стояновъ фактически уже не преподавалъ. Этотъ предметъ перешелъ къ С. П. Никонову. Нѣкоторое время римское право преподавалъ также В. Ф. Зелеръ, воспитанникъ Берлинской семинаріи (перешедшій потомъ въ Кіевъ, а оттуда—въ Берлинъ). Кафедру гражданского права занималъ А. П. Загоровскій до 1892 г.; послѣ перехода его въ Одессу временно преподавалъ Л. Н. Загурскій; былъ нѣкоторое время на этой кафедрѣ Л. А. Кассо (перешедшій вскорѣ въ Москву); послѣдніе годы преподаваніе вели проф.

Н. А. Гредескулъ и прив.-доц. Б. В. Поповъ (одинъ читалъ право, другой—судопроизводство). Каѣдра торговаго права все время была вакантна: преподаваніе велось А. П. Загоровскимъ, П. П. Сокальскимъ, затѣмъ П. П. Мигулинымъ и В. П. Катковымъ. Курсы уголовного права читались параллельно представителемъ каѣдры Л. Е. Владиміровымъ и проф. международнаго права В. П. Даневскимъ, который послѣ выхода Л. Е. Владимірова въ отставку и перешелъ формально на каѣдру уголовного права. Послѣ смерти В. П. Даневскаго (1898) преподаваніе велось А. Д. Киселевымъ, затѣмъ, кромѣ него (угол. судопроизводство), М. П. Чубинскимъ (угол. право) и прив.-доц. Л. Я. Тауберомъ. Исторія русскаго права читалась П. П. Дитятинымъ, потомъ П. М. Собѣстіанскимъ (безвременно умершимъ въ 1896 г.), а послѣ него—Н. А. Максимейко. Каѣдру государственнаго права занимать Н. О. Кулиевскій; послѣдніе годы читали, кромѣ того, спеціальныя курсы прив.-доцентами В. М. Устиновъ и А. А. Алексѣевъ. Международное право читалъ В. П. Даневскій; послѣ него и до настоящаго времени (съ нѣкоторымъ перерывомъ)—прив.-доц. В. А. Ястржембскій; кромѣ того, этотъ предметъ преподавали недолго, одинъ за другимъ, М. П. Догель (теперь проф. въ Казани), М. А. Таубе (проф. Петерб. унив.), В. А. Уляницкій (проф. въ Томскѣ). Каѣдру полицейскаго права занимали сначала К. К. Гаттенбергерь, потомъ В. Ф. Левитскій и, наконецъ, А. А. Раевскій; финансоваго права—М. М. Алексѣенко (бывшій долгое время ректоромъ; нынѣ попечитель округа) и послѣ него П. П. Мигулинъ; политической экономіи—Г. М. Цѣхановецкій (умершій въ 1898 г.), П. Н. Миклашевскій (недолго, такъ какъ въ 1901 г. онъ уже скончался) и В. Ф. Левитскій, перешедшій на эту каѣдру (съ каѣдрой полиц. права) послѣ смерти П. Н. Миклашевскаго, и прив.-доц. А. Н. Андриферовъ, который велъ практическія занятія. Статистику читали П. П. Сокальскій; послѣ его смерти (1896 г.)—только-что упомянутый проф. П. Н. Миклашевскій, а потомъ прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, вынужденный вскорѣ прекратить чтеніе лекцій. Каѣдру энциклопедіи и исторіи философіи права занимать К. Н. Ярошъ (до выхода въ отставку въ 1902 г.) и нѣкоторое время—очень недолго—А. Н. Стояновъ послѣ перехода съ упраздненной каѣдры исторіи законодательства. Въ послѣднее время предметъ этотъ читался прив.-доц. А. Н. Фатѣевымъ. Наконецъ, церковное право преподавалъ М. А. Остроумовъ, читавшій, кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ необязательный курсъ логики. Для желающихъ преподавалась судебная медицина (сначала прив.-доц. Э. Ф. Белинымъ, потомъ проф. А. К. Бѣлюсовымъ) и психіатрія (проф. Я. А. Анфимовымъ, прив.-доц. Я. Я. Труговскимъ, прив.-доц.

А. О. Поповымъ]. Слѣдуетъ отмѣтить также, что, кромѣ профессоровъ и прив.-доцентовъ, практическія занятія со студентами-юристами вели также члены судебной палаты г. Крюковъ и г. Тюгрюмовъ и членъ окружнаго суда г. Затворницкій.

На медицинскомъ фак. кафедре анатоміи занималъ П. К. Вагнеръ, а послѣ него М. А. Поповъ и А. К. Бѣлоусовъ; физиологін—П. П. Щелковъ (ректоръ) и затѣмъ В. Я. Данилевскій; гистологін—К. З. Кучинъ и потомъ Н. К. Кульчицкій; медицинской химіи—А. Я. Данилевскій до 1892, когда онъ перешелъ въ военно-медицинскую академію; послѣ него слѣдуютъ одинъ за другимъ: Г. П. Богомоловъ (черезъ нѣсколько лѣтъ умершій), В. С. Гулевичъ, избранный по конкурсу и вскорѣ перешедшій въ Москву, Д. П. Кураевъ (также избранный по конкурсу), Фармакогнозію и фармацію преподавалъ А. Д. Чириковъ, фармакологию Н. Л. Затѣвскій, потомъ—Д. К. Радзевскій, бывшій въ Харьковѣ профессоромъ очень недолго и рано умершій, а послѣ него С. А. Поповъ. Общую патологию одно время читалъ П. Н. Оболенскій, затѣмъ—С. Д. Костюринъ, а послѣдній то лѣтъ—А. В. Репревъ; патологическую анатомію—В. П. Крыловъ и послѣдніе годы П. Ф. Мельниковъ-Разведенковъ, избранный по конкурсу. Кафедру врачебной діагностики послѣ Д. П. Киселева занялъ М. М. Ломиковскій; частную патологию читали П. Н. Оболенскій, затѣмъ А. М. Шилтовъ и А. В. Богдановъ, а въ послѣднее время проф. Георгіевскій (избранъ по конкурсу). Кафедру нервныхъ и душевныхъ болѣзней занималъ П. П. Ковалевскій (до 1894), а послѣ него—Я. А. Анфимовъ и П. Г. Оршанскій. По кожнымъ и сифилигическимъ болѣзнямъ читалъ прив.-доц. Порай-Кошицъ, которому факультетъ желалъ предоставить кафедру; но министерствомъ назначенъ былъ А. Я. Бруевъ, послѣ смерти котораго эта кафедра перешла къ П. Ф. Зеленеву. Терапевтическую факультетскую клинику вели В. Г. Лашкевичъ, а послѣ его смерти—П. Н. Оболенскій и, наконецъ, О. М. Оленховскій; терапевтическую госпитальную клинику—А. Х. Кузнецовъ и О. М. Оленховскій. Кафедру оперативной хирургіи занималъ А. П. Дудкаловъ, одно время—С. Н. Делицынъ (перешедшій въ военно-медиц. акад.) и, наконецъ, Ю. Р. Пенскій; по этой кафедрѣ читалъ нѣкоторое время и П. П. Морозовъ (перешедшій потомъ въ Кіевъ). По хирургической патологін быстро мѣнялись профессора: М. С. Субботинъ (перешедшій вскорѣ въ военно-медиц. акад.), А. Г. Подрезъ, Л. В. Орловъ, Н. А. Соколовъ, избранный по конкурсу (всѣ трое перешли на другія кафедры), А. В. Маргыновъ (теперь уже перешедшій въ Москву). Хирургическую факультетскую клинику продолжалъ вести В. О. Грубе до самой своей смерти (1898); на его

мѣсто назначенъ Л. В. Орловъ, проф. хирургической патологіи. Хирургическую госпитальную клинику велъ П. К. Зарубинъ до 1894 г., когда онъ вышелъ въ отставку; его преемникомъ былъ А. Г. Подрезъ, послѣ смерти котораго назначенъ Н. А. Соколовъ. Каѣдру офтальмологіи продолжалъ занимать Л. Л. Гиришманъ; кромѣ того, по этой каѣдрѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ состоялъ проф. П. Н. Барабашевъ. Акушерство и женскія болѣзни послѣ П. П. Лазаревича почти въ теченіе всего разсмагиваемаго періода читалъ Н. Ф. Толочиновъ, который велъ и клинику до послѣдняго времени; его преемникомъ избранъ П. В. Михинъ. Кромѣ того, по этой каѣдрѣ были проф. П. А. Ясинскій и проф. Н. Л. Гавронскій (сверхштатный). Каѣдру дѣтскихъ болѣзней занимать М. Л. Пономаревъ, а въ послѣднее время П. В. Троицкій (избранъ по конкурсу); судебной медицины—В. К. Аврепъ и послѣ него О. А. Патенко; гігіены—П. П. Скворцовъ. Каѣдра исторіи медицины оставалась вакантною (въ 1887-8 г. временно В. П. Крыловъ читалъ по этой каѣдрѣ). Что касается приватъ-доцентовъ медиц. фак., то ихъ было много, и мы тутъ отмѣнимъ только тѣхъ изъ нихъ, которые читали или обязательные курсы, замѣняя временно профессора, или общіе параллельные, или вообще преподавали въ теченіе многихъ лѣтъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ получили каѣдры въ другихъ университетахъ. Таковы прив.-доц.: Н. П. Васильевъ (по медиц. химіи), П. А. Чувевскій (по физиологіи), А. М. Черевковъ (тоже), В. А. Павловъ (по гистологіи), В. К. Высоковичъ (общая патологія; теперь проф. въ Кіевѣ), М. П. Свѣтухинъ (по діагностикѣ), В. Ф. Воскресенскій (по операт. хирургіи), М. М. Кузнецовъ (хирургъ, теперь проф. въ Варшавѣ), Н. П. Тринклеръ (тоже хирургъ, теперь проф. въ Харьковѣ), Н. Н. Филипповъ (хирургъ), П. П. Прокопенко (окулистъ), О. П. Браунштейнъ (тоже), Л. Г. Бергъ, П. М. Кошакчи, П. А. Баранниковъ (все трое—по дѣтскимъ болѣзнямъ), Э. Ф. Беллинъ (суд. мед.), П. Н. Лашенковъ (по гігіенѣ; теперь проф. въ Томскѣ) и друг. Ботанику медикамъ читалъ прив.-доц. В. П. Таліевъ.

Въ распредѣленіе наукъ по факультетамъ и каѣдрамъ уставъ 1884 г. внесъ сравнительно немного измѣненій. На историко-филологическомъ факультетѣ прежде отдѣльныя каѣдры греческой и римской словесности соединены были въ одну—классической филологіи; учреждена была новая каѣдра—географіи и этнографіи, которая въ 1888 г. съ историко-филологическаго факультета перенесена на физико-математическій. На послѣднемъ физическая географія соединена въ одну каѣдру съ физикой, а геогнозія и палеонтологія—съ минералогіей (подъ именемъ минералогіи и геологіи). Когда на этотъ факультетъ

была перенесена кафедра географіи, Харьковскій университетъ ходатайствовалъ о причисленіи физической географіи къ кафедрѣ географіи (съ тѣмъ, чтобы метеорологія оставлена была при кафедрѣ физики). На юридическомъ факультетѣ упразднены кафедры исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ и исторіи славянскихъ законодательствъ, зато учреждена кафедра торговаго права и торговаго судопроизводства. На медицинскомъ фак. нѣкоторые предметы выдѣлены въ самостоятельныя кафедры, именно: ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, ученіе о кожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, офтальмологія съ клинкою, гігіена; вмѣсто одной кафедры теоретической хирургіи установлено двѣ: оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и хирургической патологіи съ десмургіей; учреждена новая кафедра исторіи и энциклопедіи медицины, остававшаяся въ Харьковскомъ университетѣ, впрочемъ, въ теченіе всего этого періода, какъ мы видѣли, не занятаю. Въ 1891 г. Харьковскимъ университетомъ возбуждено было ходатайство объ учрежденіи особой кафедры дѣтскихъ болѣзней, съ отдѣленіемъ ея отъ кафедры акушерства, что и было разрѣшено (въ 1892 году).

Зато учебные планы и экзаменныя требованія 1885 г. отмѣнили существовавшія до того на историко-филологическомъ фак. три отдѣленія (классическое, историческое и славяно-русское) и выдвинули на первое мѣсто классическую филологію, какъ обязательный и основной предметъ для всѣхъ студентовъ этого факультета, безъ различія спеціальности, т. е. какъ для исторической группы, такъ и для славяно-русской, и тѣмъ на время лишили историко-филологическій факультетъ его прежняго общеобразовательнаго характера. Уже тогда факультетъ высказывался за образованіе особой группы классической филологіи, но министерство не позволяло «ни въ какомъ случаѣ» возобновлять вышеупомянутое дѣленіе. Въ 1889 г. три отдѣленія были восстановлены самимъ министерствомъ. Въ 1901 г. историко-филологическій факультетъ, въ виду предложенной тогда реформы средней школы, иля на встрѣчу потребности въ хорошо подготовленныхъ преподавателяхъ новыхъ языковъ и въ интересахъ полноты факультетскаго преподаванія, выработалъ подробный планъ романо-германскаго отдѣленія и ходатайствовалъ объ его учрежденіи. Насколько ощущалась потребность въ такомъ отдѣленіи, показываетъ фактъ, что одновременно, но совершенно независимо, съ подобнымъ же ходатайствомъ обратился въ министерство и историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго университета. Но ходатайство не имѣло результата. Что касается физико-математическаго факультета, то на немъ было упразднено физико-химическое

отдѣленіе. Еще нѣсколько дѣтъ тому назадъ Харьковскій университетъ ходатайствовалъ о его возстановленіи, но безуспѣшно.

По нѣкоторымъ кафедрѣмъ, хотя онѣ существовали и раньше, преподаваніе въ Харьковскомъ университетѣ стало вестись лишь въ разсматриваемый періодъ, напр. по исторіи и теоріи искусствъ (съ 1889 г.; особый преподаватель по этой кафедрѣ—съ 1893 г.) и церковному праву (съ 1887 г.).

Повидимому, уставъ 1884 г. проводилъ принципъ «свободы слушанія и преподаванія». Но эта свобода оказывалась номинальною. Во 1-хъ, существовали *обязательные* учебные планы. Какъ было упомянуто¹⁾, Харьковскій университетъ въ 1885 г. выработалъ учебные планы, но министръ не призналъ возможнымъ утвердить ихъ и препроводилъ составленные въ министерствѣ примѣрные учебные планы съ тѣмъ, чтобы начальство Харьковского университета, примѣнивъ ихъ въ первое полугодіе 1885/6 г., представило въ министерство тѣ измѣненія, какія подлежащій факультетъ признаетъ нужнымъ въ нихъ сдѣлать, или вновь составленные каждымъ факультетомъ учебные планы. Препровождены были также правила объ испытаніяхъ и зачетѣ полугодій и «экзаменныя требованія».

Въ этихъ «экзаменныхъ требованіяхъ» 3-го августа 1885 г.²⁾ не только излагались основные пункты программы, но давались и руководящія указанія. «Основаніемъ филологическаго образованія» поставлены оба классическіе языка; всѣ остальные предметы тутъ являются лишь дополнительными (впрочемъ, съ 1889 г., какъ мы видѣли, это нѣсколько измѣнилось). На юридическомъ факультетѣ на первый планъ выдвинуто римское право (вспомнимъ, что въ 1886 г. при Берлинскомъ университетѣ учреждена была даже семинарія для русскихъ молодыхъ ученыхъ, изучающихъ римское право). Мало того: предварительныя замѣчанія къ нѣкоторымъ экзаменнымъ требованіямъ напередъ опредѣляли, въ какомъ духѣ и направленіи читать курсы. Въ особенности характерны замѣчанія по юридическому факультету, и мы приведемъ изъ нихъ выдержки, чтобы освѣтить тогдашнее полюженіе преподавателей и науки въ университетѣ. Въ началѣ тутъ заявлялось, что экзаменныя требованія ограничиваются общими указаніями, «не впадаясь въ подробныя и систематическія программы, которыя могли бы стѣснить безъ надобности преподавателей и лишить ихъ столь дорогой въ дѣлѣ науки самостоятельности въ разработкѣ и изложеніи ея матеріала». Но «требуется, главнымъ образомъ, опредѣлить съ нѣкоторою подробностію, по отно-

1) См. 1-ю главу, стр. 16.

2) Они напечатаны, между проч., въ «циркуляхъ» по округу.

шенію къ преподавателямъ и слушателямъ, направленіе и характеръ обязательныхъ для студента факультетскихъ занятій». Юридическій факультетъ долженъ обладать предметомъ, «столь же всеобщимъ и обязательнымъ для всякаго просвѣщеннаго юриста», «какъ математика для математиковъ, древніе языки съ ихъ дисциплинами для филологовъ и проч.». Такимъ предметомъ не можетъ быть, напр., философія права. Слѣдуетъ пространная критика «философовъ», «именующихъ себя позитивными», и другихъ «всеобщихъ теоретиковъ и доктринеровъ». «Вмѣсто разныхъ доктринъ и теорій, претендующихъ на всеобщее значеніе и именующихъ себя философскими», рекомендуется руководствоваться «логикой здраваго смысла, рѣшенія коготорой столь же обязательны, какъ и очевидность факта. Чтѣ не выдерживаетъ ея окончательнаго суда, то не можетъ быть не только понимаемо, но и терпимо ни въ какомъ дѣлѣ. Испытательныя коммисіи будутъ отъ испытуемыхъ прежде всего требовать, при положительномъ знаніи, доказательствъ здравомыслія въ сужденіяхъ о предметахъ, входящихъ въ кругъ ихъ изученія». Соединяющая умы въ положительномъ знаніи наука должна имѣть опредѣленный и данный въ дѣйствительности предметъ. Такимъ предметомъ является римское право. Слѣдуютъ доказательства важнаго значенія римскаго права. По поводу же государственнаго права дѣлаются такія, напр., замѣчанія: «Верховная власть есть принципъ государственнаго права... Раскрытіе существа ея въ данномъ государствѣ есть истинный предметъ науки о государствѣ, которая, нуждаясь въ достойномъ предметѣ, нерѣдко ищетъ его въ чужихъ, не помнящихъ объема своего примѣненія абстракціяхъ, въ произвольныхъ разсужденіяхъ и въ порожденных недомыслиемъ гипотезахъ, выдаваемыхъ за философію. У нѣмцевъ есть изобиліе философскихъ ученій; у французовъ, англичанъ и другихъ народовъ есть также свои воззрѣнія на міръ. Почему бы не взглянуть на міръ и съ точки зрѣнія русскаго народа? Вмѣсто абстракціи всеобщаго государственнаго права, почему бы въ наукѣ русскаго государственнаго права, которая обрѣкаетъ себя на перечень департаментовъ и канцелярій, не представить въ доказательномъ, достойномъ предмета и оживленномъ мыслію ученіи существо русскаго монархическаго начала? Вотъ философія не фиктивная, но дѣйствительная, выходящая изъ самой реальности предмета. Русская монархія есть нѣчто *sui generis* и можетъ быть изучаема лишь въ своей индивидуальности», и т. д.—Вообще «испытательныя коммисіи будутъ руководствоваться правиломъ *non multa, sed multum*. Голословныя характеристики и бездоказательныя положенія не будутъ имѣть никакой цѣны при испытаніяхъ... Иные думаютъ, что теоріями можно предохранить

молодые умы отъ увлеченій. Большая ошибка! Обобщенія навязанныя, и притомъ преждевременно, оставляютъ въ умѣ легковѣсныя представленія, которыя безъ труда приводятся въ произвольныя сочетанія и порождяють мнѣніе, что такъ же легко можно обращаться и съ самыми предметами. Университетъ долженъ давать государству не верхоглядство, не фанатиковъ чужой мысли, но умы дѣльные, зрячіе, дѣйствительно знающіе и проникнутые чувствомъ реальности властвующихъ въ нравственномъ мірѣ силъ»... Далѣе опять слѣдуетъ полемика противъ «позитивныхъ философовъ», «создающихъ свою метафизику изъ біологическихъ абстракцій и мнящихъ, что достигаютъ положительнаго знанія посредствомъ всерѣшающихъ словъ... Юридической наукѣ не приходится, бросивъ свой предметъ, пускаться безъ руля и компаса отыскивать начало своего начала, и притомъ предъ слушателями, которые стеклись для пріобрѣтенія знанія, а не для слушанія безсмысленныхъ обрывковъ разныхъ мнѣній и произвольныхъ, не выдерживающихъ критики здраваго смысла, разсужденій».

Самый порядокъ составленія обзорѣнія преподаванія и распредѣленія лекцій былъ точно регламентированъ. Университетъ самъ не имѣлъ права ихъ составить и утвердить: составленные факультетами, на основаніи рапортовъ преподавателей о предполагаемыхъ ими чтеніяхъ и практическихъ занятіяхъ, проекты обзорѣнія преподаванія по семестрамъ съ распредѣленіемъ лекцій по днямъ и часамъ, по разсмотрѣніи ихъ совѣтомъ, должны были представляться на утвержденіе въ министерство. При этомъ, въ силу особаго распоряженія, должны были пренриводиться каждый разъ и полминные рапорты преподавателей. Разъ обзорѣніе и распредѣленіе были утверждены, какія-либо измѣненія въ нихъ, хотя бы они состояли только въ перенесеніи лекціи съ одного дня или часа на другой, по правиламъ могли быть дѣлаемы лишь съ разрѣшенія министерства. А такого рода измѣненія часто вызывались необходимостью (напр. недостаткомъ свободныхъ аудиторій, совпаденіемъ съ другими лекціями, перемѣнами въ преподавательскомъ персоналѣ и проч.) или интересами преподаванія и студентовъ. Случалось нерѣдко, что, пока дѣло о перенесеніи какой-либо лекціи съ одного дня или часа на другой проходило всѣ инстанціи, вплоть до министерства, и получалось надлежащее разрѣшеніе, семестръ приближался къ концу. Поэтому вскорѣ попечителю округа предоставлено было «въ особо уважительныхъ случаяхъ» разрѣшать подобныя измѣненія (съ донесеніемъ объ этомъ министерству), но потомъ опять подтверждено, что для всякаго рода измѣненій въ обзорѣніи преподаванія необходимо разрѣшеніе министерства. Не разъ утвержденіе обзорѣнія преподаванія и распредѣленія лекцій по

тому или иному факультету сопровождалось замѣчаніями со стороны министерства, причемъ случалось, что замѣчанія эти вызывались со-
блюденіемъ со стороны факультета указаній, сдѣланныхъ въ предше-
ствующіе годы.

Установленіе обязательной для профессоровъ 6-часовой нормы—
съ одной стороны и примѣрные планы, обязательность гонорара (отъ
котораго отдѣльный профессоръ не имѣетъ права отказываться)—съ
другой давали поводъ къ недоумѣніямъ и вызывали затрудненія, осо-
бенно на первыхъ порахъ: интересы преподаванія, требовавіе иногда
увеличенія числа лекцій, приходили въ столкновение съ матеріальными
интересами студентовъ, такъ какъ увеличеніе числа лекцій влекло за
собою увеличеніе гонорара. Между прочимъ, юридическій факультетъ
дѣлалъ неоднократно попытки выйти изъ такихъ затрудненій. Еще
въ декабрѣ 1885 г. онъ возбуждалъ вопросъ, «не слѣдовало ли бы
дозволить профессору, если онъ будетъ убѣжденъ опыгомъ въ недо-
статочности числа часовъ по примѣрному плану для полноты препода-
ванія, назначить добавочные часы, за которые студенты не должны
быть привлекаемы къ уплатѣ гонорара?» и въ октябрѣ слѣдующаго
года снова говоритъ о томъ, что онъ, факультетъ, въ попыткахъ
усилить преподаваніе по отдѣльнымъ предметамъ былъ затрудненъ
нормами примѣрнаго учебнаго плана и размѣромъ платы за слушаніе
лекцій.

Съ 1884 г. практическія занятія, существовавшія въ Харьковскомъ
университетѣ и раньше, притомъ не только на медицинскомъ, но и
на другихъ факультетахъ¹⁾, пріобрѣли особенно видное мѣсто въ сис-
темѣ преподаванія: они получили большое развитіе и сдѣлались однимъ
изъ главныхъ средствъ усвоенія изучаемыхъ предметовъ и знакомства
съ методами и пріемами изслѣдованія. Самый уставъ и правила имѣли
въ виду развитіе эти занятія, при чемъ преслѣдовались однако не
однѣ научныя цѣли: министерство видѣло въ нихъ одно изъ средствъ
борьбы съ студенческими движеніями и безпорядками. По поводу без-
порядковъ 1887 г. министръ напоминалъ, что «при устроеніи универ-
ситетскаго быта на основаніи устава 1884 г. министерство народного
просвѣщенія руководилось тѣмъ убѣжденіемъ, что между преподавателями
университетовъ и студентами должна существовать крѣпкая нравственная
связь и постоянное общеніе. Съ этою цѣлью въ уставѣ и въ сдѣланныхъ
министерствомъ въ развитіе его распоряженіяхъ были приняты особыя
мѣры для возможнаго расширенія практическихъ занятій, ставящихъ

1) См. предыдущій періодъ.

учащихъ и учащихся въ ближайшее взаимное соприкосновеніе, и введены совѣщательные часы, дающіе возможность студентамъ обращаться съ своими недоумѣніями и вопросами къ преподавателю». Если цѣль эта не была достигнута, то, кромѣ общихъ причинъ, тутъ вліяли и условія университетскаго строя, созданныя уставомъ 1884 г., въ силу коихъ университетскіе преподаватели стояли какъ бы въ сторонѣ отъ того, что происходитъ въ университетѣ, и нерѣдко оставались въ невѣдѣніи или узнавали слишкомъ поздно о томъ, какъ и изъ-за чего возникли волненія и какія мѣры приняты къ прекращенію ихъ. Кромѣ того, преподаватели на практическихъ занятіяхъ, посвященныхъ чисто научнымъ вопросамъ, напр. изъ области математики или медицины, не считали возможнымъ касаться вопросовъ не научнаго характера или политики. При преемникѣ гр. П. Д. Делянова, Н. П. Боголѣбовѣ, на практическія занятія было обращено еще большее вниманіе. Послѣ безпорядковъ 1899 г. изданъ былъ циркуляръ объ ихъ широкой организаціи (21 іюля 1899), какъ средствъ общенія между профессорами и студентами; на организацію этихъ занятій по историко-филологическому и юридическому факультетамъ ежегодно ассигновывалось съ тѣхъ поръ Харьковскому университету 3500 р. (изъ нихъ 1000 р. на долю первого и 2500 на долю второго).

Въ предыдущіе періоды въ Харьковскомъ университетѣ нерѣдко читались спеціальныя курсы; на нѣкоторыхъ факультетахъ они даже иногда преобладали, такъ-что такъ назыв. общіе курсы составляли скорѣе исключеніе. Но они болѣею частью носили обязательный характеръ. Съ 1884 г. въ Харьковскомъ университетѣ развиваются курсы необязательныя, читаемыя для желающихъ преимущественно привагъ-доцентами. Однако дальнѣйшему всестороннему развитію какъ практическихъ занятій, такъ и необязательныхъ, спеціальныхъ, курсовъ въ Харьковскомъ университетѣ, кромѣ другихъ причинъ, препятствіемъ служила недостаточность помѣщеній и средствъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія.

Дѣленіе на курсы было замѣнено дѣленіемъ на семестры (первое время послѣ обнародованія устава 1884 г. даже запрещалось употреблять наименованіе «курсы» въ официальныхъ бумагахъ); переходные экзамены уничтожены (за исключеніемъ медицинскаго факультета); въ университетѣ существовали лишь испытанія состязательныя для получения стипендій и повѣрочныя для зачета полугодія. Но съ 1889 г. и тутъ замѣтенъ поворотъ къ прежнему порядку: въ видахъ установленія большаго контроля надъ занятіями студентовъ, введены обязательныя полукурсовыя испытанія, раздѣленные на двѣ части (на 2-мъ и 4-мъ семестрѣ),

г. е. восстановлены, въ сущности, прежніе переходные экзамены (за исключеніемъ 6-го семестра [= 3-му курсу], на которомъ экзамены введены потомъ, да и то на одномъ юридическомъ факультетѣ). Тогда же послѣдовало раздѣленіе преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ на общія и спеціальныя занятія по семестрамъ и на послѣднихъ 4 семестрахъ введены три спеціальныя группы—классическая, историческая и словесная, а крайности классическаго направленія смягчены. Такимъ образомъ восстановлено подраздѣленіе историко-филологическаго факультета на 3 отдѣленія, что соотвѣтствовало, какъ мы видѣли, и желанію университета, высказанному еще въ 1885 г. Факультеты—сначала историко-филологическій, затѣмъ и физико-математическій и юридическій,—согласно предложенію министра о раздѣленіи полукурсовыхъ испытаній на двѣ части, выработали проекты полукурсовыхъ испытаній и учебныхъ плановъ.

Тотъ же 1889 годъ былъ первымъ годомъ дѣйствій испытательныхъ комиссій (кроме медицинской) для производства экзамена лицамъ, получившимъ выпускныя свидѣтельства. Предсѣдателями этихъ комиссій были проф. П. В. Помяловскій (истор.-фил.), бывший проф. Харьковскаго университета акад. В. Г. Пашенецкій (физ.-матем.) и проф. П. П. Циговичъ (юридич., тоже одно время бывший преподавателемъ Харьковскаго университета); членами же и экзаменаторами были профессора и приватъ-доценты университета. Комиссіи дѣйствовали въ два періода, весною и осенью, и первые опыты экзаменовъ въ комиссіяхъ, благодаря мягкости и снисходительности требований, прошли безъ особыхъ затрудненій или недоразумѣній. Опытъ двухъ лѣтъ однако выяснилъ серьезныя неудобства производства экзаменовъ въ два періода, весною и осенью; поэтому въ 1890 г. осеннія комиссіи были отмѣнены, и на будущее время экзамены въ историко-филологической, физико-математической и юридической комиссіяхъ должны были происходить только въ маѣ¹⁾.

Какъ вліяли эти нововведенія на успѣшность занятій, объ этомъ свидѣлствуетъ «отвѣтъ совѣта» Харьковскаго университета на 13-й вопросъ (одинъ изъ числа тѣхъ, которые предложены были министерствомъ въ 1901 г.). «Государственные экзамены, введенные уставомъ 1884 г.», говорится здѣсь (стр. 88 сл.), «оказались самымъ неблагоприятнымъ образомъ на общемъ ходѣ университетской жизни. По идее устава, экзамены эти должны были происходить въ особыхъ комиссіяхъ,

¹⁾ Лишь по отношенію къ юридической комиссіи 1891 г. сдѣлано исключеніе въ виду большого числа лицъ, подлежащихъ испытанію, и ея дѣйствія продлены на осень.

подъ председательствомъ лица, назначаемого каждыи разъ министромъ, причемъ коммисіи эти были поставлены какъ бы вѣн университета, такъ какъ экзаменаторами въ нихъ назначались лица по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, причемъ лица эти должны были производить экзамены по программамъ, составленнымъ для этой цѣли въ министерствѣ... Опытъ перваго же года этихъ экзаменовъ показалъ, что отдѣлиль ихъ отъ университетовъ, при настоящемъ положеніи ученыхъ силъ въ Россіи, нельзя. Экзаменаторами оказались тѣ же профессора, которые экзаменовали и прежде, но только нѣкоторые изъ нихъ стали называться «членами экзаменаціонныхъ коммисій», а другіе—просто «экзаменаторами»: профессора начали получать особое вознагражденіе за производство государственныхъ экзаменовъ, а председателями назначались по большей части профессора другихъ университетовъ, или вообще лица, состоящіе на службѣ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ,—бывшіе профессора, состоящіе нынѣ на службѣ въ другихъ вѣдомствахъ... Опытъ первыхъ годовъ введенія такъ называемыхъ «зачетовъ полугодій», а также обязанности студентовъ подвергаться экзамену по всѣмъ предметамъ въ одинъ экзаменаціонный срокъ показалъ все неудобство этихъ мѣръ. «Зачетъ полугодій», въ особенности на многолюдныхъ курсахъ и въ многолюдныхъ университетахъ, превратился въ пустую формальность и по большей части не производился совсѣмъ, такъ какъ преподаватели не могли очень скоро не разочароваться въ этомъ способѣ удостовѣренія студенческихъ знаній, отнимавшемъ у нихъ массу времени изъ назначеннаго для чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій; студенты же относились къ этимъ зачетамъ прямо недоброжелательно, видя въ нихъ изнѣчивую формальность, подвергаться которой, въ виду предстоящихъ государственныхъ экзаменовъ, производимыхъ тѣми же профессорами, имъ, конечно, не хотѣлось... Вскорѣ обнаружилась также неудобства производства экзаменовъ по всѣмъ предметамъ одновременно, т. е. въ одинъ экзаменаціонный періодъ, по историко-филологическому, юридическому и физико-математическому факультетамъ и въ два—по медицинскому. Это неудобство выразилось прежде всего въ значительномъ пониженіи уровня знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ сравнительно съ уровнемъ, обнаруживаемымъ ими во время бывшихъ университетскихъ экзаменовъ, производившихся постепенно, изъ года въ годъ, по мѣрѣ прохожденія курса. Оказалось, что студенты очень мало занимались для «зачетовъ полугодій» и начинали заниматься только передъ самымъ экзаменомъ и, въ лучшихъ случаяхъ,—въ продолженіе 7-го и 8-го семестровъ. Пониженіе уровня не только знаній студентовъ на государ-

ственных экзаменахъ, не только ихъ развитія, но и общаго уровня научныхъ требованій отъ нихъ вызвано было еще и другой причиной, зависящей отъ системы государственныхъ экзаменовъ. Для этихъ послѣднихъ были выработаны особыя программы, которыя сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и программами преподаванія... Эти программы вызвали къ жизни цѣлую литературу учебниковъ, конспектовъ и тому подобныхъ пособій, въ которыхъ наука излагалась «примѣнительно къ экзаменаціоннымъ требованіямъ». Интересъ къ слушанію лекцій у студентовъ почти исчезъ: да и какой, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть интересъ въ слушаніи лекцій, излагаемыхъ примѣнительно къ разъ навсегда составленной программѣ, когда имѣлись конспекты, даже цѣлые курсы, изложенные «примѣнительно» къ этимъ же программамъ, съ помощью которыхъ можно было выдержать совершенно удовлетворительно государственный экзаменъ. Въ большой мѣрѣ понизился также интересъ чтенія лекцій и у профессоровъ. Они лишены были права, благодаря этимъ программамъ, излагать науку въ той системѣ, какую они себѣ выработали сами; они лишились возможности дѣлиться со своими слушателями тѣми научными работами, которыя производили или изучали въ данное время, — и тѣмъ самымъ стѣсна, поставленная уставомъ 1884 года между преподавательскимъ персоналомъ и учащимися, росла все больше и больше... Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что министерскія программы, хотя и признанныя обязательными для профессоровъ, фактически въ очень большомъ числѣ случаевъ не выполнялись, тѣмъ болѣе, что слова «читать лекціи примѣнительно къ министерскимъ программамъ» давали законный поводъ къ весьма существеннымъ уклоненіямъ отъ нихъ; министерство вполне примирилось съ этимъ фактомъ, потребовавъ лишь, чтобы профессора, черезъ декановъ, сообщали председателямъ экзаменаціонныхъ комиссій о тѣхъ отступленіяхъ, которыя ими были допущены въ изложеніи предметовъ. Но сами председатели экзаменаціонныхъ комиссій, въ качествѣ профессоровъ, сознавали неудовлетворительность и устарѣлость программъ и во время экзаменовъ совершенно спокойно выслушивали тѣ отвѣты, которые давали студенты не по министерской программѣ, а по программѣ профессора-экзаменатора, своевременно утвержденной министерствомъ въ видѣ обязательно представляемаго каждымъ профессоромъ въ началѣ семестра обзорнѣя преподаванія. Такимъ образомъ, государственные экзамены превратились въ самые обыкновенные университетскіе экзамены, но только съ пониженными специально «экзаменаціонными» требованіями и съ присланнымъ со стороны председателемъ, не имѣвшимъ никакого вліянія ни на ходъ преподаванія въ университетѣ, ни на поднятіе уровня знаній студентовъ

во время экзаменовъ. Предсѣдатель видѣлъ послѣднихъ только во время экзаменовъ, не былъ знакомъ ни съ характеромъ, ни съ индивидуальными качествами каждаго изъ нихъ и, какъ лицо постороннее данному университету, заботился лишь о томъ, чтобы экзамены проходили безъ всякихъ инцидентовъ. Молодые люди, «коимъ зачтено было 8 полугодій», очень часто подносили предсѣдателямъ благодарственные адреса за ихъ серьезное отношеніе, сказавшееся въ весьма значительномъ процентѣ лицъ, оканчивавшихъ курсъ съ дипломомъ 1-й степени, но... съ очень низкимъ уровнемъ знаний. Само министерство видѣло, что дѣло не стоитъ такъ хорошо, какъ это казалось съ перваго взгляда. Мало-помалу были восстановлены бывшіе прежде университетскіе экзамены, подъ названіемъ полукурсовыхъ, а безъ нихъ студентовъ не допускали къ государственнымъ экзаменамъ; при этомъ студенты освобождались отъ экзаменовъ въ государственныхъ комиссіяхъ по тѣмъ предметамъ, для которыхъ устанавлены были полукурсовые. На юридическомъ, напр., факультетѣ полукурсовые экзамены производятся въ настоящее время¹⁾ по всѣмъ предметамъ, читаемымъ на 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ курсахъ, а государственные — только по предметамъ, читаемымъ на 4-мъ курсѣ (гражданское и торговое право и судопроизводство, международное право, уголовное право и судопроизводство) и по римскому праву! Это привело къ раздѣленію предметовъ университетскаго преподаванія на главные и второстепенные, при чемъ главными въ глазахъ студентовъ оказались тѣ, по которымъ удержаны были государственные экзамены, а второстепенными тѣ, по которымъ устанавлены были полукурсовые. Этотъ крайне вредный для всего хода университетскаго преподаванія взглядъ находилъ себѣ, однако, подтвержденіе въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ министерства. Такъ, одно время было устанавлено, что студенты имѣютъ право представлять въ экзаменаціонныя комиссіи сочиненія только по «главнымъ» предметамъ, т. е. по тѣмъ, экзаменъ по которымъ производится въ государственныхъ комиссіяхъ. Правда, распоряженіе это было вскорѣ, по ходатайству факультетовъ, отмѣнено, но самый фактъ его появленія не могъ не оказать своего вліянія. Студенты, кромѣ того, не могли не придавать значенія тому обстоятельству, что профессора однихъ предметовъ производятся одинъ разъ въ году въ члены экзаменаціонныхъ комиссій; что за свое участіе въ нихъ они получаютъ особое вознагражденіе, — тогда какъ профессора другихъ предметовъ, по которымъ экзамены производятся въ концѣ каждаго учебнаго года, не имѣютъ ни особаго такого званія, ни осо-

¹⁾ Напомнимъ, что это писалось въ 1901 г.

баго вознагражденія за свой трудъ, хотя онъ бываесть гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ у ихъ товарищей по преподаванію—членовъ экзаменационныхъ комиссій, просто потому, что число экзаменующихся на первыхъ курсахъ всегда больше экзаменующихся въ государственныхъ комиссіяхъ. Но дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные имѣло своимъ послѣдствіемъ еще и пониженіе интереса студентовъ къ болѣе спеціальному изученію «второстепенныхъ» предметовъ, къ числу которыхъ, напр., на юридическомъ факультетѣ относятся такія важныя дисциплины, какъ государственное право, исторія философіи права, политическая экономія и статистика, финансовое и полицейское право, церковное право и проч....».

Хроническимъ недугомъ Харьковскаго университета, весьма затруднявшимъ при преподаваніи, была, какъ извѣстно, крайняя, «вопіющая» тѣснота помѣщеній. Еще до дѣтъ тому назадъ совѣтъ изыскивалъ средства для расширенія университетскихъ помѣщеній: неоднократно представлялись докладныя записки, ходатайства и т. д., и только въ разсматриваемый періодъ въ этомъ отношеніи наступило значительное улучшеніе. Прежде всего настоятельная нужда сказывалась въ двухъ зданіяхъ: 1) для кабинетовъ и лабораторій медицинскаго факультета и 2) для клиникъ. Эта насущная необходимость была, наконецъ, удовлетворена.

Въ 1884 г. извѣстный общественный дѣятель П. Г. Харитоненко пожертвовалъ для потребностей университета трехъэтажное зданіе, предназначавшееся имъ первоначально для устройства студенческаго общежитія, и 50000 р. съ тѣмъ, чтобы изъ суммъ государственнаго казначейства ежегодно выдавалось по 6000 р. на содержаніе при Харьковскомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ (1 имени императора Александра II, 1 имени императора Александра III и 18 имени жертвователя). Высочайше разрѣшено было принять это пожертвованіе, и такимъ образомъ Харьковскій университетъ приобрѣлъ помѣщеніе, въ которое перенесена была большая часть учрежденій медицинскаго факультета. А въ 1886 г. приступлено было къ постройкѣ отдѣльнаго зданія для анатомическаго театра, на что Высочайше разрѣшенъ былъ кредитъ въ 83963 р. 80 к. Въ 1887 г. утверждено «Положеніе о клиническихъ отдѣленіяхъ Императорскаго Харьковскаго университета при Харьковскомъ военномъ госпиталѣ». Въ одномъ изъ отдѣленій этого госпиталя, предназначенномъ для преподаванія діагностики, устроена пропедевтическая терапевтическая клиника, съ 2 палатами, и учреждена должность сверхштатнаго ассистента по кафедрѣ врачебной діагностики (съ содержаніемъ изъ спеціальныхъ средствъ).

Еще важнѣе для Харьковскаго университета была постройка клиникъ. Вспомнимъ, что до того харьковскія клиники, собственно говоря, не имѣли специально предназначеннаго для этой цѣли помѣщенія: онѣ ютились то въ небольшомъ флигелѣ во дворѣ стараго университета (съ 1814 г.), то въ приобрѣтенномъ у частнаго лица деревянномъ строеніи, весною заливаемомъ водою (съ 1819), то, наконецъ, въ помѣщеніи, которое прежде служило частью квартирой ректора и его помощника, частью типографіей (съ 1829 г.). Акушерская клиника впоследствии (1867) была выведена изъ университетскаго зданія и устраивалась въ частныхъ наемныхъ домахъ, равно какъ и глазная (съ 1871 года). Въ какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ находились клиники, видно, напр., изъ извѣстнаго¹⁾ указанія отчета за 1880 г. на то, что одною изъ причинъ значительной смертности въ хирургической клиникѣ является помѣщеніе этой послѣдней, перестающее удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ гигиены. Университетъ хлопоталъ объ улучшеніи клиникъ; проектировалось то расширить и надстроить ихъ, то приобрѣсти новыя зданія и т. под. Но недоставало денежныхъ средствъ²⁾. Во время посѣщенія находившихся въ университетской клиникѣ раненыхъ при крушеніи императорскаго поѣзда близъ Борокъ (17 окт. 1888 г.) императоръ Александръ III лично видѣлъ, какъ неудовлетворительны помѣщенія этого столь важнаго университетскаго учрежденія. 7 июня 1890 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе доклада министра народнаго просвѣщенія, объ отпускѣ на улучшение и расширеніе учебно-вспомогательныхъ учреждений шести университетовъ 1500000 р., изъ коихъ на долю Харьковскаго университета предоставлялось 400000 р., т. е. болѣе четверти всей суммы (хотя по первоначально составленному проекту новыхъ харьковскихъ клиникъ требовалось болѣе 1000000 р.). Въ 1894 году приступлено было къ постройкѣ клиникъ, которыя разсчитаны были на 155 кроватей (вмѣсто прежнихъ 75); открытіе же ихъ послѣдовало въ 1896 г. Недавно выстроены городомъ при Александровской больницѣ новыя помѣщенія и для госпитальныхъ клиникъ, хирургической и терапевтической. Обставлены онѣ при содѣйствіи университета, ходатайствовавшего объ ассигнованіи министерствомъ народнаго просвѣщенія соотвѣтствующей суммы. Число больныхъ, принимаемыхъ въ новыхъ клиникахъ, въ общемъ весьма возросло сравнительно съ прежнимъ. Такъ, въ терапевтической факультетской клиникѣ въ 1904 г. больныхъ

1) См. предыдущій періодъ.

2) Рѣш. ректора (М. М. Алексѣенко) при освященіи клиникъ, 26 сентября 1896 года.

было стационарных 156 и амбулаторных 2055 (тогда какъ въ 1883 г., какъ мы видѣли¹⁾, первыхъ было 119, а вторыхъ—789): въ офтальмологической, которою продолжалъ завѣдывать проф. Л. Л. Гиришманъ, — стационарныхъ было 1134, коихъ сдѣлано 1129 операций, и амбулаторныхъ 11146 съ 22063 заболеваниями (въ 1883 г. первыхъ было только 287, а вторыхъ—4326 съ 6556 болѣзнями глазъ); въ акушерской клиникѣ стационарныхъ—541, амбулаторныхъ—1388 (въ 1883 г.—177 и 750), число роженницъ въ этой клиникѣ, которою въ теченіе всего этого періода завѣдывалъ проф. Н. Ф. Толочиневъ, возросло при немъ до 400, а большихъ операций производилось до 100 въ годъ; что касается хирургической факультетской клиники, то стационарныхъ больныхъ въ 1904 г. было 139 и амбулаторныхъ—3993 (въ 1883 г. всѣхъ 4866, изъ коихъ 126 стационарныхъ); въ госпитальной хирургической клиникѣ—290 больныхъ, изъ нихъ операций произведено 172; въ госпитальной терапевтической—156 стационарныхъ и 2055 амбулаторныхъ.

Въ то же время значительно улучшены и расширены помѣщенія и учебно-вспомогательныхъ учреждений физико-математическаго факультета, отчасти на государственныя средства, отчасти же на спеціальныя или на пожертвованія.

Особенно ощущалась неудовлетворительность Харьковской астрономической обсерваторіи, находившейся на неудачно выбранномъ мѣстѣ; въ этомъ отношеніи она «могла служить лишь хорошимъ указаніемъ того, гдѣ не нужно строить обсерваторію»²⁾. Еще въ 40-хъ годахъ составленъ былъ проектъ новой обсерваторіи, но, по представленію тогдашняго генералъ-губернатора и вмѣстѣ попечителя учебнаго округа С. А. Кошкина, вмѣсто нея, какъ извѣстно, устроены были ветеринарный институтъ, на который затрачены были и экономическія суммы университета; другая сумма—въ 150000 р.—взята была для постройки астрономической обсерваторіи въ Казанскомъ университетѣ. Только въ началѣ 80-хъ годовъ, на спеціальныя средства университета, приступлено было, наконецъ, къ постройкѣ новой обсерваторіи въ Университетскомъ саду, законченной въ главныхъ частяхъ въ 1884 году. Загѣвъ въ теченіе слѣдующихъ годовъ шло приспособленіе ея для научныхъ и учебныхъ цѣлей. На все это много полагалъ труда и времени тогдашній представитель каѳедры астрономіи въ Харьковскомъ университетѣ, Г. В. Левицкій. Между прочимъ, благодаря пожертвованію А. Н. Эдельберга (6000 р.) и назначенной совѣтомъ университета суммъ (4000 руб.), явилась возможность пріобрѣсти меридианный кругъ, по

¹⁾ См. стр. 210.

²⁾ Докладъ доцента Г. В. Левицкаго.

оптической силѣ болѣе, нежели въ Пулковѣ. Въ 1892 году, на пожертвованіе того же А. Н. Эдельберга и на средства, полученныя отъ города и отъ университета, устроена была вращающаяся башня для переносныхъ инструментовъ. Благодаря всему этому новая Харьковская обсерваторія вскорѣ заняла видное мѣсто въ ряду другихъ русскихъ обсерваторій. Она способствовала началу въ Россіи интересныхъ и важныхъ наблюденій надъ горизонтальнымъ маятникомъ; наблюденія надъ луннымъ затменіемъ въ 1891 г. на ней были сдѣланы гораздо полнѣе, чѣмъ то удалось на большинствѣ европейскихъ обсерваторій. При новой обсерваторіи необходимъ былъ астрономъ-наблюдатель, — должность, не внесенная въ штатъ Харьковского университета, и еще въ 1891 году возбуждено было ходатайство объ учрежденіи таковой должности, — ходатайство, увѣнчавшееся успѣхомъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Въ 1889 г. признана была неотложная необходимость улучшить учебно-вспомогательныя учрежденія, о чемъ давно уже ходатайствовали университетъ, и отпущена сумма въ 50000 р., на которую переустроена химическая лабораторія, выстроено особое зданіе для геологическаго и палеонтологическаго кабинетовъ и закончено устройство незадолго передъ тѣмъ воздвигнутаго анатомическаго театра. Въ 1891 г. возбуждено было ходатайство объ учрежденіи при Харьковскомъ университетѣ метеорологической станціи второго разряда и о назначеніи постоянной суммы на ея содержаніе. Министерство разрѣшило учредить такую станцію, но на спеціальныя средства университета. Такимъ образомъ, въ 1892 г. возникло магнито-метеорологическое отдѣленіе физическаго кабинета — правда, *очень тѣсное*, — и при немъ метеорологическая станція, сначала временно помѣщавшаяся въ зданіи астрономической обсерваторіи, а потомъ перешедшая въ отдѣльный павильонъ, выстроенный на пожертвованіе г-жи Головковой. Въ то же время въ помѣщеніи физической лабораторіи сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, а помѣщеніе зоологическаго музея нѣсколько расширено (все это — на спеціальныя университетскія средства). Въ 1894 г. возникъ вопросъ объ устройствѣ физической обсерваторіи, на постройку которой испрашивалось 35000 руб.; но ходатайство это не имѣло благоприятнаго результата.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правленіемъ Харьковского университета выстроено зданіе, въ которомъ теперь помѣщаются поликлиники душевныхъ, дѣтскихъ и кожныхъ болѣзней. Кромѣ обширнаго зданія общежитія, о которомъ еще придется упомянуть, Харьковскій университетъ въ послѣдніе годы обогатился новымъ биологическимъ помѣщеніемъ и помѣщеніемъ для историческаго архива, этнографическаго отдѣла

и кабинета при историко-филологическомъ факультетѣ, предназначеннаго для практическихъ занятій со студентами. Оба эти помѣщенія выстроены почти заново, на спеціальныя средства (на собранія изъ арендной суммы за домъ на Московской ул.) на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была хирургическая клиника. Новое библиотечное зданіе, стоящее около 85000 р., состоитъ изъ прекрасной залы, нѣсколькихъ комнатъ для канцеляріи библиотеки и выдачи книгъ и 3-этажнаго книгохранилища, съ желѣзными полками и вообще безопаснаго въ пожарномъ отношеніи. Лишь небольшая часть книгъ осталась въ прежнемъ книгохранилищѣ: остальные перенесены въ новое и разставлены по иной системѣ, что потребовало, конечно, большой работы. Для выясненія вопросовъ, касающихся библиотечнаго дѣла и переноса книгъ, совѣтомъ была избрана коммиссія (проф. П. Н. Барабашевъ, Н. А. Максимейко, П. П. Пятницкій и приватъ-доцентъ А. П. Кадубовскій). Библиотека пополнялась не только путемъ выписки книгъ (частію на штатныя суммы, а частію на спеціальныя), но и путемъ пожертвованій. Такъ, въ 1883 г. г-жа Сомова пожертвовала университету библиотеку, находившуюся въ проданномъ ею имѣніи Козырщинѣ; въ 1886 г. пожертвована библиотека А. М. Матушинскаго, до 2000 томовъ роскошныхъ изданій, преимущественно по исторіи искусствъ, съ коллекціями рисунковъ и гравюръ, составившая особое отдѣленіе фундаментальной библиотеки; пожертвованы, кромѣ того, библиотеки покойныхъ проф. А. З. Колмачевскаго, Н. П. Сокальскаго, И. К. Зарубина, акад. и бывшаго проф. Харьковскаго университета М. Н. Сухомлинова и друг. Къ концу 1904 г. въ фундаментальной библиотекѣ числилось книгъ 81428 названій въ 149669 томахъ, періодическихъ изданій—965 въ 28208 томахъ, рукописей 368, атласовъ, рисунковъ, чертежей и проч. 3195 названій, всего 85956 названій въ 182277 томахъ. Такимъ образомъ, фундаментальная библиотека за послѣднія 20 лѣтъ увеличилась приблизительно на четверть. Бывшій долгое время библиотечаремъ Я. О. Балясный вышелъ въ отставку и его мѣсто занялъ К. П. Рубинскій.

Состоящее съ 1879 г. при университетской библиотекѣ студенческое отдѣленіе (для выдачи книгъ преимущественно студентамъ), содержащее на спеціальныя средства университета и насчитывающее теперь 9475 названій книгъ въ 12904 томахъ, по-прежнему оставалось въ одной изъ аудиторій.

Въ 1885 г. при юридическомъ факультетѣ возникъ *юридическій кабинетъ*, располагающій особою библиотекою, преимущественно справочныхъ пособій. Въ 1900 г. при историко-филологическомъ факультетѣ возникъ кабинетъ для практическихъ занятій со студентами: при немъ также имѣется небольшая библиотека.

Историческій архивъ, образовавшійся въ 1879-80 г.¹⁾ и состоящій собственно при Историко-Филологическомъ Обществѣ, пополнился въ разсматриваемый періодъ многочисленными вновь поступившими документами²⁾. Къ его главной основѣ—Черниговскому архиву—прибавились дѣла Полтавскаго губернскаго правленія, документы, хранившіеся въ Харьковскомъ губернскомъ правленіи и содержащіе дѣла нынѣ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ и т. под. Такимъ образомъ, образовалось два главныхъ его отдѣленія—Малороссійское (Чернигово-Полтавское) и Слободско-Украинское (Харьковское). При архивѣ основанъ также отдѣлъ для бумагъ профессоровъ и вообще мѣстныхъ дѣятелей. По своему значенію Харьковскій историческій архивъ, въ которомъ до 60000 зарегистрированныхъ дѣлъ и огромное число еще незарегистрированныхъ, приближается къ областнымъ центральнымъ архивамъ—Кіевскому и Виленскому: это—единственное провинціальное собраніе, на основаніи котораго можетъ быть воссоздана прошлая жизнь территоріи, занятой въ настоящее время Харьковской, Черниговской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губ. Первоначально документы 3 года лежали въ тюкахъ на хорахъ актовaго зала и въ библиотечномъ корридорѣ, за немнѣишемъ помѣщеніи. Завѣдъ архивъ ютился въ 2 небольшихъ комнатахъ за актовымъ заломъ и только почти черезъ 20 лѣтъ послѣ своего возникновенія получилъ болѣе просторное помѣщеніе въ зданіи прежней хирургической клиники, теперь заново перестроенномъ. Завѣдуетъ Историческимъ архивомъ проф. Д. Н. Багалій; при немъ имѣется и архиваріусъ, который однако до сихъ поръ въ штатъ не введенъ, и лишь благодаря счастливой случайности удавалось для этой должности находить лицъ, живо интересующихся архивнымъ дѣломъ и болѣею частью съ университетскимъ образованіемъ (А. Д. Твердохлѣбовъ, Н. Н. Бакай, М. М. Плехинскій, Е. М. Ивановъ).

Музей изящныхъ искусствъ при Харьковскомъ университетѣ превратился теперь въ музей изящныхъ искусствъ и *древностей*³⁾: такъ возросъ въ немъ отдѣлъ древностей. Не говоря уже объ отдѣльныхъ предметахъ, въ него поступила коллекція древностей, добытыхъ свящ. Сибисвицевымъ въ с. Райгородкѣ (Ізюмскаго уѣзда). Но еще болѣе обогатился музей за послѣдніе годы. Благодаря XII археологическому

¹⁾ См. выше, стр. 216.

²⁾ Е. М. Ивановъ, Харьк. Истор. архивъ. 1904 (отд. отт. изъ XIV т. Сборн. Харьк. Историч.-Филол. Общества).

³⁾ См. Е. Б. Рюдинъ, Музей изящн. иск. и древ. Имп. Харьк. унив. 1904, (изъ Зап. Импер. Харьк. Унив.).

связу въ Харьковѣ и энергичной дѣятельности предварительнаго комитета (проф. Д. П. Багалъя, Е. К. Рѣдина и друг.) при немъ, можно сказать, вновь возникъ отдѣлъ древностей первобытныхъ, мѣстныхъ, среди нихъ и церковныхъ, такъ какъ добытые подготовительными работами къ связу, путемъ раскопокъ и экскурсій, памятники, почти все, за немногими исключениями, поступили въ собственность музея, благодаря содѣйствию предѣдателя Императорскаго Московскаго Общества, графини П. С. Уваровой. Къ сожалѣнію, музей, по-прежнему, находится въ «невозможномъ» помѣщеніи... По матеріальной книгѣ музея въ немъ значится 3497 номеровъ, но эта цифра гораздо ниже дѣйствительной, такъ какъ подъ отдѣльнымъ номеромъ должно разумѣть часто цѣлыя десятки, сотни предметовъ. Послѣ проф. А. А. Потебни, съ 1884 г., завѣдующими музеемъ были Н. О. Сумцовъ и Г. О. Пулюцъ, а съ 1893 г. состоитъ проф. Е. К. Рѣдинъ, первый представитель кафедры теоріи искусствъ въ Харьковскомъ университетѣ. Благодаря тому же археологическому связу и трудамъ проф. Н. О. Сумцова, А. Н. Краснова и друг. возникъ *этнографическій отдѣлъ*, помѣщающійся теперь въ томъ же званіи, гдѣ историческій архивъ.

Пуимизматическій кабинетъ, въ которомъ теперь числится 8647 номеровъ въ 18167 экземплярахъ, среди коихъ обращаетъ на себя вниманіе весьма интересное собраніе медалей, приведенъ въ надлежащій порядокъ нынѣшнимъ завѣдующимъ проф. Р. П. Шерцлемъ, печатающимъ обширный каталогъ его. Но, къ сожалѣнію, и этотъ кабинетъ находится въ помѣщеніи «невозможномъ»¹⁾.

Вообще, не смотря на все перечисленныя выше расширенія и улучшенія помѣщеній, Харьковскій университетъ все же продолжаетъ еще страдать отъ тѣсноты; такъ, напр., число аудиторій недостаточно и при распредѣленіи лекцій постоянно возникаютъ затрудненія; бывають случаи, что лекціи читаются въ профессорской комнатѣ или даже въ университетскомъ дворѣ, въ бесѣдкѣ (случай съ однимъ изъ преподавателей юридическаго факультета нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Въ виду тѣсноты помѣщеній, для практическихъ занятій поневолѣ приходится устраивать смѣны. Нѣкоторыя лабораторіи такъ тѣсны, что не вмѣщаютъ и трети слушателей, а воздухъ въ нихъ такой, что студенты заболевають²⁾. Каково состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковскаго университета, не

1) Для полноты сообщаемъ слѣдующія цифры, касающіяся другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений: за 1904 г. въ физическомъ кабинетѣ значилось 1178 номеровъ, въ геологическомъ—9542 (въ 27435 экземплярахъ), въ зоотомическомъ—3436 (въ 14553 экз.), въ зоологическомъ—7847 (въ 47914 экз.) и проч.

2) Засвидѣтельствовано университетскимъ врачомъ.

смотря на всѣ его старанія улучшить ихъ, показываетъ «Отвѣтъ» совѣта на первый дополнительный вопросъ, который онъ присоединилъ къ извѣстнымъ 18 вопросамъ министерства въ 1901 г.¹⁾ «Состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковскаго университета», говорится здѣсь (стр. 122 сл.), «далеко не удовлетворительное, можно сказать даже—плачевное. Югася болѣею частью въ тѣсныхъ, плохо приспособленныхъ помѣщеніяхъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, учреждения эти далеко не соответствуютъ современному состоянію науки, не отвѣчаютъ своей задачѣ и не могутъ, какъ слѣдуетъ, выполнять своего назначенія, и это въ то время, когда возникаютъ прекрасно и богато обставленные спеціальныя высшія учебныя заведенія—политехникума и технологическіе институты...». (Писано въ 1901 г.). «Медицинскій факультетъ Харьковскаго университета не имѣетъ вовсе такихъ важныхъ учреждений, какъ напр. клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней, дѣтскихъ болѣзней, кожныхъ и сифилиса. Каѳедры общей патологіи, фармакологіи и гігіены до сихъ поръ не имѣютъ штатныхъ помощниковъ профессора; помѣщенія для кабинетовъ и лабораторій этихъ каѳедръ совершенно не приспособлены для потребностей строго научнаго преподаванія, экспериментальнаго по преимуществу; всѣ каѳедры медицинскаго факультета не обезпечены достаточнымъ количествомъ инвентаря и не имѣютъ низшаго служебнаго персонала. На физико-математическомъ факультетѣ есть кабинеты и лабораторіи, вовсе не имѣющіе лаборантовъ, а многіе не имѣютъ лаборантовъ штатныхъ. Музей изящныхъ искусствъ ютится въ совершенно непригодномъ помѣщеніи, грозящемъ порчею и гибелью коллекціи картинъ». Нумизматическій кабинетъ имѣетъ тѣсное и совершенно неудовлетворительное помѣщеніе. «Историческій архивъ», имѣющій огромное научное значеніе и могущій служить полезнымъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ для историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, находится *вне штата* 20 лѣтъ и проч.

«Средства, отпускаемые на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений при Харьковскомъ университетѣ, совершенно недостаточны. Насколько они скудны, показываетъ, между прочимъ, положеніе фундаментальной бібліотеки» (стр. 121—123). «На выписку книгъ на нѣкоторыхъ факультетахъ приходится около 26 руб. на каѳедру въ годъ». Въ 1896 г. дѣло дошло до того, что физико-математическій факультетъ долженъ былъ отказаться отъ приобрѣтенія книгъ, такъ какъ по раздѣленіи штатной суммы поровну между факультетами на его долю

1) См. выше.

пришлось 1365 р., между тѣмъ однихъ періодическихъ изданій факультетъ предположилъ выписать на 1448 р. Самое помѣщеніе библіотеки было настолько ветхо и опасно въ пожарномъ отношеніи, что правленіе университета, видя безуспѣшность прежнихъ ходатайствъ объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений, въ теченіе многихъ лѣтъ должно было дѣлать сбереженія изъ специальныхъ средствъ, отказывая всѣмъ членамъ совѣта часто въ удовлетвореніи самыхъ основательныхъ ихъ ходатайствъ и научныхъ нуждъ, чтобы составить сумму, достаточную для осуществленія проекта зданія новаго книгохранилища, и такимъ образомъ предохранило отъ опасности библіотеку,—это наиболѣе цѣнное имущество университета. «Для многихъ учреждений вовсе не имѣется штатныхъ суммъ, и они содержатся на скудныхъ специальныхъ средства университета...».

Возбуждались подробно мотивированныя ходатайства о постройкѣ соответствующихъ зданій для химическихъ лабораторій, физическаго института, музея изящныхъ искусствъ и древностей, трехъ клиникъ (душевныхъ болѣзней, кожныхъ и пропедевтической), служительскаго корпуса и проч. Въ общемъ оказывалось, что для належащаго благоустройства учебно-вспомогательныхъ и административныхъ учреждений Харьковскаго университета необходима сумма болѣе 2 милліоновъ. Была надежда на удовлетвореніе, но крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ходатайствъ, но тутъ наступила тяжелая война на Дальнемъ Востокѣ...

По штатамъ 1884 года на содержаніе Харьковскаго университета полагалось 327190 р., не считая, кромѣ того, суммъ, отпускаемыхъ на стипендіи и пособія студентамъ, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, добавочныхъ на инспекцію и проч. Тѣмъ не менѣе финансовое положеніе Харьковскаго университета долгое время было затруднительно; въ этомъ отношеніи онъ былъ поставленъ въ худшія условія, нежели другіе русскіе университеты. Какъ извѣстно, до 1884 года на него ассигновывалось по статьямъ меньше, чѣмъ не только на Петербургскій или Московскій, но и на Кіевскій и даже Казанскій университеты. Извѣстно также, что однажды (1880 года) совѣтъ университета, истощивъ всѣ средства, вынужденъ былъ за недостаткомъ клинической суммы сдѣлать распоряженіе о выпискѣ больныхъ раньше срока изъ клиническихъ учреждений. По штатамъ же 1884 года клиническая сумма еще уменьшилась (10000 р. вмѣсто 10125 р.). Учебно-вспомогательныя учрежденія физико-математическаго факультета до 1884 г. получали 12400 р., что оказывалось недостаточнымъ, и недостатокъ пополнялся тоже изъ специальныхъ средствъ. Въ штатахъ 1884 года, при перечисленіи учебно-вспомогательныхъ учреждений, нѣ-

которые изъ существовавшихъ въ Харьковскомъ университетѣ учреждений не были поименованы вовсе, а на содержаніе всѣхъ перечисленныхъ кабинетовъ и лабораторій назначено 13000 р., т. е. только на 600 р. больше по сравненію съ прежнимъ. Но такъ какъ спеціальныя средства, изъ которыхъ прежде выдавались субсидіи нѣкоторымъ учреждениямъ, должны были уменьшиться въ силу 129 ст. устава, устанавливавшей плату въ пользу университета въ размѣрѣ 5 р. въ полугодіе (въ первое полугодіе 1885 г. плата за слушаніе лекцій дала 23290 р., а во второе полугодіе, съ введеніемъ новыхъ правилъ, — только 7210 р.), то прибавка въ 600 р. не могла улучшить положенія дѣла. Далеѣ, на лаборантовъ, ихъ помощниковъ, хранителей кабинетовъ и проч. назначено 7500 руб., что сравнительно съ прежнимъ составляло прибавку въ 1200 р.: но ни число ихъ, ни размѣры окладовъ не были обозначены, и они не были распределены между физико-математическимъ и медицинскимъ факультетомъ. Отсюда возникло затрудненіе, тѣмъ болѣе, что уменьшить расходы на учебно-вспомогательныя учреждения и ихъ персоналъ по физико-математическому факультету не представлялось возможнымъ. На нужды, напр., технической лабораторіи отпускалось такъ мало, что не хватало даже на матеріалъ при практическихъ занятіяхъ, и нѣкоторыя изъ этихъ занятій пришлось пока прекратить. Между тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія еще въ 1884 г. призналъ необходимымъ (предложеніемъ отъ 16 сентября), чтобы факультетъ озаботился «присканіемъ способовъ къ возможно лучшему выполненію требованій устава относительно полноты, послѣдовательности и правильности преподаванія факультетскихъ предметовъ, а равно научныхъ по нимъ упражненій студентовъ»: упражненія же эти стояли въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ. Поэтому совѣтъ Харьковского университета ходатайствовалъ о включеніи въ списокъ штатныхъ учреждений тѣхъ изъ нихъ, которыя фактически уже существовали, но поименованы въ штатахъ не были, и о прибавкѣ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений и ихъ персонала 8400 руб. Министерство въ то время не нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство и предлагало отнести прибавку на счетъ спеціальныхъ средствъ университета. Въ 1886 году совѣтъ снова хлопочетъ объ увеличеніи кредитовъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений, да и само министерство, «усматривая изъ поступающихъ донесеній начальствъ различныхъ округовъ, что кредиты эти недостаточны, и предполагая возбудить, въ установленномъ порядкѣ, ходатайство о пересмотрѣ временныхъ штатовъ Императорскихъ университетовъ», обращалось въ Харьковскій университетъ за свѣдѣніями о томъ, какіе именно кредиты и по какимъ

соображеніямъ должны бытъ увеличены по этому университету. Въ 1887 г. отпущено было университетамъ на усиленіе преподаванія и установленіе контроля за занятіями студентовъ 100000. Когда выстроены были новыя клиники, для содержанія ихъ и персонала служащихъ необходимы были новыя средства. Съ тѣхъ поръ Харьковскому университету для этой цѣли отпускается 107213 р. 80 к. въ годъ (изъ нихъ 28725 руб. 80 коп. на содержаніе личнаго состава и 78488—на содержаніе клиникъ). Въ послѣднее время на содержаніе Харьковского университета изъ государственнаго казначейства всего ассигновывалось болѣе 500 тыс. въ годъ¹⁾. Что касается спеціальныхъ средствъ университета, то въ 1904 г. они выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: платы за слушаніе лекцій 66225 р., за печатаніе дипломовъ 853 р. 40 к., аренды университетскаго имущества—1301 р. 70 к. (не считая арендной суммы въ 16000 р. за домъ на Московской ул.: эта сумма всецѣло предназначается на строительныя надобности).

3-я глава.

Студенты.

По отношенію къ студентамъ въ разсматриваемый періодъ мы видимъ тоже крайнюю регламентацію. На другой же годъ по обнаруженіи устава 1884 года введена форменная одежда для студентовъ и изданы правила: 1) о приѣмѣ студентовъ въ университеты; 2) о допущеніи постороннихъ слушателей; 3) о платѣ за слушаніе лекцій, при чемъ устанавливалось, что общее число освобождаемыхъ отъ платы не должно превышать 15% общаго числа студентовъ даннаго университета; 4) о стипендіяхъ и пособіяхъ; 5) объ обязанностяхъ студентовъ при посѣщеніи университета; 6) о взысканіяхъ и порядкѣ ихъ наложенія; 7) о подвергающихся аресту въ карцерѣ лицахъ. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 5 декабря 1886 г. и 26 іюня 1887 г. министру народнаго просвѣщенія предоставлялось право принять мѣры къ ограниченію числа свресей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для каждаго округа установленъ былъ извѣстный %о. Для Харьковского университета максимумъ опредѣленъ былъ въ 5%о общаго

¹⁾ Въ 1904 году ассигновано было на содержаніе личнаго состава, на научныя пособія и хозяйственныя надобности 448724 руб. 35 коп., а по всѣмъ статьямъ 526190 р.; изъ нихъ израсходовано 499674 р. 87 к.

числа поступающихъ. Впослѣдствіи, въ министерство Н. П. Боголѣпова, онъ былъ пониженъ до 3⁰/₀, но затѣмъ при Г. Э. Зенгерѣ восстановлена 5⁰/₀-ная норма. Тѣмъ же положеніемъ комитета министровъ отъ 26 іюня 1887 года плата за слушаніе лекцій въ пользу университета, вмѣсто положенныхъ по уставу 5 руб., повышена до 25 руб. за каждое полугодіе. Положеніе специальныхъ средствъ университетовъ, въ особенности Харьковскаго, при 5-рублевой платѣ оказывалось весьма плачевнымъ. Упомянутое повышение должно было помочь этому; но тутъ имѣлась въ виду и другая общая цѣль—отвлечь отъ университетовъ лицъ низшихъ и неимущихъ классовъ¹⁾, что высказывалось тогда съ полною откровенностью (извѣстный циркуляръ о «кухаркиныхъ дѣтияхъ»). Если въ началѣ 80-хъ годовъ общій размѣръ платы за слушаніе лекцій равнялся 20 р. въ полугодіе, то теперь, когда, кромѣ платы въ пользу университета, студенту приходилось вносить введенный уставомъ 1884 г. еще такъ назыв. «гонораръ» въ пользу преподавателей, онъ увеличился приблизительно вдвое (обыкновенно—43-50 р.). Еще въ 1885 г. совѣтъ Харьковскаго университета указывалъ на обременительность платы, въ особенности для студентовъ медицинскаго факультета, и проектировалъ уменьшить ее, назначивъ гонораръ за часовую лекцію не въ 1 р., а въ 50 к., при чемъ указывалось и на недостаточность установленнаго процента (15⁰/₀) лицъ, могущихъ быть освобожденными отъ платы. Съ увеличеніемъ взноса въ пользу университета съ 5 до 25 руб., плата для студентовъ стала, конечно, еще обременительнѣе.

Увеличеніе платы, ограниченіе пріема евреевъ, а также стремленіе молодыхъ людей въ высшія техническія учебныя заведенія и открытіе въ Харьковѣ технологическаго института (Высочайшее повелѣніе 1884 г., положеніе и штаты—1885 г.) не могли не отразиться на числѣ студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ годъ введенія устава, т. е. въ 1884½ акад. году, ихъ было въ немъ 1227. Въ слѣдующіе два года число это возрастаетъ и доходитъ въ 1886½ г. до 1520 (а съ посторонними слушателями—до 1573), въ теченіе 7 лѣтъ увеличившись болѣе, чѣмъ вдвое (въ 1880½ г. студентовъ было только 667). Но съ 1886 г. число вновь поступающихъ въ Харьковскій университетъ замѣтно уменьшается: въ 1884 г. поступило 388 (не считая постороннихъ слушателей), въ 1885 г.—377, въ 1886—только 315, въ 1888—239 и т. д. Соотвѣтственно съ 1887 г. уменьшается и общее число студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ: къ январю 1892 г. оно нисходитъ до

1) С. И. Рождественскій, стр. 619.

977 (съ посторонними слушателями—до 1010). Особенно рѣзко было замѣтно уменьшеніе числа студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ: въ 1885 году на этотъ факультетъ поступило 26 (всѣхъ было 95); но уже въ 1886—только 18, въ 1887—10, а въ 1888—даже 7. Съ тѣхъ поръ въ теченіе ряда лѣтъ до 90-хъ годовъ, когда оно стало нѣсколько возрастать, число поступающихъ на этотъ факультетъ въ Харьковскомъ университетѣ рѣдко превышало цифру 10. Кромѣ общихъ причинъ и неприглядной будущности, которая ожидала на педагогическомъ поприщѣ большинство оканчивающихъ историковъ и филологовъ, здѣсь, несомнѣнно, оказали вліяніе учебные планы и экзаменныя требованія 1885 года, выдвинувшія на первое мѣсто классическую филологію и лишившія историко-филологическій факультетъ на нѣкоторое время его прежняго общеобразовательнаго характера. Снова начинаеть увеличиваться число поступающихъ въ Харьковскій университетъ съ 1890 г., а общее число студентовъ въ немъ—съ 1892 г. Въ 1904 г. поступило 644 студ. и 64 постороннихъ слушателя (въ томъ числѣ фармацевтовъ 47), и къ 1 января 1905 года состояло студентовъ 1660, наибольшая цифра за столѣтнее существованіе Харьковскаго университета; кромѣ того, было постороннихъ слушателей 132 (въ томъ числѣ фармацевтовъ 101) и ученицъ повивальнаго института 68 (44—на 1-мъ курсѣ и 24—на 2-мъ). Особенно замѣтно увеличеніе числа студентовъ сначала на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ, а потомъ—на юридическомъ и естественномъ отдѣленіи физико-математическаго. Даже на историко-филологическомъ факультетѣ за послѣдніе два года число поступившихъ увеличилось въ нѣсколько разъ: въ 1903 году поступило 25, а въ 1904—даже 50 (вмѣсто прежнихъ обычныхъ 10—15). Къ концу 1904 года студенты Харьковскаго университета по факультетамъ распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ—89, физико-математическомъ 393, юридическомъ—643, медицинскомъ—535. Окончило курсъ (т. е. получили выпускное свидѣтельство) въ 1904 году на историко-филологическомъ фак.—10, физико-математическомъ—42, юридическомъ—114, медицинскомъ—106.

Многіе студенты и въ этотъ періодъ, не ограничиваясь слушаніемъ лекцій, работали въ клиникахъ и лабораторіяхъ, изучая спеціально тотъ или другой вопросъ, писали рефераты и сочиненія на заданныя темы или на темы по собственному избору. Нѣкоторые изъ такихъ работъ являлись уже учеными, болѣе или менѣе самостоятельными, изслѣдованіями и печатались преимущественно въ университетскомъ органѣ («Зап. Импер. Харьк. Унив.»), иногда въ другихъ

спеціальнихъ или общихъ изданійхъ. Такъ, по ходатайству соотвѣтствующихъ факультетовъ, рѣшено было напечатать частью цѣпкомъ, частью въ извлеченіи слѣдующія представленныя на медаль или на премію работы студентовъ: Косгина и Будзинскаго (Исслѣдованія надъ вліяніемъ мускульной дѣятельности и механическихъ условій кровообращенія на содержаніе гемоглобина и красныхъ тѣлецъ въ крови), Тарасова (О дѣйствіяхъ электрическихъ раздраженій большой частоты на мускулы и нервы), Глейзера (О трахомѣ), Гальперина (О терапевтическомъ достоинствѣ различныхъ видовъ шва желудочно-кишечнаго канала), Серковского (Опредѣленіе значенія для распознаванія различныхъ формъ микробовъ морфологическаго вида (строенія) ихъ колоній на твердыхъ средахъ), Гольдина (Аѳинскій совѣтъ, *Βουλή*; его исторія, организація и значеніе), Тихеновича (О способахъ резекціи *ganglii Gasseri*), Воробьева («Сосуды и нервы сухожилий стопы», «Къ сравнит. анатоміи ворогъ печени», «Вывихи костей запястья»), Миротворцева (на ту же тему, что и первая работа г. Воробьева), Жмайловича (О микробныхъ ферментахъ и о дѣйствіи ихъ по сравненію съ ферментами животныхъ), Нюренберга (Графическое измѣненіе пульса при раннихъ стадіяхъ заболѣванія аорты), Лукьянченка (Къ вопросу о клиническомъ достоинствѣ реакціи *Vidal'a*), Оедоровскаго (Переводы и передѣлки стихотвореній Геге въ русской литературѣ), Идельсона (Договоръ страхованія по русскому праву), Сагагелова (Вліяніе минимальныхъ колебаній электрическаго тока на нервы), Смирнова (на ту же тему), Лившица (О вліяніи горечей на желудочное пищевареніе при различныхъ заболѣваніяхъ желудка), Болтина (Цитоплидины и цитокоагулины изъ кровяныхъ железъ), Ясинскаго (О гигантскихъ клѣткахъ вокругъ инородныхъ тѣлъ), Береславскаго (Объ эмболии тканевыми клѣтками), Лезина (О кн. В. О. Олдовскомъ), Рѣзниченка (на ту же тему), Тихаго (О В. Н. Каразинѣ)¹⁾, Берестовскаго (О гемолизинахъ), Дейча (Объ эмболии тканевыми клѣтками), Фурсова (О состояніи периферическихъ сосудовъ и артеріальнаго давления у неврастениковъ), Черноволога (Описаніе коллекціи Алферова, находящейся въ Музеѣ изыщн. иск. Харьк. унив.), Чадова (Понятіе соціального преступника). Рефератъ того же г. Чадова, читанный въ кружкѣ для изученія государственныхъ наукъ («Воззрѣнія на право и государство старшихъ славянофиловъ»), напечатанъ въ журн. «Образованіе», а рефератъ студента Раздольскаго о древностяхъ Пугивля, читанный въ кружкѣ для изученія литературъ, напечатанъ въ «Истор.

¹⁾ Печатается въ «Кіевск. Старинѣ»; статья того же автора по поводу памфлета г. П—ва о Каразинѣ—въ «Зан. Харьк. Ун.» 1905.

Вѣстникѣ». Одно изъ названныхъ выше сочиненій студ. Воробьева опредѣлено было напечатать въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ».

Группы студентовъ предпринимали научныя экскурсіи подъ руководствомъ преподавателей, напр. географическую экскурсію на Кавказъ подъ руководствомъ проф. А. Н. Краснова (при чемъ собраны были коллекціи), нѣсколько геологическихъ экскурсій подъ руководствомъ проф. А. В. Гурова и П. П. Пятницкаго—на Днѣпровскіе пороги, въ Кривой-Рогъ, въ Донецкій бассейнъ.

Въ послѣдніе годы, когда явилась возможность учредить научныя студенческіе кружки, студенты Харьковскаго университета мало-по-малу образовали 4 кружка: 1) кружокъ для изученія экономическихъ наукъ, подъ руководствомъ профессора В. Ф. Левитскаго; 2) кружокъ для занятій по исторіи русской и запад.-европейск. литературы или историко-филологическій, подъ руководствомъ проф. М. Е. Халанскаго; при этомъ кружкѣ имѣется небольшая бібліотека-читальня, помѣщающаяся въ историко-филологическомъ кабинетѣ для практическихъ занятій; 3) кружокъ для изученія богословскихъ наукъ, подъ руководствомъ проф. Т. П. Буткевича, и 4) кружокъ для изученія государственныхъ наукъ, подъ руководствомъ прив.-доц. А. Н. Фатѣева. Въ этихъ кружкахъ студенты читали и обсуждали рефераты, въ числѣ которыхъ были выдающіеся. Такъ, кромѣ раньше уже названныхъ и напечатанныхъ, изъ рефератовъ послѣдняго года (1904) обратилъ на себя вниманіе «превосходный въ научномъ отношеніи докладъ» студ. Маклецова о формахъ общиннаго землевладѣнія въ Россіи; въ историко-филологическомъ кружкѣ слѣдуетъ отмѣнить рефераты студ. Окунева о «демонѣ» Сократа и студ. Бѣлецакаго о Марціалѣ и т. д. Кружокъ этотъ, въ которомъ членами состояли и нѣкоторые студенты-юристы, принималъ участіе въ торжественномъ чествованіи университетомъ паяти Жуковскаго (22 апр. 1902), при чемъ студ. Веретенниковъ произнесъ рѣчь о педагогическомъ значеніи сочиненій этого поэта. Въ 1891 г. въ средѣ студентовъ Харьковскаго университета возникла мысль о составленіи и изданіи «Сборника» въ пользу голодающихъ; но такъ какъ печатаніе его затянулось, то назначеніе этого сборника было измѣнено: рѣшено было представить выручку отъ его продажи въ пользу Общества пособія нуждающимся студентамъ. Въ сборникъ вошли стихотворенія, очерки, беллетристическія произведенія и проч. (студентовъ Дубяги, Головкова, Контрольскаго и друг.). Одному изъ участвовавшихъ въ этомъ изданіи, студ. Головкову, принадлежитъ, кромѣ того, особый сборникъ стихотвореній.

Отмѣтимъ здѣсь еще, въ теченіе разсматриваемаго періода, задолго до циркуляра Н. П. Боголѣпова о развитіи кружковъ, въ томъ

числѣ и музыкальныхъ, при Харьковскомъ университетѣ образовался студенческій оркестръ и хоръ. Первымъ дирижировалъ сначала г. Глень (теперь профессоръ въ Московской консерваторіи), а потомъ г. Дочевскій, преподаватель Харьковского музыкальнаго училища. Во главѣ же хора, въ качествѣ регента, сталъ П. М. Туровѣровъ, бывшій студентъ Харьковского университета, получившій выпускное свидѣтельство по историко-филологическому факультету.

Не мало питомцевъ Харьковского университета избрало ученое поприще и заняло кафедры въ родномъ университетѣ или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ общемъ однако, какъ мы уже отчасти видѣли ¹⁾, уровень знаній студентовъ, равно какъ и требованій, скорѣе понизился въ разсматриваемый періодъ, нежели повысился. «Отвѣтъ совѣта Императорскаго Харьковского университета» на вопросъ о мѣрахъ къ повышенію этого уровня констатируетъ, между прочимъ, «полную несостоятельность гимназическаго режима по отношенію къ университету» (стр. 73), благодаря чему юноши, вступающіе въ университетъ, оказывались въ большинствѣ не подготовленными къ самостоятельности. По словамъ «Отвѣта», недостатокъ этой самостоятельности «у поступающей въ университетъ молодежи обнаруживается уже на первыхъ порахъ полной растерянностью относительно своихъ занятій»; «Отвѣтъ» отмѣчаетъ «отсутствіе внутреннего интереса къ этимъ занятіямъ и необходимаго навыка къ настойчивой работѣ», «узко утилитарное направленіе въ занятіяхъ, которое овладѣло въ послѣднее время значительною частью нашей учащейся молодежи» (стр. 74). Помимо другихъ причинъ, тутъ вліяли общая духовная атмосфера въ университетѣ и *тотъ извѣстный формализмъ и регламентація, «которые», по словамъ «Отвѣта», «такъ мѣшаютъ живому дѣлу университетскаго преподаванія»* (стр. 69).

Не малымъ тормазомъ въ дѣлѣ занятій для студентовъ служила также матеріальная необезпеченность большинства ихъ. Матеріальное положеніе многихъ студентовъ Харьковского университета было тяжелое. Иные испытывали большую крайность; были такіе, которые не каждый день обѣдали... Приходилось искать занятій или уроковъ; но они перѣдко отымали много времени и плохо оплачивались. При томъ въ разсматриваемый періодъ все труднѣе и труднѣе становилось студенту пріискать урокъ. Правительство, университетъ, общество и отдѣльные лица приходили на помощь студентамъ, во-1-хъ, учрежденіемъ стипендій и выдачей пособій. Такъ, въ 1904 г. изъ 1660 студентовъ Харьковского университета стипендіатами состояло 202, изъ коихъ 49

¹⁾ См. стр. 10.

обязательныхъ и 153 необязательныхъ. Въ теченіе года первымъ выдано было 12559 р. 32 к., вторымъ—44181 р. 79 к., а всего стипендій—56741 р. 11 к. Пособіями въ 1904 г. пользовалось 541 студ.; изъ нихъ 105—ежемесячнымъ пособіемъ (обыкновенно 15 р. въ мѣсяцъ), на сумму 12020 р., и 436 студ.—единовременнымъ, на сумму 10918 р. 15 к. Такимъ образомъ, въ теченіе года на стипендіи и пособія студентамъ издержано 79679 р. 26 к. Освобожденныхъ отъ платы въ весеннемъ полугодіи 1904 г. было 331, а въ осеннемъ—326. Кромѣ того, продолжало дѣйствовать Общество пособія нуждающимся студентамъ; въ 1904 г. имъ было выдано долгосрочныхъ ссудъ 8057 р., краткосрочныхъ—26301 р. 2 к. Существовала, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, и «студенческая столовая» (ею завѣдывали, впрочемъ, не сами студенты), имѣвшая своимъ назначеніемъ давать студентамъ дешевый и доброкачественный обѣдъ. Въ видахъ улучшенія матеріальнаго положенія нуждающихся студентовъ, въ концѣ 1899 г. при Харьковскомъ университетѣ открылось «Справочное бюро для содѣйствія студентамъ въ присканіи частныхъ занятій», помѣщавшееся въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ и состоявшее въ завѣдываніи одного изъ помощниковъ инспектора. Бюро должно было служить посредникомъ между студентами, ищущими разныхъ частныхъ занятій, и тѣми учрежденіями и лицами, которыя предлагаютъ какую-либо работу. Въ теченіе перваго года его существованія заявленій отъ студентовъ поступило 515, а со стороны публики—отъ 233 лицъ; состоялось соглашеній 117, съ 122 студентами.

Отчасти въ видахъ улучшенія быта и обстановки студентовъ, отчасти же какъ одна изъ мѣръ къ предотвращенію студенческихъ безпорядковъ, въ министерство Н. П. Боголѣпова предпринята была постройка общежитій. На студенческое общежитіе въ Харьковѣ ассигновано было, считая съ оборудованіемъ, болѣе 200000 р. Начата была постройка въ 1900 г. и къ концу 1901 закончена. Тѣмъ временемъ Н. П. Боголѣповъ сошелъ въ могилу, а при его преемникахъ возникли даже сомнѣнія въ цѣлесообразности подобныхъ учрежденій. Была мысль построенное въ Харьковѣ общежитіе, сдѣлавъ въ немъ необходимыя передѣлки и приспособленія, превратить въ клинику, которыхъ неоставало университету (для нервныхъ, для дѣтскихъ и для кожныхъ болѣзней). Наконецъ, въ ноябрѣ 1903 г. общежитіе было открыто. Оно представляетъ собою большое 3-этажное зданіе съ 80 комнатами для 150 студ., съ залой, съ столовой, съ квартирой для завѣдующаго и проч. Содержится оно на счетъ платы, получаемой съ живущихъ въ немъ студентовъ, съ ежегоднымъ пособіемъ отъ казны въ 6000 р.

Плата за помѣщеніе съ мебелью и бѣльемъ, съ электрическимъ освѣщеніемъ и продовольствіемъ—26 р. въ мѣсяцъ за отдѣльную комнату, 21 р. (съ каждаго) за комнату для двоихъ, 19 р.—за комнату для троихъ. При общежитіи имѣется читальня. Въ осеннемъ полугодіи 1904 г. въ немъ было 109 студентовъ; изъ нихъ половина (54)—первокурсники, которымъ, естественно, труднѣе всего бываетъ на первыхъ порахъ устроиться иногда въ незнакомомъ городѣ.

Извѣстно, что при составленіи устава 1884 г. и при устройствѣ университетскаго быта на основаніи его имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, предотвратить на будущее время студенческіе безпорядки, столь частые при существованіи устава 1863 г. Введенъ былъ строгій надзоръ за поведеніемъ студентовъ со стороны инспекціи какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по возможности, и внѣ его,—надзоръ, доходившій, по выраженію «Отвѣта»¹⁾, до «чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ» со стороны инспекціи, влияние которой въ университетѣ вообще непомѣрно усилилось. Но это не предотвратило безпорядковъ. По свидѣтельству того же «Отвѣта» (стр. 116), такой надзоръ сильно раздражалъ и вооружалъ учащуюся молодежь; полицейскія же формы, въ какія выливался онъ, совершенно исключали возможность нравственнаго вліянія, сердечнаго отношенія къ молодежи. «Молодежь», говорится въ «Отвѣтѣ», «чувствуетъ себя заподозрѣнной, отданной какъ бы подъ строгій полицейскій надзоръ инспекціи. Вынужденная этимъ держаться насторожѣ, оскорбляемая этимъ непрерывнымъ надзоромъ и сыскомъ, она начинаетъ смотрѣть на представителей инспекціи, какъ на враговъ,—съ недовѣріемъ, неуваженіемъ, боязною и въ то же время съ ненавистью; она сама невольно усваиваетъ въ этой глухой борьбѣ привычки, не соответствующія добрымъ нравамъ», и какъ до 1884 г., такъ и послѣ 1884 г.—и даже еще въ большей степени,—теченіе университетской жизни не разъ нарушалось студенческими волненіями, а въ послѣдніе годы эти волненія стали обычнымъ явленіемъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ волненія обнаружались уже черезъ полтора года послѣ введенія устава 1884 г.: 18 и 19 февраля 1886 г. группою студентовъ произведены были безпорядки въ зданіи университета. Болѣе широкіе размѣры приняли волненія 1887 г., вспыхнувшія прежде всего въ Москвѣ по поводу извѣстной «Брызгаловской исторіи»²⁾ и быстро охватившія почти всѣ русскіе университеты. Въ Харьковѣ 3 декабря группа студентовъ университета, правда немногочисленная, соединившись съ группою студентовъ технологическаго и ветеринарнаго

¹⁾ Стр. 115. См. выше, стр. 30.

²⁾ О ней см. между проч. въ ст. кн. *Б. А. Щетинина* въ «Ист. Вѣстн.», 1905, февр.

институтовъ, произвела безпорядокъ въ сборномъ залѣ и на улицѣ, передъ университетомъ, при чемъ были разбиты стекла въ окнахъ помѣщенія инспекціи. Занятія въ Харьковскомъ университетѣ были прекращены съ 4 декабря; зачетъ полугодій не могъ быть произведенъ своевременно, годовщина основанія университета (17 янв.) не была отпразднована обычнымъ актомъ и 42 студента уволены безъ права обратнаго поступленія. Затѣмъ волненія, по крайней мѣрѣ въ Харьковскомъ университетѣ, улеглись на 12 лѣтъ. Но съ 1899 г. они вспыхиваютъ съ еще болѣею силою и упорствомъ и принимаютъ форму такъ назыв. «забастовокъ» и «обструкцій». Событія эти еще такъ близки, еще такъ въ памяти всѣхъ, что мы коснемся ихъ лишь вкратцѣ. На этотъ разъ, т. е. въ 1899 г., началось съ Петербурга, съ извѣстнаго избіенія студентовъ и вызваннаго имъ волненія, чѣмъ сейчасъ же отразилось и въ другихъ университетахъ, въ томъ числѣ и Харьковскомъ. Здѣсь студенты также «забастовали», прекратили посѣщеніе лекцій и постановленіемъ правленія (24 февр. 1899 г.) признаны были всѣ поголовно уволившимися, но затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, всѣ были приняты обратно (послѣ того, какъ подали соотвѣтствующія прошенія). Тѣмъ не менѣе волненія продолжались, и послѣдовалъ рядъ увольненій и исключеній: 31 марта уволено 84, 2 апрѣля—54, 3 апрѣля—14, 26 апрѣля исключено 23, 28 апрѣля исключено 31; всего весною 1899 г. за участіе въ безпорядкахъ удалено изъ Харьковскаго университета 206; изъ нихъ 15 человекъ приняты обратно въ томъ же году, а 185—въ разные сроки въ теченіе 1900 г. (изъ остальныхъ 5 совѣтъ не подавали прошеній, а 1 хотя и подавалъ, но не былъ принятъ). Уже въ 1899 г. дѣло дошло до обструкцій; многіе студенты не экзаменовались, и самые экзамены происходили не въ обычной обстановкѣ—среди безпорядковъ и подъ охраной полиціи и вооруженной силы. 1900 годъ прошелъ спокойно; но въ весеннее полугодіе 1901 г. безпорядки возобновились, хотя въ меньшей степени. Въ теченіе февраля и марта уволено было 95 чел. (изъ нихъ 29 по прошенію, по предложенію ректора); но вскорѣ, въ апрѣлѣ того же года, всѣ они были приняты обратно. Осенью 1901 г. волненія повторились уже въ болѣешихъ размѣрахъ. Поводомъ послужилъ инцидентъ въ ветеринарномъ институтѣ, гдѣ студенты I курса выразили порицаніе одному профессору за то, что онъ требуетъ отъ нихъ усвоенія не соотвѣтствующаго будто бы современному состоянію науки руководства, и подверглись наказанію въ видѣ увольненія и проч. На этотъ разъ въ университетѣ на сходкахъ постановлена была «обструкція», принявшая рѣзкую форму; обструкціонеры прерывали чтеніе лекцій насильствен-

нымъ путемъ; они прибѣгли даже къ такъ назыв. «химической обструкціи», такъ что изъ аудиторіи № 3 нѣсколько студентовъ и профессоръ были вынесены въ обморожномъ состояніи. Постановленіемъ правленія отъ 30 ноября и 3 декабря частью уволено, частью исключено было 115 чел., изъ коихъ въ разное время было принято обратно 59. Кромѣ того, нѣкоторые изъ уволенныхъ поступили въ другіе университеты. Не прошло и 2½ лѣтъ, какъ снова обнаружались волненія по слѣдующему поводу. Одинъ изъ приватъ-доцентовъ Харьковскаго университета въ своей лекціи коснулся только-что начавшейся тогда русско-японской войны и ея возможныхъ послѣдствій, послѣ чего вынужденъ былъ прекратить чтеніе лекцій. Студенты заподозрѣли товарищей, принадлежащихъ къ такъ называемому обществу русскихъ студентовъ, въ доносѣ; начались ссоры, и въ результатъ властью ректора, на основаніи ст. 17 устава, исключено или уволено было (въ мартѣ) 56 чел.; нѣкоторымъ же сдѣланъ выговоръ. Наконецъ, извѣстно, какіе размѣры приняла «забастовка» въ началѣ 1905 г., лежащая уже внѣ того періода, за который мы обзорѣваемъ исторію Харьковскаго университета.

Въ настоящее время совершенно ясны основной характеръ студенческихъ забастовокъ и истинныя причины студенческихъ безпорядковъ. Комиссія, избранная совѣтомъ Харьковскаго университета 21 января 1905 года¹⁾ для опредѣленія условій, при которыхъ возможно было бы достиженіе нормальнаго теченія университетской жизни, въ своей запискѣ, принятой и совѣтомъ, становится на ту точку зрѣнія, которую проводилъ еще Н. П. Пироговъ и по которой университетъ выражаетъ современное общество и есть лучший его барометръ. Студенческія волненія, говоритъ эта записка, служатъ яркимъ доказательствомъ тѣсной, непосредственной зависимости университета отъ политическихъ условій нашей жизни. «Возникая на почвѣ внутреннихъ неурядицъ и несовершенствъ уставовъ, волненія эти, въ теченіе своего развитія, почти всегда получаютъ нѣкоторую политическую окраску. Администрація же и даже учебное начальство слишкомъ уже просто объясняли причину волненій, приписывая ее проникновенію въ среду студенчества «зломанѣренныхъ» людей, которые возбуждали молодежь ради своихъ чисто политическихъ цѣлей. Но

¹⁾ Изъ проф. Д. Н. Багалія, В. П. Бузескула, Н. А. Гредескула, А. П. Грузинцева, А. Д. Киселева, В. Ф. Левитскаго, П. Ф. Мельникова-Разведенкова, С. П. Никонова, П. Г. Оршанскаго, П. П. Пятницкаго, Л. В. Рейнгарда, Н. А. Соколова, В. А. Стеклова, Н. О. Сумцова, Г. О. Шульца, подъ предѣтельствомъ Л. Л. Гиришана.

такіе дальновидные педагоги, какъ Н. П. Пироговъ, рано уразумѣли основную причину волненій молодежи и высказывали теперь уже не подлежащую никакому сомнѣнію мысль, что не одни несовершенства устава, но главнымъ образомъ, можетъ быть, недостатки всего политическаго и гражданскаго строя вызываютъ ихъ. Правительство же, по-прежнему полагая, что все дѣло въ преступной дѣятельности подстрекателей, по-прежнему старалось водворить миръ, согласіе и спокойствіе среди молодежи крутыми репрессивными мѣрами, начиная отъ увольненія, исключенія, восходя до административной высылки и кончая лишеніемъ свободы и отдачей въ солдаты, упуская изъ виду, что такимъ образомъ создаются быстро растущіе кадры недовольныхъ, часто лишенныхъ всякихъ средствъ существованія и потому на все готовыхъ. Не смотря на всѣ эти мѣры, интенсивность, количество и размѣры волненій все росли и увеличивались. Это убѣдительно доказываетъ, что ихъ корень и источникъ лежатъ внѣ университета и молодежи... Единственнымъ, безспорнымъ результатомъ этихъ мѣръ нужно признать систематическое выбрасываніе за бортъ извѣстной части учащейся молодежи. Ни одного волненія не обходилось безъ того, чтобы значительный процентъ учащихся не подвергался удаленію или исключенію изъ университета. Одни изъ удаленныхъ черезъ нѣкоторое время снова попадали въ университетъ, иногда для того, чтобы вторично быть уволенными изъ него, другіе уже не возвращались обратно... А въ концѣ концовъ отъ этого больше всего страдаетъ страна, крайне нуждающаяся въ образованныхъ дѣятеляхъ, тѣмъ болѣе, что всегда почти выбрасываются за бортъ во время безпорядковъ и очень талантливые молодые люди; относясь съ увлеченіемъ къ научнымъ занятіямъ, они не могутъ атрофировать въ себѣ отзывчивости на явленія окружающей жизни»...

По поводу репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ студентамъ и вліянія этихъ мѣръ неразъ уже цитированный «Отвѣтъ» еще въ 1901 г. говорилъ: «Тѣмъ суровѣе подавлялись сходки, союзы, землячества и т. д., тѣмъ больше поводовъ являлось къ производству студентами такъ назыв. безпорядковъ, и тѣмъ чаще студенчество обращалось къ тайной организаціи, въ которой видѣло единственный выходъ изъ своего, дѣйствительно, затруднительнаго положенія. Озлобленные, благодаря вѣншимъ тяжелымъ условіямъ, ихъ окружающимъ, молодые люди переставали внимать голосу авторитетовъ, собственному своему разуму и цѣлкомъ подавались охватившему ихъ чувству раздраженія. Находясь въ такомъ душевномъ состояніи, часто подвергаясь карѣ, далеко не соответствовавшей, по ихъ внутреннему самосознанію, винѣ, молодежь изъ тайныхъ студенческихъ организацій переходила въ таковыя же

политическія. Богѣ или менѣ организованная среда, въ которую они въ такихъ случаяхъ попадали, являлась для нихъ привлекательной, въ особенности потому, что удовлетворяла ихъ чувству товарищества, соединяла на общее дѣло, преступное съ точки зрѣнія закона, но представлявшее ихъ заблуждавшемуся уму и возбужденному чувству благороднымъ подвигомъ... Полувѣковой опытъ жизни университетовъ съ совершенною ясностью доказываетъ, что всѣ стремленія сдѣлать изъ студентовъ «отдѣльныхъ посѣтителей» университета, съ цѣлью предохраненія безпорядковъ, не достигаютъ цѣли, и разрозненная въ повседневной жизни молодежь легко объединяется путемъ тайныхъ организацій для производства такихъ глубоко печальныхъ для академической жизни явленій, какъ забастовки во всѣхъ университетахъ имперіи»... (стр. 100). «Русская молодежь» продолжаетъ «Огвѣтъ», «какъ и всякая другая, очень чувствительна къ явной несправедливости, легко реагируетъ на всевозможныя явленія общественной и государственной жизни, даже на поступки и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и потому легко и сильно возбуждается» (стр. 102). Не говоримъ уже о политической агитаціи и революціонныхъ элементахъ, дѣйствовавшихъ, въ свою очередь, въ средѣ студенчества. Въ числѣ репрессивныхъ мѣръ, примѣнявшихся въ широкихъ размѣрахъ въ Харьковѣ по отношенію къ студентамъ, видное мѣсто занимала административная высылка: обыкновенно документы уволеннаго препровождались въ полицію, а его самого, хотя бы на нѣкоторое время, высылали изъ города, дабы онъ не могъ оказать воздѣйствія на товарищей. Но эта мѣра, въ свою очередь, способствовала возбужденію: напр., высылаемымъ изъ Харькова въ 1899 г. студентамъ устраивались торжественные проводы, произносились соответственные случаю рѣчи, происходили демонстраціи на вокзалѣ и на улицахъ города; въ высылаемыхъ видѣли борцовъ и мучениковъ, а въ административной высылкѣ—жестокій произволъ и беззаконіе, при чемъ обвиненіе въ глазахъ студенчества падало не столько на администрацію, сколько на университетскія власти.

Само правительство сознавало, что однихъ репрессивныхъ мѣръ для устраненія студенческихъ безпорядковъ недостаточно, и наряду съ ними прибѣгало и къ другимъ средствамъ. Въ іюнѣ 1899 г. Н. П. Боголѣповъ образовалъ совѣщаніе изъ попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній для обсужденія мѣръ въ цѣляхъ водворенія спокойствія. Циркуляромъ 27 іюня 1899 г. измѣнено положеніе инспекціи въ томъ смыслѣ, что ей вмѣнено въ обязанность благожелательное попеченіе о нуждахъ учащихся, а личный составъ ея еще болѣе усиленъ. 5-го іюля того же года послѣдовало распоря-

женіе о «способѣ къ болѣе равномерному распредѣленію студентовъ между отдѣльными университетами» и о прикрѣпленіи ихъ къ округамъ «въ устраненіе на будущее время переполненія нѣкоторыхъ университетовъ», при чемъ въ Харьковскій университетъ должны были поступать окончившіе курсъ въ гимназіяхъ Харьковскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ. Установлены были и высшія нормы того числа студентовъ, которое можетъ быть принято на первый курсъ; нормы эти были разныя по университетамъ и факультетамъ. Въ Харьковскомъ университетѣ максимальная норма на юрид. фак. была 200, на физ.-матем. по математическому отдѣленію—100, а естественному—75, на медиц.—175.—29 іюля 1899 г. установлено отбываніе воинской повинности, въ видѣ наказанія, для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемыхъ за коллективные безпорядки. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что въ Харьковскомъ университетѣ не было случаевъ примѣненія этой мѣры.

Университетскій строй на началахъ устава 1884 года подрывалъ авторитетъ профессоровъ: онъ устранялъ вліяніе ихъ коллегіи на студентовъ; на сближеніе между послѣдними и профессорами, какъ мы видѣли, власти смотрѣли сначала даже подозрительно; сами студенты по уставу и правиламъ разсматривались, какъ «отдѣльные посѣтители» университета. Опытъ показалъ, къ какимъ послѣдствіямъ это ведетъ. Уже правительственное сообщеніе отъ 24 мая 1899 г. въ числѣ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію безпорядковъ, называетъ «разобщенность студентовъ между собой, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ». А 21 іюля того же года послѣдовалъ циркуляръ, въ которомъ министръ (Н. П. Боголѣбовъ) для установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ указываетъ на слѣдующія мѣры: 1) широкая организація практическихъ занятій, 2) учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ и 3) устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій. Но устройство кружковъ обставлено было на первыхъ порахъ большими ограниченіями и формальностями, что мѣшало ихъ развитію. Такъ, напр., въ Харьковскомъ университетѣ осенью 1899 г. студенты историко-филологическаго факультета, преимущественно историки, съ увлеченіемъ взялись за мысль основать кружокъ для собесѣдованія и занятій по предметамъ историко-филологическаго факультета; на частныхъ совѣщаніяхъ съ профессорами выработанъ былъ проектъ правилъ или устава этого кружка. Но прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ послѣдовало надлежащее разрѣшеніе. Большинство, отъ долгаго ожиданія, успѣло уже къ тому времени охладѣть.

дѣтъ; другіе, въ виду приближенія экзаменовъ, должны были больше думать о послѣднихъ, чѣмъ о кружкѣ. Да и самый проектъ подвергся измѣненіямъ: вмѣсто общаго историко-филологическаго кружка разрѣшенъ былъ лишь кружокъ для занятій исторіею литературы и число участниковъ въ немъ было заранее ограничено извѣстною цифрою (не болѣе 50 чел.). Такъ кружокъ этого тогда и не возникъ. Онъ образовался лишь черезъ два года, осенью 1901 г. Число участниковъ кружка для занятій экономическими науками ограничено было 30.

При Харьковскомъ университетѣ, какъ мы видѣли, существовало въ послѣднее время всего 4 научныхъ студенческихъ кружка; но изъ нихъ кружокъ для изученія государственныхъ наукъ во второй половинѣ 1904 г. не функционировалъ и руководившій имъ преподаватель, въ виду инсинуацій со стороны «охранителей», принужденъ былъ отказаться отъ руководства. Въ концѣ 1901 года, уже въ министерство П. С. Ванновскаго, утверждены «Временныя правила организаціи студенческихъ учреждений», предоставлявшія начальству высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія разрѣшать, по ходатайству студентовъ, открытіе студенческихъ кружковъ для научно-литературныхъ занятій, кружковъ для занятій искусствами, ремеслами и разнаго рода физическими упражненіями, а равно студенческихъ столовыхъ, чайныхъ, кассъ (взаимопомощи, ссудо-сберегательныхъ, вспомошествованія), попечительствъ для пріисканія занятій для недостаточныхъ студентовъ, библіотекъ и читаленъ; для обсужденія же вопросовъ, касающихся поименованныхъ учреждений и кружковъ, и для выбора студентовъ для участія въ комиссіяхъ этихъ учреждений, а также для выбора курсовыхъ старостъ,—разрѣшались студенческія собранія съ соблюденіемъ подробно изложенныхъ правилъ.

Объ организаціяхъ студентовъ подъ руководствомъ кураторовъ, — института, оказавшагося столь мало жизненнымъ, — и о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, вовсе не функционировавшемъ, мы уже упоминали раньше (стр. 27—8).

4-я глава.

Университетъ и общество.

Не смотря на гяжелыя условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать университету въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, онъ продолжалъ по-прежнему служить государству и обществу не только тѣмъ, что

въ немъ получали высшее образованіе сотни молодыхъ людей: и въ разсмагиваемый періодъ научное, просвѣдительное и общественное вліяніе Харьковскаго университета распространялось широко.

Его учебно-вспомогательными пособіями—библіотекой, клиниками, кабинетами, лабораторіями, коллекціями и проч.—пользовались не одни преподаватели и студенты, но и лица, не причастныя къ университету. Напр., Музей изящныхъ искусствъ и древностей по воскресеньямъ охотно и въ большомъ количествѣ посѣщается учащимися, публикой, среди которой много и представителей бѣдныхъ классовъ населенія г. Харькова, въ будни же въ немъ занимаются часто художники, любители, ученики школы рисованія (прежде М. Д. Раевской, Е. Е. Шрейдера, а теперь—городской), копированіемъ картинъ, акварелей, рисованіемъ съ гипсовъ и т. д. Утилизируется иногда и специальная библіотека Музея не только учащимися, но и членами мѣстнаго общества¹⁾. Въ Историческомъ архивѣ, состоящемъ при Историко-Филологическомъ Обществѣ, работали какъ мѣстные ученые, не принадлежащіе къ составу университетскихъ преподавателей, такъ и пріѣзжіе: профессоръ Мякотинъ, Н. П. Василенко, П. П. Короленко, профессоръ Лилеевъ, Е. А. Альбовскій, А. Я. Ефименко, Д. П. Миллеръ, М. М. Нлюхинскій, Е. П. Радакова, А. Д. Твердохлѣбовъ и друг. Многія мѣстныя силы, благодаря этому архиву, энергично начали разрабатывать мѣстную исторію и исторію Малороссіи, и такимъ образомъ для нѣкоторыхъ молодыхъ работниковъ Историческій архивъ сыгралъ роль какъ бы школы, въ которой воспитались, развились и окрѣпили ихъ склонности къ научнымъ занятіямъ²⁾. Въ университетскихъ клиникахъ перебували тысячи страждущихъ. Не говоря уже о проф. Л. Л. Гиришманѣ, имена большинства Харьковскихъ клиницистовъ—В. О. Грубе, П. К. Зарубина, В. Г. Лашкевича, Н. Ф. Толочилова (называю только тѣхъ, кого въ настоящій моментъ нѣтъ уже въ университетѣ)—извѣстны были далеко за предѣлами Харькова.

Наука сообщалась не только студентамъ и не только посредствомъ читаемыхъ имъ лекцій и практическихъ занятій. Съ 1893 г. возобновленъ былъ общеуниверситетскій органъ. Дѣло въ томъ, что въ 1884 г. печатаніе существовавшихъ раньше «Записокъ», содержавшихъ протоколы совѣтскихъ засѣданій и ученые изслѣдованія, рѣшено было прекратить, и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ университетъ не имѣлъ своего органа. Въ 1891 г. рѣшено было «установить съ 1892 г. для приготовленія актовыхъ рѣчей очередь между факульт-

¹⁾ *Е. К. Рѣдинъ*, Муз. из. иск. и древн. Имп. Харьк. унив., стр. 52.

²⁾ *Е. М. Ивановъ*, Харьк. Истор. архивъ, стр. 29.

тегами» и «печатать актовъ рѣчи и извлеченія изъ отчетовъ». Тогда же ректоромъ М. М. Алексѣенко возбужденъ былъ вопросъ о возобновленіи университетскихъ «Записокъ»; совѣтомъ избрана была коммиссія (проф. К. А. Андреевъ, Д. П. Багалъй, В. П. Бузескулъ, В. Я. Данилевскій, Н. О. Куплеваскій, П. П. Скворцовъ, А. Н. Стояновъ, А. П. Шимковъ), которая и выработала программу изданія. Послѣ двукратнаго ходатайства, въ 1892 г., наконецъ, послѣдовало разрѣшеніе (сначала министерство затруднялось дать его въ виду ограниченности денежныхъ средствъ Харьковскаго университета), и съ начала 1893 г. «Записки Импер. Харьк. Унив.» стали выходить въ свѣтъ, по 4 книжки въ годъ, не считая, сверхъ того, приложений. Въ виду приближавшагося юбилея въ нихъ видное мѣсто отведено было «Харьковской университетской лѣтописи». Въ «Запискахъ» печатались и студенческія работы (по представленію соотвѣтствующаго факультета). Во главѣ стоялъ редакторъ, кромѣ того, имѣется редакціонный комитетъ изъ 8 членовъ (по 2 отъ факультета). Редакторомъ «Записокъ» все время, до 1905 г., былъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій.

Средствомъ общенія между лицами, интересующимися тою или другою отраслью наукъ, какъ принадлежащими къ составу университета, такъ и находящимися внѣ его, служили *ученыя общества*. Такихъ обществъ при Харьковскомъ университетѣ въ 1884 г. было 4: 1) Общество испытателей природы; 2) Общество опытныхъ наукъ, подраздѣлившееся на 2 секціи—физико-химическую и медицинскую; 3) Математическое и 4) Историко-Филологическое. Въ 1887 г. выработанъ и утвержденъ новый уставъ Математическаго Общества. Въ 1894 г. Медицинская секція Общества опытныхъ наукъ выдѣлилась въ самостоятельное Общество научной медицины и гігіены, а другая секція переименована въ Общество физико-химическихъ наукъ. При Историко-Филологическомъ Обществѣ въ 1892 г. учрежденъ Педагогическій отдѣлъ, а въ послѣднее время утвержденъ новый уставъ Общества, дающій ему болѣе широкія рамки. Наконецъ, недавно (1901) возникло Юридическое Общество. Такимъ образомъ, къ концу разсматриваемаго періода при Харьковскомъ университетѣ существовало 6 ученыхъ обществъ (не считая Педагогическаго отдѣла)¹⁾. Общества эти устраивали засѣданія, иногда публичныя; на нихъ читались рефераты, доклады, сообщалось о новыхъ открытіяхъ, происходили пренія, поминались прежніе дѣятели. Общества издавали свои «Труды», «Сборники» и т. п. (напр. Общество испытателей природы издало уже 39 т., Физико-Химическое—16 вып.

¹⁾ Года 2 тому назадъ возбуждено ходатайство объ утвержденіи устава Общества психологіи и антропологіи, но до сихъ поръ результатъ не извѣстенъ.

«Приложеній» къ отчетамъ и юбилейный сборникъ по поводу 50-лѣтія дѣятельности акад. Н. Н. Бекетова: Историко-Филологическое—14 т. и т. д.), входили въ сношенія и въ обмѣнъ съ различными учреждениями и лицами (напр. Математическое Общество обмѣнивалось изданіями съ 58 учрежденіями, изъ нихъ съ 23 иностранными). Доклады дѣлались не только мѣстными учеными, но и пріѣзжими, иногда выдающимися специалистами, напр. въ Историко-Филологическомъ Обществѣ—В. В. Латышевымъ, О. Е. Коршемъ, въ Математическомъ—проф. Бугаевымъ и друг. Все это способствовало научному движенію и въ то же время взаимодѣйствию дѣятелей университета съ интеллигентными силами изъ мѣстнаго общества. Въ частности слѣдуетъ еще отмѣтить, что, напр., Историко-Филологическое Общество имѣетъ цѣлью способствовать усиленными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній. Оно и состоящій при немъ Педагогическій отдѣлъ устраивали, какъ увидимъ, публичные курсы и лекціи. Общество это содѣйствовало въ особенности изученію мѣстной старины и исторіи. При немъ, какъ извѣстно¹⁾, существуетъ Историческій архивъ, Этнографическій музей и библіотека. Основаніемъ Историческаго архива Историко-Филологическое Общество спасло огромное количество цѣнныхъ матеріаловъ, оставшихся до того времени почти безъ призора или, напр., похороненныхъ «въ темныхъ грущобахъ» нижняго этажа губернскаго архивохранилища, и уже этимъ однимъ оказало важную услугу исторической наукѣ²⁾. Оно много поработало надъ подготовкой Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, о чемъ рѣчь впереди. Общество испытателей природы содѣйствовало изученію края въ естественно-научномъ отношеніи. На вопросы общественной и государственной жизни послѣдняго времени Юридическое Общество оговзвалось рядомъ рефератовъ, и т. д. Всѣмъ этимъ Обществамъ университетъ давалъ помѣщеніе, ежегодную субсидію (за исключеніемъ Общества испытателей природы, получающаго изъ государственнаго казначейства 2500 р. въ годъ), а именно въ 1904 г. Математическое Общество получало 450 р., Историко-Филологическое 400 (и 600 архивариусу), Физико-Химическое 250, Научной медицинѣ и гигиенѣ, а равно и Юридическое,—по 300 р. Главными дѣятелями въ этихъ Обществахъ являлись преподаватели университета, а во главѣ ихъ, въ качествѣ предсѣдателей, стояли выдающіеся ученые, напр. П. О. Леваковскій (Общ. испыт. прир.), К. А. Андреевъ, А. М. Ляпуновъ (Матем. Общ.), Н. Н. Бекетовъ (Физ.-химич. секц.), А. А. Потѣбня, М. С. Дриновъ (Истор.-Филолог. Общ.). Въ послѣднее время

¹⁾ См. выше, стр. 58.

²⁾ Е. М. Ивановъ, Харьк. Истор. арх., стр. 2, 15.

предсѣдателемъ Общества испытателей природы состоитъ Л. В. Рейнгардъ, Общества физико-химическихъ наукъ—П. П. Осиповъ, Научной медицины и гигіены—Я. А. Анфимовъ, Историко-Филологическаго—Н. О. Сумцовъ, Математическаго—В. А. Стекловъ и Юрическаго—Н. А. Гредескулъ.—Харьковскій университетъ далъ помѣщеніе для XII Археологическаго съѣзда, бывшаго въ Харьковѣ, и для его выставокъ; въ лицѣ своихъ преподавателей и членовъ ученыхъ Обществъ онъ принялъ самое дѣлительное участіе въ подготовительныхъ работахъ къ этому съѣзду и въ самыхъ его занятіяхъ, о чемъ мы скажемъ еще подробнѣе впереди.

Многіе преподаватели Харьковскаго университета не ограничивались чтеніемъ университетскихъ курсовъ и выступали съ публичными лекціями въ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ цѣляхъ. Читались не только отдѣльныя лекціи, но и устраивались цѣлыя серіи ихъ. Такъ, при университетѣ, по-прежнему, еженедѣльно по вечерамъ читались публичныя общедоступныя лекціи по химіи и технологіи. Въ 1891 г. нѣсколько профессоровъ въ теченіе поста по воскресеньямъ въ думскомъ залѣ прочли лекціи въ пользу Общественной бібліотеки, именно для образованія фонда на постройку дома. Въ теченіе многихъ лѣтъ существовали такъ называемыя «ферейны», во главѣ которыхъ стоялъ А. П. Шимковъ и Г. П. Лагермаркъ: въ одной изъ аудиторій (химической) время отъ времени происходили чтенія, на которыя приглашалась публика. Лекторами были не только профессора. Такъ напр., въ одномъ изъ такихъ собраній читалъ А. О. Копп свою известную лекцію о докторѣ Гаазѣ. Въ 1895 и 1896 г.г. Историко-Филологическимъ Обществомъ, по инициативѣ правленія Харьковскаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, открыты были (въ помѣщеніи Маріинской женской гимназіи) вечернія научныя чтенія для женщинъ; число подписавшихся слушательницъ было около 200. Позже М. А. Шимковой, предсѣдательницею названнаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, устроены были курсы, собственно для женщинъ, сначала по естественнымъ наукамъ, а потомъ преимущественно по историческимъ и юридическимъ. Читались лекціи преподавателями университета въ физической аудиторіи тоже по вечерамъ. Педагогическій отдѣлъ Историко-Филологическаго Общества въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ устраивалъ въ торжественной залѣ университета общедоступныя чтенія съ туманными картинами по разнымъ отраслямъ знанія,—чтенія, въ которыхъ участвовали какъ профессора, такъ и другія лица. Наконецъ, въ курсахъ для рабочихъ, которые ведутся въ послѣдніе годы, лекторами выступаютъ тоже преимущественно преподаватели университета.

Профессора и приватъ-доценты Харьковскаго университета выступали въ качествѣ популяризаторовъ науки, какъ съ живымъ, устнымъ словомъ, такъ и съ перомъ въ рукѣ, въ научно-популярныхъ статьяхъ, въ разныхъ журналахъ и газетахъ или въ отдѣльныхъ брошюрахъ, и имена нѣкоторыхъ профессоровъ хорошо извѣстны даже въ широкихъ кругахъ публики. Но профессора, по мѣрѣ силъ и возможности, не только распространяли свѣтъ науки: они, въ лицѣ представителей медицины, оказывали помощь страждущему населенію г. Харькова и даже обширнаго края. Мы упоминали уже о тѣхъ тысячахъ больныхъ, которые пользовались въ клиникахъ. Здѣсь скажемъ только, что харьковцы хорошо знаютъ, напр., сколько, преимущественно простого, бѣднаго люда, ежедневно до поздней ночи толпится въ пріемной одного изъ харьковскихъ профессоровъ, котораго, по справедливости, можно назвать «другомъ людей» и которому А. О. Конн посвятилъ свою статью о Гаазѣ, — и встрѣчаетъ со стороны его и ласковое слово, и облегченіе своимъ болѣзнямъ. 17 октября 1888 г. произошло крушеніе Императорскаго поѣзда близъ Борокъ и спасеніе Государя Александра III, Государыни Маріи Осодоровны и Царской семьи отъ угрожавшей при этомъ опасности. Въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи раненымъ при этой катастрофѣ на долю Харьковскаго университета выпала чрезвычайно видная роль. На мѣсто крушенія съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ проф. В. О. Грубе съ нѣсколькими врачами и студентами 4-го курса, на пути въ Боркахъ встрѣтилъ санитарный поѣздъ съ пострадавшими и, перейдя въ него, сопровождалъ раненыхъ, осматривая ихъ и руководя оказаніемъ имъ медицинской помощи. Наиболѣе тяжело раненые въ числѣ 9 человекъ помѣщены были въ университетскую клинику подлѣ наблюденіе проф. В. О. Грубе, а 16—въ Александровскую больницу (при которой находится и госпитальная хирургическая клиника университета), подлѣ наблюденіе проф. П. К. Зарубина. Къ этому моменту въ исторіи Харьковскаго университета мы еще вернемся.

Когда, въ 1892 г., распространилась эпидемія холеры, то на борьбу съ нею не мало отправилось студентовъ-медиковъ. Наконецъ, когда вспыхнула война съ Японіей, то на Дальній Востокъ, кромѣ нѣкоторыхъ ординаторовъ, отправились, въ качествѣ санитаровъ, помощниковъ и сотрудниковъ врачей, и нѣкоторые студенты Харьковскаго университета, и извѣстно, съ какою энергіей, мужествомъ и самоотверженіемъ работали они тамъ.

Многіе профессора Харьковскаго университета этого періода являлись видными общественными дѣятелями, принимали самое живое

участіе въ общественныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Развитие и процвѣтаніе Общества грамотности, Общественной библіотеки, Пушкинскаго училища, курсовъ для рабочихъ неразрывно связано съ именами профессоровъ Харьковскаго университета. Предсѣдателями Общества грамотности были проф. А. П. Шимковъ, П. Т. Степановъ, В. Я. Данилевскій, М. П. Чубинскій, а предсѣдателемъ состоящаго при этомъ Обществѣ комитета по изданію книгъ для народа—проф. Д. П. Багалій; предсѣдателемъ правленія Общественной библіотеки—тоже Д. П. Багалій, при которомъ библіотека обогатилась собственнымъ домомъ; дѣятельными и, можно сказать, постоянными членами правленія Общественной библіотеки—прив.-доц. (нынѣ профессоръ) А. П. Грузинцевъ и прив.-доц. М. А. Масловъ, не говоря уже о другихъ (Н. О. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ, А. П. Кадлубовскомъ, В. П. Саввъ, Н. А. Гредескулъ и проч.); попечитель Пушкинскаго училища—проф. Н. О. Сумцовъ; завѣдующій курсами для рабочихъ—проф. А. Н. Красновъ; предсѣдатель правленія Общества попеченія о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—проф. Е. К. Рѣдинъ. Въ думѣ, въ качествѣ гласныхъ, профессора Харьковскаго университета не рѣдко играли видную роль. Предсѣдательствующимъ въ думѣ долгое время состоятъ проф. П. К. Зарубинъ (теперь—Д. П. Багалій); городской голова—А. К. Погорѣлко—прив.-доц. университета и т. д. Но историкъ Харьковскаго университета не можетъ обойти молчаніемъ также и того факта, что въ образованіи и дѣятельности мѣстнаго отдѣла «Русскаго Собранія» и въ изданіи журнала «Мирный Трудъ» инициаторами и главными дѣятелями явились тоже профессора (А. С. Вязигинъ, Я. А. Денисовъ, П. Н. Буцинскій и нѣкоторые друг.)¹⁾.

Харьковскій университетъ, возникшій благодаря сочувствію и поддержкѣ общества, продолжалъ и въ послѣдній періодъ своего сгнѣтнлаго существованія получать поддержку со стороны отдѣльных лицъ и учреждений въ видѣ различныхъ пожертвованій, премій, стипендій и т. п. О нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ уже было упомянуто—напр. о пожертвованіи г. Эдельберга на астрономическую библіотеку, о библіотекахъ Сомовой, Матушинскаго, Джунковскаго, проф. Колмачевского, Сокальскаго, Зарубина. Были также пожертвованы книги профессора В. О. Грубе, Е. П. ф. Вейера, Н. А. Лавровскаго, М. О. Ковальскаго, Г. П. Лагермарка (для химической лабораторіи), бывшаго директора 2-й Харьковской гимназіи Н. Е. Скворцова (пожертвованы его вло-

¹⁾ Нужно замѣтить, что большинство изъ тѣхъ профессоровъ, которые согласились было участвовать въ названномъ журналѣ, потомъ, когда обнаружались его характеръ и направленіе, отказалось отъ сотрудничества.

вою); получены книги тоже отъ бывшаго прив.-доц. В. В. Лапина, П. А. Машинского (до 1500 книгъ и брошюръ), не говоря уже о пожертвованіяхъ преподавателями университета по одному или нѣсколько экземпляровъ изъ вновь выходящихъ сочиненій. Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить также дары Великаго Князя Георгія Михайловича, при-
славшаго мюнцъ-кабинету свои труды и изданія, и гр. П. Д. Делянова (экземпляръ полнаго Собранія Законовъ—для Юридическаго кабинета). Поступали въ даръ университету и разнаго рода коллекціи (напр.—древностей отъ свящ. Сигѣвцева, не говоря уже о тѣхъ древностяхъ, которыя достались университету послѣ XII Археологическаго съѣзда; коллекціи монетъ отъ Императорской Археологической Коммисіи и отъ вдовы покойнаго проф. Ю. П. Морозова, бабочекъ—отъ вдовы лаборанта г. Ярошевскаго, шкуръ птицъ—отъ проф. А. М. Никольскаго, горныхъ породъ и окаменѣлостей—отъ проф. А. В. Гурова и проч.). Покойный проф. А. Г. Подрезъ завѣщалъ свой домъ университету. П. Г. Харигоненко, пожертвовавшій, какъ упомянуто, на потребности университета зданіе и на стипендіи 50000 р.¹⁾, преподставилъ, кромѣ того, 2000 р. въ распоряженіе директора Археологическаго института, сенатора Н. В. Калачова, на описаніе Историческаго архива, состоящаго при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ; г. Федоровскій пожертвовалъ 3000 р. на учрежденіе стипендій, О. А. Павловскій—2500, В. П. Левковичъ—5200р. на учрежденіе стипендій имени императора Александра III въ память событія 17 октября 1888 г.; Г. П. Ткачевъ—75000 р. на преміи и стипендіи; дворянство Войска Донскаго—7000 р. на стипендіи имени ген.-майора Д. П. Орлова; А. Г. Бѣлокопытовъ—27000 р. на 4 стипендіи его имени; присяжный повѣренный Н. П. Богомоловъ, бывшій воспитанникъ Харьковского университета,—11000 р. для учрежденія преміи его имени за лучшее сочиненіе по уголовному или гражданскому праву, написанное окончившимъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, и на уплату за слушаніе лекцій за 4 студентовъ: А. А. Бантышъ—50000 р. для учрежденія 5 стипендій; М. Х. Гельферихъ—12000 р.; М. К. Есикорская 6000 р. (то и другое завѣщано на стипендіи на физ.-матем. фак.); М. П. Шедевн—9500 р. на нужды недостаточныхъ студентовъ; Н. А. Хрушова—12000 (7000—на стипендіи, а 5000—на освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій); 8000—отъ М. С. Косенко для учрежденія преміи имени Лелюка; 5000—отъ П. О. Рубинштейна на стипендіи; отъ Е. П. Абрамовой—3000; Е. П. Марковской—5000 на стипендіи имени М. П. Марковскаго. На собранную по

1) См. выше, стр. 53.

подпискѣ сумму при Историко-Филологическомъ Обществѣ учреждена премія имени бывшаго профессора и предсѣдателя Общества, А. А. Потебни, выдаваемая студентамъ за лучшія сочиненія на данныя темы изъ области спеціальныхъ занятій покойнаго ученаго. Въ 1899 г. сослуживцами и почитателями бывшаго профессора и ректора Харьковскаго университета М. М. Алексѣенка собрано 2073 р. для учрежденія преміи его имени и пр. Полтавское земство дало Историко-Филологическому Обществу субсидію въ 300 р. на изданіе сборника пѣсенъ Лубенскаго уѣзда, составленнаго г. Милорадовичемъ. Въ день годовщины основанія университета, 17 января, обыкновенно замѣчается особенный притокъ пожертвованій: въ пользу недостаточныхъ студентовъ изъ разныхъ городовъ отъ лицъ и учреждений присылаются болѣе или менѣе значительныя суммы, собираемыя отъ концерговъ и вечеровъ или просто жертвуемыя; напр., въ 1903 г. такихъ суммъ поступило 16052 р. 85 к. Недавно Луговской завѣщаль большую часть своего состоянія, оцѣниваемого въ 80—100 т., въ пользу Общества пособія нуждающимся студентамъ.

Въ заключеніе этого обзора необходимо упомянуть о моментахъ, которые выходили изъ сферы обыденной университетской жизни, на которые университетъ отзывался или въ которыхъ онъ игралъ видную роль.

Въ ряду ихъ особенно памятнымъ является 17 и 19 октября 1888 г. 17 октября названнаго года, какъ извѣстно, произошло крушеніе Императорскаго поѣзда близъ Борокъ и спасеніе Государя и Его семьи отъ угрожавшей опасности. Въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи пострадавшимъ при этомъ Харьковскій университетъ, какъ мы видѣли, принялъ самое дѣятельное участіе.

19 октября Императоръ Александръ III и Императрица Марія Осодоровна съ Наслѣдникомъ, нынѣ царствующимъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ посѣтили университетскую хирургическую клинику, гдѣ находились раненые при катастрофѣ, затѣмъ университетскую церковь и госпитальную клинику при Александровской больницѣ, въ которой также помѣщены были раненые. Въ хирургической университетской клиникѣ, при обходѣ раненыхъ, необходимыя объясненія давалъ проф. В. О. Грубе вмѣстѣ съ ординаторами, а въ Александровской больницѣ—проф. И. К. Зарубинъ. Объ этомъ посѣщеніи имѣются подробныя воспоминанія очевидца—проф. В. О. Грубе¹⁾. До нѣкоторой степени 19 октября

¹⁾ См. его «Врачебн. помощь при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 окт. 1888 г.» Харьк. 1889 г., перепеч. во II т. «Старины и Новизны», стр. 339 сл.

1888 г.—посѣщенію хирургической клиники Императоромъ Александромъ III—Харьковъ, какъ уже упомянуто¹⁾, обязанъ постройкой новыхъ университетскихъ клиникъ.

Не разъ въ Харьковскомъ университетѣ происходили торжественныя собранія и публичныя засѣданія совѣта или состоящихъ при университетѣ Обществъ, по поводу чествованія выдающихся дѣятелей, при чемъ произносились и соотвѣтствующія рѣчи: такъ, чествовалась память апостола славянъ Меѳодія, Сергія Радонежскаго, В. Н. Каразина²⁾ (Истор.-Филол. Обществомъ), знаменитаго геометра Н. И. Лобачевского (Математ. Обществомъ), мѣстнаго философа Г. С. Сковороды (Историко-Филологическимъ Обществомъ, которое, не ограничившись устройствомъ публичнаго засѣданія и произнесенными въ немъ рѣчами, издало собраніе сочиненій Сковороды, первое полное, на основаніи всѣхъ извѣстныхъ рукописей, съ біографіей философа, составленной его другомъ Ковалинскимъ и со статьями Д. И. Багалъя, А. С. Лебедева, О. А. Зеленогорскаго), А. С. Пушкина (при чемъ по постановленію совѣта изданъ Сборникъ статей и изслѣдованій о Пушкинѣ, съ присоединеніемъ неизданныхъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи университетской бібліотеки матеріаловъ), Жуковскаго, Гоголя и друг. Чествовалась память и мѣстныхъ профессоровъ, въ особенності, напр., А. А. Потебни (Историко-Филологич. Обществомъ), Д. И. Каченовскаго (Юридич. Обществомъ), К. К. Гаггенбергера (тоже), А. И. Кириичникова (Историко-Филологич. Обществомъ).

По поводу исполнявшихся 25-лѣтій, 30-лѣтій дѣятельности и т. под. привѣтствовались дѣятели университета. По широкому участию не только университетской молодежи, но и населенія гор. Харькова особенно выдавалось чествованіе нашего извѣстнаго окулиста Л. Л. Гиршмана (въ сент. 1895 г.), которому устроенъ былъ дотолѣ невиданный въ Харьковѣ факельныйгъ.

Въ августѣ 1897 года Харьковскій университетъ посѣтили члены VII Международнаго Геологическаго конгресса, въ числѣ 92 лицъ. Сначала они прибыли въ торжественный залъ университета, гдѣ ихъ привѣтствовалъ ректоръ М. М. Алексѣенко рѣчью на французскомъ языкѣ; потомъ они посѣтили минералогическій и геологическій кабинеты, гдѣ они были привѣтствованы проф. А. С. Брю и А. В. Гуровымъ.

А въ августѣ (съ 15 по 27) 1902 г. въ стѣнахъ университета происходилъ XII-й Археологическій съѣздъ, *первый ученый съѣздъ въ*

¹⁾ См. выше, стр. 54.

²⁾ Въ настоящее время печатается собраніе писемъ, сочиненій и проектовъ В. Н. Каразина.

Харьковъ. Университетъ и состоящее при немъ Историко-Филологическое Общество, какъ уже извѣстно ¹⁾, приняли самое дѣятельное участіе въ его организаціи. Образовано было мѣстное отдѣленіе Предварительнаго комитета по устройству съѣзда, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. П. Багалъи и при секретарѣ проф. Е. К. Рѣдинѣ. Въ составъ его вошли почти всѣ преподаватели историко-филологическаго факультета и большинство членовъ Историко-Филологическаго Общества. Образованная послѣднимъ этнографическая коммиссія вошла потомъ въ составъ Предварительнаго комитета. Общее число членовъ мѣснаго отдѣла было 62; изъ нихъ больше половины (38)—преподаватели Харьковскаго университета. Задача была не легка. Вообще, тяжелыя подготовительныя къ съѣздамъ работы въ данномъ случаѣ усложнялись тѣмъ, что Харьковъ не имѣлъ почти никакихъ коллекцій древностей и Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи представляла terra incognita ²⁾. Къ работѣ необходимо было привлечь всѣ живыя научныя общественныя силы мѣснаго района. Эту задачу могъ выполнить только Харьковскій университетъ съ учеными силами всѣхъ его факультетовъ и съ состоящими при немъ учеными обществами. «Только подъ авторитетной эгидой университета, Харьковскій Предварительный комитетъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ его преподавателей, и могъ выполнить свою нелегкую задачу». Комитетъ, выработавъ программу по собранію древностей и свѣдѣній о нихъ, озабочился широкимъ ея распространеніемъ и получилъ болѣе 1000 отвѣтовъ; онъ вошелъ въ сношенія съ комитетами и коммиссіями, образованными въ другихъ городахъ, и устроилъ рядъ экскурсій для собиранія матеріаловъ и производства раскопокъ, напр. для изслѣдованія первобытныхъ древностей, для собиранія этнографическихъ коллекцій, для собиранія церковныхъ древностей и памятниковъ письменности. Изъ преподавателей Харьковскаго университета раскопки вели: Д. П. Багалъи, В. Е. Данилевичъ, А. М. Покровскій, Е. П. Трифилевъ, Л. Ю. Шепелевичъ (послѣдній — въ Витебск. губ.); экскурсіи по собиранію этнографическихъ матеріаловъ совершали: Н. О. Сумцовъ, А. Н. Красновъ, М. Е. Халанскій, церковныхъ древностей — Е. К. Рѣдинъ; а по собиранію документовъ — служащій въ библіотекѣ Д. П. Милеръ и архиваріусъ Е. М. Ивановъ. На призывъ комитета относительно присылки предметовъ на выставки откликнулись всѣ слои общества; особенно много предметовъ поступило отъ духовенства на выставку церковныхъ древностей. Этнографическій отдѣлъ явился впервые на Харьковскомъ съѣздѣ; онъ устроенъ былъ на средства южныхъ земствъ. Вообще

¹⁾ См. стр. 80.

²⁾ Изъ Отчета комитета. См. Извѣстія XII Арх. съѣзда, стр. 21 сл.

сѣзду оказана была и значительная матеріальная поддержка университетомъ, общественными учрежденіями и отдѣльными лицами ¹⁾. Разнообразная научная дѣятельность комитета нашла себѣ выраженіе въ печатныхъ его трудахъ, изданныхъ къ сѣзду, каковы каталогъ всѣхъ отдѣловъ выставки, 2 т. «Трудовъ Харьковскаго Предварит. Комитета»; Историко-Филологич. Общество посвятило XIII-й томъ своего «Сборника» археологическимъ и археографическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ и, кромѣ того, издало 2 выпуска «Южно-русскаго орнамента» г-жи *Литвиновой*. Харьковскій университетъ гостепріимно предоставилъ сѣзду свои помѣщенія. Засѣданія сѣзда происходили въ торжественной залѣ или въ аудиторіи № 1; выставки церковныхъ древностей и первобытныхъ устроены были въ аудиторіяхъ, а этнографическая—въ залахъ новаго зданія библіотеки. Гостямъ—депутатамъ на сѣздѣ—предоставлено было помѣщеніе въ только-что отстроенномъ тогда зданіи студенческаго общежитія.

Вообще при устройствѣ сѣзда въ Харьковѣ сказалась дружная работа университета и общества. «Только благодаря этому всеобщему сочувствію, мы и могли сдѣлать то, что сдѣлали», говорилъ проф. Д. П. Багалій въ заключеніе прочитаннаго при открытіи сѣзда отчета мѣстнаго Предварительнаго комитета. «Сочувствіе мѣстнаго общества къ Харьковскому университету не является чѣмъ-то случайнымъ: нашъ университетъ возникъ благодаря матеріальнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ всѣми слоями общества, подвинутого къ тому неизбежнымъ В. Н. Каразинымъ. И съ того момента почти цѣлое столѣтіе связь университета съ обществомъ не прерывалась: она пріобрѣла характеръ устойчивой традиціи, усиливавшейся въ одни моменты, нѣсколько ослабѣвавшей въ другіе. На нынѣшнюю помощь и содѣйствіе общества мы позволяемъ себѣ смотрѣть, какъ на интенсивное проявленіе этой традиціи, вызванное потребностью даннаго момента. Харьковскій университетъ до сихъ поръ сравнительно мало занимался археологическими и этнографическими изслѣдованіями края, хотя и здѣсь нѣкоторая преемственность существовала: В. Н. Каразінъ, ректоръ Рижскій, проф. Успенскій, Аристовъ, Морозовъ, знаменитый лингвистъ и этнографъ А. А. Потебня—поддерживали эту нить,—и вотъ теперь, когда, благодаря устройству сѣзда въ Харьковѣ, явилась возможность произвести эти изслѣдованія въ широкихъ размѣрахъ, оказались на лицо и ученые силы, и матеріальныя средства, и поддержка общества»²⁾. Отчетъ

¹⁾ Отъ университета получено до 3000, отъ Историко-Филологическаго Общества болѣе 1200 р.

²⁾ Извѣстія XII Арх. сѣзда, стр. 23—24.

Московского Предварительнаго комитета, прочитанный председателемъ съѣзда, граф. П. С. Уваровой, констатируетъ «крайне благопріятную особенность съѣзда» въ Харьковѣ, «чуждую доселѣ чисто русскимъ городамъ, — именно горячее участіе городского управленія»¹⁾.

Въ самыхъ занятіяхъ съѣзда, число членовъ котораго доходило до 400, преподаватели Харьковскаго университета принимали самое дѣятельное участіе. Председателемъ ученаго комитета съѣзда избранъ былъ проф. Д. П. Багалъй; проф. Н. О. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ, А. Н. Красновъ были избраны председателями соотвѣствующихъ секцій; прив.-доц. В. П. Савва, А. П. Кадлубовскій, Е. П. Трифильевъ, В. Е. Данилевичъ избраны были учеными секретарями или секретарями секцій. Многіе профессора Харьковскаго университета избирались въ почетные председатели на отдѣльные засѣданія. Преподавателями университета прочитаны многочисленные доклады и т. д.

По общему признанію, съѣздъ въ Харьковѣ удался и превзошелъ всѣ ожиданія. По словамъ председателя съѣзда, гр. П. С. Уваровой, сказаннымъ предъ прочтеніемъ отчета въ послѣднемъ засѣданіи, «занятія съѣзда окончены, но воспоминанія о немъ останутся самыя пріятныя». XII Археологическій съѣздъ можетъ считаться вполне удавшимся, говорится далѣе въ отчетѣ²⁾. Онъ положилъ начало изслѣдованію «Половецкой степи»; онъ привлекъ новыхъ работниковъ по археологіи³⁾; благодаря ему, положено начало археологическому и этнографическому музеямъ при Харьковскомъ университетѣ. Съѣздъ былъ обставленъ такъ, что не остается желать ничего лучшаго: наблюдаясь любезное отношеніе университетскаго начальства, дружная работа всѣхъ участниковъ, подъемъ духа въ городѣ, выразившійся, между прочимъ, въ посѣщеніи организованной при съѣздѣ выставки. Съ 16 по 24 августа ее посѣтили 55236 чел. бесплатно; кромѣ того, 602 учащихся и 921 платныхъ посѣтителей. Посѣщали выставку и интеллигентныя лица, и простой народъ, — фактъ необычный⁴⁾. Словомъ, не говоря уже о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и научныхъ результатахъ, съѣздъ вызвалъ интересъ къ старинѣ въ самомъ обществѣ, въ народной даже массѣ.

Въ подготовительныхъ работахъ къ слѣдующему Археологическому съѣзду, назначенному въ Екатеринославѣ, многіе преподаватели Харь-

1) См. Изв. XII Арх. Съѣзда, стр. 19.

2) Тамъ же, стр. 223 сл.

3) Одну изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ раскопокъ (въ Салтовскомъ городищѣ) произвелъ народный учитель г. Бабенко; дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ раскопкахъ принимали гимназисты г.г. Ефименко и Воронецъ.

4) Тамъ же, стр. 235.

ковскаго университета и Историко-Филологическое Общество приняли также болѣе или менѣе дѣятельное участіе, производили раскопки (Д. П. Багалъй, В. П. Данилевичъ, Е. П. Грифилевъ, Е. К. Рѣдинъ, Е. М. Пвановъ) и т. д.

Въ послѣдній періодъ, т. е. въ теченіе двадцатилѣтія, съ 1884 по янв. 1905 г., происходитъ, какъ мы видѣли, замѣтный *внѣшній* ростъ Харьковскаго университета—увеличеніе его преподавательскаго персонала и числа студентовъ, хотя не безъ колебаній, расширеніе его помѣщеній и улучшеніе нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Для внутренней же жизни университета въ этотъ періодъ условія были вообще неблагопріятны. Тѣмъ не менѣе и въ эти тяжелые годы Харьковскій университетъ сдѣлалъ не мало для развитія науки и просвѣщенія; а если мы вспомнимъ, при какихъ условіяхъ ему приходилось выполнять свою миссію, то мы еще болѣе должны будемъ оцѣнить его заслуги, какъ очага просвѣщенія и разсадника науки въ «полуденномъ» краѣ Россіи.
